

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»

На правах рукописи

Михеева Алина Владимировна

**АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА МАТЕРИАЛАХ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ
(СРЕДНЕВОЛЖСКОГО КРАЯ)**

5.6.1. Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
исторических наук

Научный руководитель:
Кабытов Петр Серафимович
заслуженный деятель науки РФ,
доктор исторических наук,
профессор

Самара, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ВЛАСТЬ И РЕЛИГИЯ В РАННИЙ СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ (СРЕДНЕВОЛЖСКОМ КРАЕ)	41
1.1. Формирование правового пространства деятельности религиозных организаций	41
1.2. Взаимоотношения советской власти и православной церкви.....	71
1.3. Политика советской власти по отношению к сектантству	85
1.4. Ислам и советская власть	91
ГЛАВА 2. РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ «ВОИНСТВУЮЩЕГО АТЕИЗМА» В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ (СРЕДНЕВОЛЖСКОМ КРАЕ).....	112
2.1. Борцы с «религиозными предрассудками»: работа государственных и общественных организаций по утверждению антирелигиозной пропаганды.....	112
2.2. Религиозная работа духовенства в условиях антирелигиозной пропаганды.....	157
2.3. Практики «обновления икон» в частной жизни верующего населения	185
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	197
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	203
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	229

ВВЕДЕНИЕ

Период утверждения советской власти является драматичным этапом в истории взаимоотношений религии и государства в России. Изменение всех сторон общественной жизни, начавшаяся с приходом к власти партии большевиков, привела к самостоятельности большей части религиозных организаций, однако существенным образом отразилась на внедрении в общественное сознание и повседневную жизнь новой марксистской идеологии. В трудах Карла Маркса идеология выступала как «иллюзорное представление о реальности»¹, но в плане утверждения курса на строительство социализма в России эта парадигма осуществлялась с использованием вполне реальных действий. Одним из ключевых направлений в утверждении новой идеологии стала борьба с религиозным духовным прошлым, так как внедрение новой модели советской жизни шло вразрез с религиозным сознанием. Можно сказать, что большевики реализовывали концепцию секуляризации, что в узком смысле означало «передачу церковных земель и имущества в светское владение»². Одновременно власть инициировала «процесс освобождения общества, культуры, личности от преобладающего влияния религиозных идей и институтов»³. В первые десятилетия реализации социалистического проекта власть стала вести упорную борьбу со старыми традициями и устоями веры, с представителями духовенства и с самим пониманием религии. Антирелигиозная пропаганда продолжалась на всем протяжении

¹ Баллаев А.Б. Проблема идеологии в творчестве Карла Маркса [Электронный ресурс] // История философии. 1998. №3. С. 62. Режим доступа: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/hp/hp3/4.pdf> (дата обращения: 19.03.2021).

² Секуляризация // Философско-терминологический словарь [Электронный ресурс] / под ред. А.Ф. Мальшевского. Режим доступа: <https://terme.ru/termin/sekuljarizacija.html> (дата обращения: 16.03.2021).

³ Секуляризация // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс] / Министерство культуры Российской Федерации. Режим доступа: https://bigenc.ru/religious_studies/text/3546097 (дата обращения: 16.03.2021).

существования СССР. Этот процесс сопровождался массовыми кампаниями по утверждению атеизма и существенным образом повлиял на трансформацию общественного сознания миллионов граждан. Большевистские идеологи считали, что «для успешного решения задачи воспитания “нового человека” необходимо было очистить человеческое сознание от всех старых духовных ценностей, разрушить уклад бытия, строй жизни и психологии»⁴.

Изучение религиозной политики советского государства в 20-е и 30-е годы XX столетия представляет несомненный научный интерес и является **актуальным** в связи с необходимостью всестороннего анализа механизмов взаимодействия старых религиозных традиций и новой идеологии. Это позволяет реконструировать процесс трансформации духовной жизни населения страны, в которой преобладали традиционные ценности, религиозный быт и сознание, с тем чтобы создать новое советское атеистическое общество. Анализ того, как большевики выстраивали свое отношение к церкви и различным религиозным конфессиям, как разрушали традиционную культуру и возводили вместо нее новое пространство коммунистической морали, как Церковь и ее организационные структуры смогли пережить эпоху воинствующего атеизма, как сохранилась религиозная идентичность, необходимо для формирования и совершенствования религиозно-государственных отношений на этапе формирования новой российской государственности. Советская парадигма атеизма стремилась манипулировать общественным сознанием населения и секуляризировать его религиозное мировоззрение, что в итоге способствовало росту противоречий между частным и общественным, религиозным и атеистическим, законным и запрещенным. Государственная антирелигиозная политика проводилась с целью заменить традиционную

⁴ Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект: монография / редкол.: В.В. Кондрашин, В.А. Юрченков (отв. ред.). Москва, 2017. С. 970.

религиозную культуру новыми коммунистическими традициями и избавить советское общество от пережитков прошлого. Антирелигиозная пропаганда вторгалась в эмоциональную среду каждого конкретного человека, в частную, закрытую жизнь верующего человека, что становилось необходимым условием для насаждения новых традиций и социалистического образа жизни.

Самарская губерния и Средневолжский край в дальнейшем, как крупный провинциальный регион Среднего Поволжья, так же, как и все другие территории СССР, попали под новую идеологическую перестройку. В аспекте изучения региональной истории эта проблема, несомненно, представляет научный интерес. Региональный подход позволяет осуществить сравнительно-сопоставительный анализ процесса идеологической перестройки религиозного мировоззрения населения страны как на макро-, так и микроуровне, а также проследить восприятие различными слоями российского общества проводимой государством религиозной политики и в целом, и в границах отдельно взятого региона. Специфика изучаемой территории состояла в том, что в многонациональной Самарской губернии всегда существовало большое количество религиозных объединений разных конфессий, что позволяет исследовать изучаемую проблему с различных, а порой и противоположных ракурсов. Поликонфессиональный характер населения Самарской губернии складывался с самого начала заселения этих территорий, что подчеркивает уникальный характер расположения региона на территории России: «Поволжье и Приуралье представляли уникальный для страны регион, где встретились три мировые религии – христианство, ислам и буддизм. Таким образом, наличие множества народов с разным этнокультурным обликом и цивилизационной ориентацией превращало регион в своеобразную модель всей России как неоднородного, сегментарного сообщества»⁵.

⁵ Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Леонтьева О.Б. «Обретение Родины». Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая

В пореформенный период прирост населения в Самарской губернии был самым высоким в Среднем Поволжье. С 1859 по 1897 г. произошло увеличение численности населения на 82 %, а с 1900 по 1912 г. – на 83 %, что объяснялось большим потоком переселенцев⁶. Наибольшее количество среди населения Самарской губернии в конце XIX в. составляли православные, общая доля которых на 1859 г. составила 77,3 %. Второе место по данному показателю занимали мусульмане, составлявшие 10 % населения. Также в указанный период наблюдался рост других конфессий, таких как протестанты – 3,6 %, католики – 1,4 %, иудеи – 0,01 %⁷. Православие как государственная религия и в 20-е гг. XX в. сохраняло наибольшее число верующих, а потому доминировало в губернии. В регионе проживали этносы, исповедующие ислам, католичество, протестантизм и т. д. Здесь же продолжали свою деятельность секты (советское название деноминаций, которое будет использовано в диссертации для обозначения всех неправославных неортодоксальных конфессий), которые отличались разнообразием и привлекали в свои ряды определенную часть граждан. Учитывая то, что православие было государственной религией в Российской империи и большая часть граждан страны являлись православными христианами, в диссертационном исследовании будет уделено внимание анализу документальных источников, отражающих взаимоотношения советской власти с Русской Православной церковью. Вместе с тем будут рассмотрены взаимоотношения властных структур и с другими религиозными конфессиями, представленными в Самарском крае.

Как известно, религия всегда являлась мощной регулятивной силой в правовом пространстве Российского государства. Взаимодействие духовной

половина XVI – начало XX в.): к постановке проблемы // Вестник СамГУ. 2012. № 8/2 (99). С. 15.

⁶ Гибадуллина Э.М. Мусульманские приходы в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в. [Электронный ресурс] / отв. ред. Д.В. Мухетдинов. Нижний Новгород, 2008. Режим доступа: <https://idmedina.ru/books/regions/?3772> (дата обращения: 27.03.2023).

⁷ Там же.

жизни человека с государством проявлялось многогранно. Изучение процесса борьбы за сохранение своей религиозной идентичности и права человека на исповедование той или иной религии в Советской России, анализ государственно-конфессиональных отношений являются актуальными на современном этапе в связи с формированием и совершенствованием светского государства. В связи с непростой историей формирования в России основных свобод личности как в дореволюционный, так и в советский период, необходимо определить роль религии и изучить процессы по секуляризации общественной жизни российского социума. Актуальность диссертационного исследования заключается и в том, что исторический анализ положения религиозных организаций в Советской России, степени возможной свободы убеждений позволит учесть опыт государственной антирелигиозной политики 20-х и 30-х гг. XX столетия. Востребованность данной проблематики в науке связана с тем, что в настоящее время остаются недостаточно изученными особенности проводимой антирелигиозной политики советской власти в отношении религиозных организаций Самарской губернии (Средневожского края) в особенности мусульман и нетрадиционных христианских конфессий, а также ответные меры различных этнических и конфессиональных групп населения по сохранению своих религиозных практик. Исследование этих аспектов позволит ввести в научный оборот ранее неизвестные факты и заполнить пробелы в изучении положения религии в раннем советском обществе.

Наличие в современном обществе религиозной нетерпимости, конфликтных ситуаций на национальной и религиозной почве свидетельствует о возникновении кризисных явлений в данном вопросе и требует пристального изучения. Современные мировые процессы нацелены на демократизацию общественной жизни человека, а ее религиозная и мировоззренческая части – одни из самых важных составляющих этого явления.

Объектом данного исследования является государственная

религиозная политика в СССР в 1920-х – начале 1930-х гг.

Предметом исследования являются практики взаимодействия власти и религиозных организаций в Самарской губернии (Средневолжском крае) в первые десятилетия советской власти.

Хронологические рамки исследования охватывают 1917 – конец 1930-х гг., так как именно в этот период начинает складываться новое советское общество, формируется новая идеология, происходит замещение религиозных стереотипов новой марксистской доктриной. Нижняя граница хронологических рамок определяется с момента революционных преобразований 1917 г., когда происходили ключевые изменения в положении религии в государстве, легшие в основу советской повседневной культуры и религиозного сознания населения. Верхняя граница обозначается концом 30-х гг. XX в.

Территориальные рамки исследования. В диссертации основное внимание уделено анализу реализации государственной религиозной политики на территории многонациональной Самарской губернии, однако в ряде сюжетов мы рассматриваем процесс реализации антирелигиозной политики на территориях, входящих в состав Средне-Волжской области и Средневолжского края. Средне-Волжская область с административным центром в Самаре была образована 14 мая 1928 г. в результате упразднения Самарской, Ульяновской, Оренбургской, Пензенской и части Саратовской губерний и просуществовала до 20 октября 1929 г., когда была переименована в Средневолжский край. В 1935 г. Средневолжский край был переименован в Куйбышевский край, а в 1936 г. преобразован в Куйбышевскую область. Вместе с тем исследование в некоторых случаях выходит за рамки указанного региона в связи с необходимостью выявления общего и особенного во взаимоотношениях власти, и общества как в общегосударственном масштабе, так и на региональном уровне.

Степень разработанности темы исследования.

В историографии изучаемой проблемы следует выделить два периода.

Первый из них начинается с 1917 г. и завершается серединой 1980-х гг.; в этот период данная проблема изучалась исследователями на основе марксистско-ленинской методологии, с позиций воинствующего атеизма. Новые подходы в изучении государственной религиозной политики наметились во второй половине 1980-х гг., поэтому второй период охватывает временной отрезок с середины 1980-х гг. до наших дней. Он характеризуется тем, что научная разработка проблемы ведется на основе современного исследовательского инструментария, расширения источниковой базы и использования многофакторного анализа и междисциплинарного подхода. В историографическом обзоре условно можно выделить два направления. Во-первых, опубликовано большое число исследований, в которых анализируются государственно-конфессиональные отношения в 1920–1930-е гг. В этих научных трудах уделяется внимание вопросам атеизма, деятельности Союза воинствующих безбожников, а также анализу форм антирелигиозной работы. Во-вторых, разрабатывается история русского сектантства и вероисповедальной политики Российского государства. Данное ответвление от общего историографического обзора объясняется особенностями настоящего исследования, отдельные сюжеты которого посвящены изучению повседневности воинствующего атеизма и практикам поведения верующих неортодоксальных неправославных конфессий – сект. Рассмотрим каждое из направлений по этапам: советскому и постсоветскому. Правительственную политику по отношению к различным сектам целесообразно проследить с дореволюционного этапа.

Первое направление представлено научными трудами советских и современных российских историков. В советской исторической литературе более всего уделялось внимание обоснованию правомерности проведения антирелигиозной политики в первые десятилетия советской власти. В этой связи изучение церковно-государственных отношений сводилось к критике истории Церкви и оправданию репрессивных антицерковных мероприятий. Ярким примером таких работ, публиковавшихся в 1920-е гг., может служить

книга Ионы Брехничева «Патриарх Тихон и его церковь»⁸, в которой автор обвиняет в контрреволюционной деятельности Русскую православную церковь и конкретно патриарха Тихона. Автор оправдывал советское государство за изъятие церковных ценностей. Те же концептуальные построения характерны для авторов коллективного сборника статей, в которых освещались проблемы воспитания юных советских граждан⁹. Отметим также исследование Е.Ф. Грекулова «Нравы русского духовенства»¹⁰, в котором история РПЦ анализируется через призму исторической памяти, высшего сословия дореволюционной России. Автору присуще негативное отношение к деятельности иерархов Русской православной церкви. Особенностью исторической литературы 1920-х гг. является то, что она выступает как историографический факт, но в то же время эти исследования можно считать историческим источником. Аналогично мы рассматриваем в качестве историографического факта и источника труды вождя большевистской партии В.И. Ленина за 1905–1923 гг., опубликованные в 12, 29, 37, 54 и других томах «Полного собрания сочинений»¹¹, служащие основой для изучения данной проблематики многими историками того времени.

Научная значимость исторических исследований и работ В.И. Ленина 1920-х гг. состоит в том, что они стали основой исследовательских практик ученых, которые продолжали сохраняться вплоть до середины 80-х гг. XX в. Кроме исторических исследований, в советский период были опубликованы монографии и научные статьи этнографов и социологов, в которых анализировались уровень религиозности населения и отношение граждан Советской России к Церкви. Эти проблемы освещались авторами сборника

⁸ Брехничев И.П. Патриарх Тихон и его церковь. Москва: Красная новь, 1923. 21 с.

⁹ Антирелигиозное воспитание в школе / под ред. А.Т. Лукачевского. Москва: Безбожник, 1929.

¹⁰ Грекулов Е.Ф. Нравы русского духовенства. Москва, 1928. 96 с.

¹¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 12. Москва, 1979.

статей «Революция в деревне. Очерки»¹² под редакцией В.Г. Тана-Богораза. Анализ этнографического обследования населенных пунктов Пензенской губернии представлен в книге, автором которой является Н.А. Росницкий¹³. Особое внимание было уделено исследованию деятельности старообрядцев и «сектантов», что объяснялось необходимостью их вовлечения в борьбу с Русской православной церковью. Но, начиная с 1925 г., в связи с ужесточением религиозной политики сектанты были также подвергнуты обличению со стороны ряда историков.

В 1940-е – первой половине 1950-х гг. существенно снизился интерес историков к изучению отношений между властью и религией, что отразилось и на количестве работ в этот период. Новая волна работ по данной тематике появилась в связи с изменением историографической ситуации в конце 1950-х – начале 1960-х гг., которое было генетически связано с новой волной борьбы руководства Коммунистической партии против религии в стране. Деятельность Союза воинствующих безбожников нашла отражение в статье Б.Н. Коновалова¹⁴. Г.В. Воронцов¹⁵ попытался проследить основные направления партийного руководства антирелигиозной деятельностью. И.М. Персиц в книге «Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР»¹⁶ обосновывал наличие принципа свободы совести в СССР. Примечательно, что автор вводит в научный оборот архивные материалы, анализирует законы СССР. Этим его исследование отличается от целого ряда агитационных работ того периода. В рассматриваемый период времени продолжают издаваться работы, посвященные теоретическому обоснованию

¹² Революция в деревне. Очерки / под ред. В.Г. Тана-Богораза. Ч. 1. Москва; Ленинград: Красная новь, 1924.

¹³ Росницкий Н.А. Лицо деревни. По материалам обследования 28 волостей и 32 730 крестьянских хозяйств Пензенской губернии. Москва; Ленинград, 1926.

¹⁴ Коновалов Б.Н. Союз воинствующих безбожников // Вопросы научного атеизма. Вып. 4. Москва, 1967.

¹⁵ Воронцов Г.В. Из истории партийного руководства пропагандой атеизма в СССР (1921–1929 гг.) // Атеизм, религия и современность. Ленинград, 1973.

¹⁶ Персиц И.М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР (1917–1919 гг.). Москва, 1958.

атеизма, в которых господствует марксистско-ленинская концепция. Особенно наглядно такой подход представлен в диссертации В.И. Шахновича «В.И. Ленин и проблемы атеизма: критика религии в трудах Ленина»¹⁷.

К началу 1960-х гг. в изучении церковно-государственных отношений происходили некоторые изменения. Предметом изучения становится распространение атеистического мировоззрения в советском обществе после победы революции 1917 г., а также социально-психологическое восприятие этого процесса гражданами новой страны. В 1970-х – 1980-х гг., помимо традиционных исследований, историки приступают к разработке новой научной проблематики. Так, в монографии Э.И. Лисавцева «Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР»¹⁸, а также в целом ряде исследований других историков подчеркивается положительное влияние атеистической пропаганды на советское общество. Новым явлением в советской историографии стали труды по истории церковного раскола. Эта проблема освещается в трудах Н.С. Гордиенко «Эволюция русского православия»¹⁹, А.А. Шишкина «Сущность и критическая оценка “обновленческого” раскола Русской православной церкви»²⁰. Особого внимания заслуживает фундаментальный труд Ю.Ф. Борункова «Особенности религиозного сознания»²¹, в котором автор выделяет несколько уровней религиозного сознания. Значительный интерес представляет монография В.А. Куроедова «Религия и церковь в советском обществе»²², в которой автор рассматривал развитие отношений Церкви и

¹⁷ Шахнович М. В.И. Ленин и проблемы атеизма: критика религии в трудах Ленина / Акад. наук СССР. Музей истории религии и атеизма. Москва; Ленинград, 1963.

¹⁸ Лисавцев Э.И. Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР. Москва, 1975.

¹⁹ Гордиенко Н.С. Эволюция русского православия (20-е – 80-е годы XX столетия). Москва, 1984.

²⁰ Шишкин А.А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской православной церкви. Казань, 1970.

²¹ Борунков Ю.Ф. Особенности религиозного сознания. Москва, 1972.

²² Куроедов В.А. Религия и церковь в советском обществе. Москва, 1984.

советского государства, основной целью которых, по его мнению, было подтверждение реализации в СССР принципа свободы совести. Во всех работах данного периода роль РПЦ характеризовалась как консервативная, положительно оценивалась антирелигиозная работа. При исследовании работ указанного периода стоит помнить, что советская историография данного вопроса была политизирована и исследователи рассматривали церковно-государственную политику через призму идеологии. Лишь в 1970–1980-х гг. часть авторов стала разрабатывать новую проблематику, но и они традиционно придерживались марксистско-ленинской методологии. В этом отношении можно выделить очерки Московской Патриархии «Русская Православная Церковь. 1917–1988»²³, изданные в год 1000-летия Крещения Руси. К числу достижений отнесем и то, что в 60–80-е гг. XX в. существенно расширилась источниковая база исследований, что не могло не оказать позитивного влияния на исследователей современного периода.

В 1990-е гг. распад СССР и снятие идеологических установок стимулировали критическое переосмысление религиозно-государственных отношений. Были введены в научный оборот новые архивные данные, ранее засекреченные, и стал использоваться современный исследовательский инструментарий. Историки пересмотрели многие концепции и мифологемы предшествующей историографии. Например, были пересмотрены оценки мероприятий государства по изъятию церковных ценностей и разрушению церквей. Если ранее считалось, что Церковь была оплотом контрреволюционной деятельности, что инициатором изъятия церковной собственности являлось голодающее население и что никаких гонений на верующих в Советском Союзе не предпринималось, то в 1990-е и последующие десятилетия наблюдался серьезный поворот в осмыслении историками событий того времени. В.Б. Жиромская в коллективной монографии «Полвека под грифом “секретно”»: Всесоюзная перепись

²³ Русская Православная Церковь, 988–1988. Вып. 2: 1917–1988 гг. Москва, 1988.

населения 1937 года»²⁴, написанной в соавторстве с другими историками, в одной из глав анализирует уровень религиозности советского народа. В монографиях А.Н. Кашеварова «Православная Российская Церковь и советское государство (1917–1922)»²⁵, Н.А. Кривовой «Власть и церковь в 1922–1925»²⁶, М.Н. Одинцова «Государственно-церковные отношения в России. XX век»²⁷ анализируются не только общие проблемы взаимоотношений власти и Церкви, но и такие вопросы, как вскрытие мощей святых, участие комсомола в антирелигиозной работе и т. д. Постепенно историками формировалось совершенно иное видение религиозно-государственных отношений. Многие историки стали уделять внимание истории повседневности, раскрывать историю государственно-религиозных отношений с позиции реально существующих практик, опираясь на воспоминания горожан. Так, Н.Б. Лебина²⁸ исследует советский город в аспекте девиантного поведения, затрагивая инверсивные нормы и патологии, в том числе ставит вопросы о безбожном быте и новой религии. Другие ее исследования: монография «Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР-оттепель»²⁹, а также статья «Черно-белые красные свадьбы»³⁰ – посвящены изучению взаимоотношений мужчин и женщин в условиях эволюции тоталитарного общества.

В первые десятилетия XXI в. появилось много работ, в которых изучается процесс формирования нового советского человека в 1920-е гг.

²⁴ Жиромская В.Д. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. Москва, 1996.

²⁵ Кашеваров А.Н. Православная Российская Церковь и советское государство (1917–1922). Москва, 2005.

²⁶ Кривова Н.А. Власть и церковь в 1922–1925. Москва, 1999.

²⁷ Одинцов М.И. Государственно-церковные отношения в России. XX век. Москва, 1994.

²⁸ Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920–1930 гг. Санкт-Петербург, 1999.

²⁹ Ее же. Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР – оттепель. 2-е изд. Москва, 2017.

³⁰ Ее же. Черно-белые красные свадьбы [Электронный ресурс] // Теория моды. 2014. Т. 2, № 32. Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/4990> (дата обращения: 16.03.2017).

Детально исследуется антирелигиозная работа различных властных структур среди разных групп верующего населения, разрабатываются новые концепции на основе новой базы источников. С.Л. Фирсов в работе «“Власть и огонь”: Церковь и советское государство: 1918 – нач. 1940-х гг.: очерки истории»³¹ рассматривает основные аспекты взаимоотношений Церкви и советской власти, делает упор на обновленчество. Особо выделим монографию М.Н. Одинцова «Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма 1917–1953 гг.»³², в которой автор на основе широкого круга источников, воспоминаний и свидетельств современников рассказал о судьбе русского православия в ключевые моменты отечественной истории. В XXI веке церковно-религиозные отношения стали чаще рассматриваться церковными историками, представителями духовенства. Повышенный интерес проявляется к церковному расколу и церковному управлению. В этом отношении показательна работа А.Г. Кравецкого и А.А. Плетневой, посвященная деятельности Священного собора Православной российской церкви 1917–1918 гг.³³ В монографии В.А. Цыпина прослеживается история Русской православной церкви в XX в.³⁴ Большое значение для изучения поведения крестьянства и казачества в условиях пропаганды безбожия имеет коллективная монография В.В. Кондрашина и В.А. Юрченкова «Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект»³⁵. Появляются исследования, связанные с разработкой национального вопроса в условиях формирования нового государства на

³¹ Фирсов С.Л. Власть и огонь: Церковь и советское государство: 1918 – нач. 1940-х гг.: очерки истории. Москва, 2014.

³² Одинцов М.Н. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма 1917–1953 гг. Москва, 2014.

³³ Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний / под ред. Кравецкого А.Г., Плетневой А. А. Москва, 2000–2002.

³⁴ Цыпин В.А. История Русской Православной Церкви 1917–1997 гг. Москва, 1994.

³⁵ Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект: монография / редкол.: В.В. Кондрашин, В.А. Юрченков (отв. ред.). Москва, 2017.

материалах Чувашии Е.К. Минеевой. Они позволяют проследить настроения населения накануне оформления Чувашской автономной социалистической республики³⁶.

В исторических исследованиях прослеживается тенденция уделять внимание изучению реализации государственной религиозной политики в каждом регионе России, что свидетельствует о росте интереса к религиозно-государственным отношениям. Так, А.И. Савин³⁷ исследует советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг., уделяя внимание изучению повседневных религиозных практик в обществе. Анна Соколова в монографии «Новому человеку – новая смерть? Похоронная культура раннего СССР»³⁸ исследовала государственную политику в отношении смерти и погребения, неразрывно связанных до революции с религиозными обрядами. В работах А.Н. Евдокимовой³⁹ можно проследить роль Союза воинствующих безбожников в процессе реализации антирелигиозной пропаганды и ее влияние на трансформацию религиозных обрядов в Чувашской республике 1920–1930-х гг. Также были опубликованы научные труды, в которых исследуется история ислама в дискурсе религиозной трансформации. Так, в коллективной

³⁶ Минеева Е.К. Органы управления в условиях формирования автономии народов среднего Поволжья в 1917–1936 годах // Вестник Чувашского университета. 2007. № 1. С. 27–40; Ее же. Национально-территориальная государственность как фактор развития народов России в 1917–1922 гг. (на примере Чувашского края) // Регионология. 2007. № 2 (59). С. 264–270.

³⁷ Савин А.И. Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг. Документы и материалы. Новосибирск, 2004.

³⁸ Соколова А. Новому человеку – новая смерть? Похоронная культура раннего СССР. Москва, 2022.

³⁹ Евдокимова А.Н. Роль союза воинствующих безбожников в борьбе с православными праздниками в Чувашской республике в 20–30-е годы // Историческая наука и образование: прошлое, настоящее и будущее. IV Смирновские чтения: сборник трудов Всероссийской научной конференции / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ИД «Среда», 2019. С. 197–202. ISBN 978-5-6042436-4-0; Евдокимова А.Н., Лянкина А.Л. Формы антирелигиозной деятельности союза воинствующих безбожников в чувашской республике в 20–30-е годы // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева): сборник трудов Всероссийской научной конференции с международным участием / ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова». Чебоксары, 2019. С. 172–177.

монографии под редакцией Р.И. Беккина⁴⁰ рассматривается дискурс о традиционном исламе в среде тюрок-мусульман европейской части России и Крыма. Изучение обновленческого раскола предпринято в монографии В.В. Лобанова⁴¹. Все чаще появляются работы, связанные с исследованием народной религиозности – например, статья И.С. Бутова и Н.В. Томина⁴².

В изучении данной проблематики стоит обратиться к когнитивной истории, которая связана с пониманием идентичности, исторической памяти, например, к новейшей коллективной монографии «Когнитивные науки и историческое познание»⁴³. Авторы этого труда указывают, что с 1980-х гг. широкое распространение в научной литературе и публицистике получила концепция «двоемыслия» советского человека, который вел свою лукавую «игру» с государством, умел четко разделять «официальный» и «личный» дискурс и осознавал, что его личная история и личная правда не предназначаются для широкого круга и не могут быть адекватно переданы бюрократическим языком⁴⁴. Однако эта концепция получила в дальнейшем критическую оценку, и было выявлено, что официальный дискурс советского периода со всеми «присущими ему мифологемами» глубоко интегрирован в сознание людей и не может быть безболезненно отделен от личных воспоминаний. Также в монографии исследуются мифы исторической памяти, которые позволяют понять перемены в сознании граждан Советской России, произошедшие в период установки и развития новой идеологии, в том числе безбожия.

⁴⁰ «Ислам, имеющий мирную и добрую сущность»: дискурс о традиционном исламе в среде тюрок-мусульман европейской части России и Крыма: коллективная монография / под ред. Р.И. Беккина. Москва: Новое литературное обозрение, 2021. 280 с. ISBN 978-5-4448-1591-5.

⁴¹ Лобанов В.В. «Обновленческий» раскол в Русской православной церкви (1922–1946 гг.). Санкт-Петербург: Петроглиф, 2019. 268 с. ISBN 978-5-8055-0373-4.

⁴² Бутов И.С., Томин Н.В. Нарративы, связанные с обновлениями и мироточениями икон, в Российской империи до революции 1917 г. // Кант. 2022. № 1 (42). С. 105–114. DOI: 10.24923/2222-243X.2022-42.19.

⁴³ Когнитивные науки и историческое познание: коллективная монография / под общ. ред. О.В. Воробьевой (отв. ред.), Г.И. Зверевой. Вып. II. Москва: Аквилон, 2020. 372 с. (Серия «Профессия – историк»).

⁴⁴ Там же. С. 262.

Из региональной историографии следует упомянуть книгу А.Г. Подмарицына «Очерки истории Самарской епархии»⁴⁵. В этом учебном пособии автор повествует об истории Самарской епархии, об основных событиях религиозной жизни Самары с 1917 по 1941 г. Также большой вклад в изучение Русской православной церкви внес В.Н. Якунин⁴⁶, одна из работ которого посвящена истории Самарской епархии. На региональном уровне существуют и другие работы по религиозной проблематике, например, кандидатская диссертация В.В. Катьковой «Старообрядчество Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX века»⁴⁷, книга «Самарское краеведение: религии и конфессии»⁴⁸ под редакцией С.Э. Зубова, кандидатские диссертации С.А. Иванушкиной⁴⁹ и М.К. Декановой⁵⁰, Ж.В. Яковлевой⁵¹. Антирелигиозная пропаганда в СССР по материалам Симбирского-Ульяновского края в 1918–1941 гг. была освещена в диссертационном исследовании Р.В. Ильязовой⁵². Политика советской власти по отношению к религии стала тематикой работ казанских историков: в докторской диссертации Р.А. Набиева⁵³, в исследованиях Д.В. Давыдова⁵⁴.

⁴⁵ Подмарицын А. Очерки истории Самарской епархии. Самара: ООО «Книга», 2008. 151 с. ISBN 978-5-91568-026-4.

⁴⁶ Якунин В.Н. История Самарской епархии. Тольятти: ИПЦ Поволж. гос. ун-та сервиса, 2011. 623 с. ISBN 978-5-9581-0235-8; Его же. Самарская епархия Русской православной церкви в 1917–1941 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 4. С. 62–78. DOI: 10.21685/2072-3024-2022-4-4.

⁴⁷ Катькова В.В. Старообрядчество Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. 311 с.

⁴⁸ Зубов С.Э., Кузнецова Л.В., Малкова Н.М., Федоров М.Г. Самарское краеведение: религии и конфессии. Религии Самарской области. История и современность: учеб. пособие. Самара: Сам. муниц. институт управления, 2008. 152 с.

⁴⁹ Иванушкина С.А. Формирование музейной сети Самарской губернии в 1918–1928 годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. 242 с.

⁵⁰ Деканова М.К. Трансформация российской праздничной культуры в конце XIX – первой трети XX в.: центр и провинция: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2009. 244 с.

⁵¹ Яковлева Ж.В. Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье (конец 1920-х – начало 1940-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2017.

⁵² Ильязова Р.В. Антирелигиозная пропаганда в СССР в 1918–1941 гг. (по материалам Симбирского-Ульяновского края): дис. ... канд. ист. наук. Ульяновск, 2021.

⁵³ Набиев Р.А. Политика советского государства по отношению к религии и церкви в 20 - 30-е годы: (На материалах национальных республик Поволжья и Приуралья): дис. ... д-ра ист. наук: Казань, 1992; Набиев Р.А., Фатхуллин Р.А. Особенности мобилизации

Среди историков Самарской области стоит упомянуть и исследователей по истории ислама, изучающих проблему взаимоотношений религии и государства на примере мусульманского населения городов Среднего Поволжья. Так, раскрывают эти вопросы в своих работах Ш.Х. Галимов⁵⁵, Ю.Н. Гусева⁵⁶, Э.М. Гибадуллина⁵⁷. В коллективной монографии «Татары Самарского края: историко-этнографические и социально-экономические очерки»⁵⁸ прослеживается процесс установления и развития отношений между религиозной организацией мусульман Самары и властными структурами. Эволюция мусульманской общины в Среднем Поволжье и преимущественно на территории Симбирской губернии (Ульяновской области) нашла отражение в работах историка А.В. Кобзева⁵⁹. Политику Советского государства по отношению к неправославным

религиозного сознания мусульман в ходе Великой Отечественной войны // Социальное время. 2020. №3 (23). С.118-128.

⁵⁴ Давыдов Д.В., Козлова О.В. Бытовая религиозность мусульман ТАССР в годы хрущевской антирелигиозной кампании // Исламский фактор в истории Волго-Уральского региона. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 1100-летию принятия ислама в Волжской Булгарии. Чебоксары, 2022. С. 27-32; Давыдов Д.В., Алиев И.Э. Некоторые аспекты крестьянских свадебных традиций в татарской республике в 1920 гг. // Вестник Чувашского государственного института культуры и искусств. 2018. №13-2. С.43-46.

⁵⁵ Галимов Ш.Х. Прошлое как вера в будущее. Самара: ООО «Книга», 2012. 218 с.

⁵⁶ Гусева Ю.Н. Российский мусульманин в XX веке (на материалах Среднего Поволжья). Самара, 2013. 415 с. ISBN 978-5-473-00872-2.

⁵⁷ Гибадуллина Э. М. Мусульманские приходы в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. / отв. ред. Д.В. Мухетдинов. Нижний Новгород: ИД «Медина», 2008. 260 с. ISBN 978-5-9756-0032-5.

⁵⁸ Татары Самарского края: историко-этнографические и социально-экономические очерки /под ред. Ш.Х. Галимова. Самара: Кн. изд-во, 2017. 616 с.

⁵⁹ Кобзев А.В. Мусульмане Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: Этноконфессиональный аспект: дис. ... канд. ист. наук. Ульяновск, 2002; Его же. Институты мусульманской общины Симбирского – Ульяновского Поволжья в 1920–1930-е гг. // Minbar. Islamic Studies. 2019. Т. 12, № 4. С. 959–984; Его же. «Как большевики проиграли антирелигиозную борьбу»: конфессиональная политика советского государства и мусульмане Симбирской/Ульяновской губернии // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11, № 2. С. 35–44. DOI: 10.20536/2074-1529-2015-11-2-35-44.

вероисповеданиям проанализировал в своей докторской диссертации А.Г. Далгатов⁶⁰.

В зарубежной историографии вопрос о религиозно-государственной политике СССР стал разрабатываться во второй половине XX в., а активная фаза исследований приходится на 1990-е гг. Глубоко исследуется процесс гонений на верующих, сопротивления религиозных объединений советской власти и постепенного возрождения религии в стране. Например, интересна работа английского ученого Дж. Андерсона «Religion, State and Politics in the Soviet Union and Successor States»⁶¹, в которой автор рассматривает формирование советской религиозной политики от смерти Сталина и до распада СССР. К числу новейших исследований можно отнести книгу Виктории Смолкин, в которой прослежен весь путь становления атеизма в СССР. Речь идет о ее монографии «Свято место пусто не бывает. История советского атеизма»⁶², в которой реконструируется процесс становления атеизма в качестве официальной идеологии советского общества. В монографии Т. Асада «Возникновение секулярного: христианство, ислам, модерность» определено соотношение светских и религиозных дискурсивных практик. А в монографии М. Рольфа «Советские массовые праздники»⁶³ анализируются советские практики проведения массовых торжеств. Важным дополнением к изучению советской национальной политики стала работа Ф. Хирш «Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза»⁶⁴, позволяющая проследить отношение большевиков к

⁶⁰ Далгатов А.Г. Политика Советского государства по отношению к неправославным вероисповеданиям: Октябрь 1917-го – конец 1930-х годов): дис. ... д-ра ист. наук. Санкт-Петербург, 2004.

⁶¹ Anderson J. Religion, State and Politics in the Soviet Union and Successor States. Cambridge, 1994.

⁶² Смолкин В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма / Виктория Смолкин; пер. с англ. О.Б. Леонтьевой, науч. ред. М.Ю. Смирнов. Москва: Новое литературное обозрение, 2021. 552 с. ISBN 978-5-4448-1277-8.

⁶³ Рольф М. Советские массовые праздники / [пер. с нем. В.Т. Алтухова]. Москва: РОССПЭН, 2009. 439 с. ISBN 978-5-8243-1086-3.

⁶⁴ Хирш Ф. Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза / авториз. пер. с англ. Р. Ибатуллина. Москва: Новое литературное обозрение, 2022. С. 195–196. ISBN 978-5-4448-1772-8.

тому или иному народу и их традиционным ценностям. Исследование Й. Хелльбека⁶⁵, построенное на основе анализа дневников людей, живших в сталинскую эпоху, позволяет понять, как новый советский человек трансформировал свое сознание и повседневные практики под идеологическим прессом. Репрезентация советской эпохи является также целью работы немецкого ученого Карла Шлегеля, который в своем фундаментальном труде «Sowjetische Jahrhundert. Archäologie einer untergegangenen Welt»⁶⁶ исследует повседневную жизнь советской эпохи с позиции «советских хронотопов». Он обращается к сбору отдельных фрагментов истории, чтобы затем заставить их «говорить», позволяя составить картину исторической действительности: «Мир будет рассматриваться и читаться через историю вещей, через анализ знаков и форм общения, мест и рутин»⁶⁷.

Обратимся теперь к другому направлению историографии – изучению истории сектантства в России.

Среди дореволюционных исследований сектантства стоит выделить общую для всех исследований позицию обличения русского сектантства по отношению к церковно-государственной системе. Этот подход характерен для работ Н. Барсова⁶⁸, К. Кутепова⁶⁹, Т.И. Буткевича⁷⁰. Всех перечисленных авторов можно отнести к консервативному кругу историков. Также

⁶⁵ Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи / пер. с англ. С. Чачко; науч. ред. А. Щербенок. Москва: Новое литературное обозрение, 2017. С. 13. ISBN 978-5-4448-0707-1.

⁶⁶ Schlögel Karl. Sowjetische Jahrhundert. Archäologie einer untergegangenen Welt. München, 2017.

⁶⁷ Профессиональная идентичность и самосознание историка / под общ. ред. О.В. Воробьевой (отв. ред.). Вып. III. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 2022. 480 с. (Профессия – историк).

⁶⁸ Барсов К. Русский простонародный мистицизм // Христианское чтение. 1869. № 9. С. 418–481.

⁶⁹ Кутепов К. Секты хлыстов и скопцов. Казань, 1882.

⁷⁰ Буткевич Т.И. Обзор русских сект и их толков с изложением их происхождения, распространения и вероучения и с опровержением последнего [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Timofej_Butkevich/obzor-russkih-sekt-i-ih-tolkov (дата обращения: 10.11.2022).

интересна работа либерального историка Д.Г. Коновалова⁷¹, который применял прогрессивный методологический подход, проводя сравнительный анализ сектантства с ранними проявлениями христианства. К леворадикальному направлению исследований по данной тематике относятся труды А. Щапова⁷², П.Н. Милюкова⁷³ и др. Указанные авторы представляли сектантство как закономерный процесс смены социально-психологических и культурных форм. В дореволюционный период к изучению сектантства обращались писатели и поэты Серебряного века, например, Н. Бердяев⁷⁴, В.В. Розанов⁷⁵.

Советский период изучения сектантства характеризуется господством марксистско-ленинской концепции в работах историков. Одним из первых исследований по данной проблематике была работа В.Д. Бонч-Бруевича⁷⁶. В своих исследованиях он выделял общественно-политический смысл религиозных движений. Также интересен труд Н.М. Никольского, так как он содержит обширные сведения по истории сектантства дореформенного и пореформенного периода⁷⁷. При изучении русского сектантства советскими историками стоит отметить специальный семинар, организованный ученым Н.М. Маториным в 1929 г. на базе Ленинградского университета. Для работ 1960–1970-х гг. характерно наличие попыток связать религиозное сектантство с социально-экономическим развитием общества. Например, в своем труде «Религиозное сектантство в прошлом и настоящем»⁷⁸

⁷¹ Коновалов Д.Г. Религиозный экстаз в русском мистическом сектанстве: Исслед. Д.Г. Коновалова. Ч. 1. Сергиев Посад: тип. Св.-Тр. Сергиевой лавры, 1908.

⁷² Щапов А.П. Сочинения: в 3 т. Т. 1. Санкт-Петербург, 1906.

⁷³ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. Т. 2, ч. 1. Москва, 1994.

⁷⁴ Бердяев Н.А. Собрание сочинений. Т. 3. Типы религиозной мысли в России. Париж, 1989.

⁷⁵ Розанов В.В. Апокалиптическая секта (хлысты и скопцы) [Электронный ресурс]. Москва, 2002. Режим доступа: http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1913_apok_sekta.shtml (дата обращения: 10.11.2022).

⁷⁶ Бонч-Бруевич В.Д. Избранные сочинения. Москва, 1959.

⁷⁷ Никольский Н.М. История русской церкви. Москва, 1983. 448 с. ISBN 978-00-1389155-0.

⁷⁸ Клибанов А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. Москва, 1973.

А.И. Клибанов исследовал как само понятие сектантства, так и отдельные направления в религиозных христианских течениях.

Для современного периода отечественной историографии характерно появление новых подходов. Так, А.А. Панченко⁷⁹ описывает и анализирует устойчивые формы традиционной культуры хлыстовства и скопчества⁸⁰. Труд А.М. Эткинда⁸¹ «Хлыст» посвящен русским религиозным общинам на рубеже XIX–XX вв., влиянию их идей на общество в России⁸². З.М. Кобозева в своей монографии⁸³ исследует религиозное инакомыслие в мещанском сословии г. Самары на примере секты хлыстов, а также пишет о народной религиозности⁸⁴. В число авторов данного периода можно включить Т. Филиппову⁸⁵. При анализе современных работ стоит выделить коллективную монографию А.Г. Далгатова, М.Ю. Крапивина и А.Я. Лейкиной⁸⁶, посвященную изучению государственной политики в отношении христианских сект. Взаимоотношения советской власти и сектантства хорошо прослеживаются при изучении практики отказа представителей сект от прохождения военной службы, которой посвящено исследование И.А. Гордеевой «Отказы от военной службы и формирование пацифистского

⁷⁹ Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. Москва, 2002.

⁸⁰ Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. Москва, 2002.

⁸¹ Эткинд А.М. Хлыст. Секты, литература и революция. Москва, 1998.

⁸² Эткинд А.М. Хлыст. Секты, литература и революция. Москва, 1998.

⁸³ Кобозева З.М. Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX – начало XX в.), или Рассказ о «душе с повинностями». Самара, 2013.

⁸⁴ Кобозева З.М., Протасова А.В. «Подумаем, подумаем, братцы»: народная религиозность до и после революции 1917 года (на примере Среднего Поволжья) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26. № 1. С. 26-30.

⁸⁵ Филиппова Т. «Исход братьев»: переселение меннонитов из СССР в конце 1920-х гг. [Электронный ресурс] // Родина. 2002. № 10. Режим доступа: http://krotov.info/lib_sec/21_f/fil/ippova.htm?ysclid=la701b0i8c157828894 (дата обращения: 06.11.2022).

⁸⁶ Далгатов А.Г., Крапивин М.Ю., Лейкина А.Я. Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917 – конец 1930-х годов). Санкт-Петербург, 2003.

движения в России в конце XIX – начале XX века»⁸⁷. Эта и ряд других работ таких авторов, как А.И. Савин⁸⁸, Е.И. Гетель⁸⁹, Б.Б. Сажина позволяют комплексно изучить возможности сохранения религиозной идентичности сектантов, в основе вероучения многих из которых лежал отказ от военной службы⁹⁰.

Таким образом, изучение и анализ историографии проблемы позволяют сделать вывод о наличии высокого интереса к проблеме взаимоотношений власти и религии в советском обществе. Изучение религиозной повседневности только начинает набирать популярность среди отечественных исследователей. Существует ряд работ, посвященных отдельным аспектам указанной проблемы в отдельно взятых регионах и территориях, относящихся к Среднему Поволжью в целом и Самарской губернии в частности. Однако до сих пор не существует комплексного исследования, посвященного изучению конфессиональной политики советской власти во взаимосвязи с деятельностью религиозных организаций и попытками верующего населения отстаивать свои религиозные устои и традиции на примере отдельно взятого региона – Самарской губернии. Научная востребованность такого исследования обосновывается тем, что в настоящее время остаются недостаточно изученными практики активного и пассивного противодействия духовенства и верующих по отношению к антирелигиозной политике, реализуемой государством. Это дополнительно

⁸⁷ Гордеева И.А. Отказы от военной службы и формирование пацифистского движения в России в конце XIX – начале XX века // RUSSIAN PEASANT STUDIES. 2018. Т. 3, № 4.

⁸⁸ Савин А.И. Альтернативная гражданская служба в советской России в 1920–1930-е годы: нормативно-правовое поле и практическая организация // Институты гражданского общества в Сибири (XX – начало XXI в.) / отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2009. С. 74–75.

⁸⁹ Долгий путь российского пацифизма. Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России / под ред. Т.А. Павловой, П. Брока, Р.М. Илюхиной [и др.]. Москва, 1997. С. 300–317.

⁹⁰ Конфессиональная политика советского государства в 1920–1950-е годы: материалы XI Международной научной конференции. Великий Новгород, 11–13 октября 2018 г. Москва, 2019.

подтверждает научную актуальность данного исследования и подчеркивает перспективность развития научного направления.

Исследовательская проблема данной работы заключается в определении степени эффективности антирелигиозной политики Советского государства на материалах конкретного многонационального и поликонфессионального региона. Для рассмотрения этой проблемы необходимо изучить не только комплекс антирелигиозных мероприятий, проводившихся властью, но также отношение значительного числа граждан к проводимой большевиками политике, формы и методы активного и пассивного сопротивления со стороны духовенства и верующих, трансформацию практик повседневной светской и религиозной жизни под влиянием антирелигиозной политики. Это позволит выявить противоречия во взаимоотношениях между властью и обществом, между различными политическими акторами (органами власти, политическими и общественными организациями) и верующими различных религиозных конфессий и церковных деноминаций, между убежденностью власти в успешном внедрении новой атеистической идеологии – и реальным уровнем религиозности в обществе.

Цель настоящего исследования заключается в изучении антирелигиозной политики государства в первые десятилетия советской власти на материалах Самарской губернии (Средневолжского края). В связи с поставленной целью нами выделены следующие **исследовательские задачи**:

- исследовать процесс развития советского законодательства в отношении Церкви в государстве, рассмотрев правовое положение православного христианства, ислама и других конфессий в Советской России;
- изучить взаимоотношения религиозных организаций традиционных конфессий и властных структур в Самарской губернии (Средневолжском крае) в ранний советский период;

– рассмотреть взаимоотношения сектантских организаций и советской власти на региональном уровне на материалах Самарской губернии (Средневолжского края);

– проанализировать организацию и деятельность Союза безбожников в Самарской губернии (Средневолжском крае) и работу государственных и общественных организаций по утверждению антирелигиозной пропаганды;

– установить степень вовлеченности молодежи в организацию антирелигиозного движения и становление безбожного быта;

– выявить трансформации религиозных практик духовенства, а также стратегии и тактики выживания верующих в условиях пропаганды атеистической идеологии;

– проследить изменения повседневных религиозных и светских практик населения Самарской губернии (Средневолжского края), принадлежавшего как к традиционным конфессиям (православию, исламу), так и к различным сектам.

Источниковая база исследования. Основой для исследования послужили материалы Самарского центрального государственного архива Самарской области⁹¹ (ЦГАСО) и Самарского областного государственного архива социально-политической истории⁹² (СОГАСПИ). Также были использованы материалы Тольяттинского архива⁹³, Сызранского филиала Самарского центрального государственного архива Самарской области⁹⁴. Были выделены следующие группы источников: законодательные акты, постановления и распоряжения органов власти, носившие правовой и распорядительный характер; документы общественных организаций; статистические данные и материалы периодической печати. Также в базу исследования входят источники личного происхождения, художественная

⁹¹ Государственное бюджетное учреждение «Центральный государственный архив Самарской области» (далее – ЦГАСО).

⁹² Государственное бюджетное учреждение «Самарский областной государственный архив социально-политической истории» (далее – СОГАСПИ).

⁹³ Муниципальное казенное учреждение городского округа Тольятти «Тольяттинский архив».

⁹⁴ Сызранский филиал ЦГАСО.

литература, визуальные и фольклорные, а также интернет-источники и вещественные материалы.

К первой группе законодательных документов относятся акты и постановления советского правительства, включающие в себя конституции⁹⁵, декреты⁹⁶ и распоряжения властей⁹⁷ по отдельным вопросам регулирования жизни в стране. К ним примыкают решения, резолюции, постановления съездов партии и местных органов власти. Данная группа источников позволяет проследить процесс установления правовых отношений между религиозными организациями и властью, очертить правовое пространство и показать изменение законодательства по религиозному вопросу.

Документы общественных организаций включают в себя программу, устав и материалы съездов РКП(б)–ВКП(б)⁹⁸, а также агитационные документы и печатные издания⁹⁹. В этой связи наиболее показателен Союз воинствующих безбожников, документы которого широко представлены как в Самарском государственном архиве социально-политической истории, так

⁹⁵ Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики [Электронный ресурс]: принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. Режим доступа: <https://base.garant.ru/185478/> (дата обращения: 27.08.2023); Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики [Электронный ресурс]: утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г. Режим доступа: <https://base.garant.ru/185477/> (дата обращения: 27.08.2023); Конституция Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс]: утверждена резолюцией II-го Съезда Советов Союза ССР от 31 января 1924 г.). Режим доступа: <https://base.garant.ru/185480/> (дата обращения: 27.08.2023); Конституция Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс]: утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.). Режим доступа: <https://base.garant.ru/185479/9903d706745464d9fcec0b0ad12d9e32/> (дата обращения 02.06.2020).

⁹⁶ Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. Москва, 1957.

⁹⁷ О порядке проведения в жизнь Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви от 24.08.1918: постановление Народного Комиссариата Юстиции РСФСР [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_347.htm (дата обращения: 12.05.2020).

⁹⁸ Двенадцатый съезд РКП(б) 17–23 апреля 1923 года. Стенографический отчет. Москва, 1968.

⁹⁹ Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)–ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии). 1922–1929 гг. / сост. В.В. Лобанов. Москва, 2014.

и в Самарской областной библиотеке. Ценным источником является послание патриарха Тихона¹⁰⁰, выражающее официальную позицию главы Русской православной церкви, как документ первостепенного церковно-исторического значения в кризисные годы для всех верующих людей.

Делопроизводственная документация содержит огромный пласт архивных документов и опубликованных источников. Наиболее интересны отчеты собраний и съездов комсомола, хранящихся в СОГАСПИ. Эти материалы включают в себя отчеты о проведении антирелигиозных праздников и парадов¹⁰¹, что позволяет коснуться важнейшей стороны данного исследования – повседневной культуры атеистической пропаганды в Самаре. Также важными источниками являются материалы съездов сектантов, проводившихся в Самарской губернии в этот период¹⁰². Эти материалы представляют собой отчетные доклады по состоянию сектантских образований в центре и на местах, доклады областного исполкома, доклады о богослужении и хоровом пении, о молитвенном доме и состоянии низовых организаций. Важным источником по изучению контроля за деятельностью духовенства и органов церковного управления являются информационные сводки Самарского губернского отдела ОГПУ¹⁰³. Фонды Самарского Епархиального церковно-исторического музея включают в себя документы по церковно-исторической тематике, в том числе письма, свидетельства и брошюры.

Следующая группа источников включает в себя статистические материалы¹⁰⁴, касающиеся численности представителей той или иной конфессии, верующих и атеистов и т.д. Данные материалы позволяют

¹⁰⁰ Послание святейшего патриарха Тихона от 19 января 1918 (с анафемой безбожникам): Азбука веры [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Tihon_Belavin/poslanie-patriarha-tihona-s-anafemoj-bezbozhnikam (дата обращения: 07.11.2022).

¹⁰¹ СОГАСПИ. Ф. 1, Ф. 53.

¹⁰² Там же. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1137.

¹⁰³ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1707, Д. 1708.

¹⁰⁴ ЦГАСО. Ф. Р-20.

представить соотношение религиозных организаций в Самарской области, проследить процессы отхождения населения от веры, а также выяснить данные, касающиеся численности той или иной религиозной организации, количества мужчин и женщин, детей. Они дают возможность выявить, какие секты имели большее влияние в Самарской губернии и имели значительную социальную базу.

Материалы периодической печати, включающие в себя газеты и журналы, а также агитационная литература, в частности брошюры, являются ценными историческими источниками, однако для них характерна политизированность, имевшая место в молодом советском государстве. Например, к этой группе относятся газеты «Коммуна»¹⁰⁵, «Волжская коммуна»¹⁰⁶, «Голос Молодежи»¹⁰⁷, брошюра «Новая церковь»¹⁰⁸ Титлинова и др. Большое значение в изучении религиозного вопроса имеют теоретические и практические журналы, издаваемые как в рамках региона, так и по всей стране. Примером такого источника служит Областной партийный ежемесячник органа Средне-Волжского областного комитета ВКП(б), а затем двухдекадный краевой партийный журнал органа Средневолжского крайкома ВКП(б) «Коммунист»¹⁰⁹. Также материалы периодической печати представлены церковными и богословскими журналами¹¹⁰, периодикой отдельных сект¹¹¹.

Документы личного происхождения являются важным видом исторических источников, с их помощью мы можем взглянуть на историю глазами реальных участников событий. Для изучения данной проблематики особое значение имеют послания, записи и обращения священнослужителей.

¹⁰⁵ Коммуна. 1923–1924.

¹⁰⁶ Волжская коммуна. 1930–1931.

¹⁰⁷ Голос Молодежи. 1924.

¹⁰⁸ Титлинов Б.В. Новая церковь. Петербург; Москва, 1923.

¹⁰⁹ Коммунист. 1928–1932.

¹¹⁰ Вестник духовных христиан – молокан [Электронный ресурс] // Духовные Христиане Молокане. Режим доступа: <http://molokanin.ru/old/v/v.html> (дата обращения: 15.11.2022).

¹¹¹ Баптист. 1928. № 2; № 12.

Обращение к мемуарной литературе позволяет ввести в поле исследования конкретного человека как объекта конфессиональной политики. В этом ключе стоит сказать о воспоминаниях мыслителя и религиозного деятеля М. Марцинковского¹¹², который проповедовал, путешествуя с религиозными лекциями по всей России. Большое значение имеют воспоминания баптиста Евгения Куявского¹¹³ о жизни и деятельности евангельско-баптистского движения в Санкт-Петербурге на протяжении конца XIX – XX веков. Обращение к этому источнику позволяет проследить жизни нескольких поколений верующих евангельских христиан в самые непростые периоды отечественной истории, их чувства, отношение к изменяющейся действительности, и стремление к сохранению своих религиозных устоев.

При рассмотрении данного периода в истории религии в Советской России следует сказать о важности фольклорных и псевдофольклорных материалов, а также литературных художественных произведений. Так, сатирические рассказы М.М. Зощенко¹¹⁴ дают представление о месте религии в повседневной жизни людей в 1920-е гг., Данные источники раскрывают процесс становления новой советской идеологии и замену религиозного сознания граждан атеизмом не сверху, а «снизу», с точки зрения представителей интеллигенции, авторов произведений, художников и современников той эпохи. Особенно ценными являются псевдофольклорные материалы, например, частушки, составленные для антирелигиозной пропаганды.

Существенную часть источниковой базы исследования составляют опубликованные документы, в значительной степени представленные материалами архивных документов. Одним из фундаментальных сборников документов по данной теме является многотомный труд «“Совершенно секретно”»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.)»: сб.

¹¹² Марцинковский В.Ф. Записки верующего. Из истории религиозного движения в Советской России 1917–1923. Москва, 2016.

¹¹³ Куявский Е. Остаться верным. Санкт-Петербург, 2014.

¹¹⁴ Зощенко М.М. Избранное: рассказы. Москва, 2003.

док.: в 10 т.¹¹⁵, содержащий информационные обзоры и сводки ОГПУ, позволяющие представить широкую панораму общественной, социальной, политической жизни в раннем советском обществе. Примечательны документы, отражающие жизнь и взаимоотношения со властью крестьянского населения России. В этом ключе стоит упомянуть сборник «Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922: Документы и материалы»¹¹⁶, в котором собраны важнейшие документы по истории крестьянской революции в России и крестьянского движения в Поволжье в 1919–1922 гг. Следует сказать о четырехтомном сборнике документов и материалов «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939»: документы и материалы: в 4 т.¹¹⁷, в котором собраны документы ОГПУ за 1918–1939 гг., в том числе сводки по Самарской губернии и Средневолжскому краю. Также огромный пласт документов, посвященных трагическим страницам истории Самарской губернии, содержит сборник «Голод в Средневолжском крае в 20–30-е годы XX века»¹¹⁸. Его материалы содержат ценную информацию о начальном этапе реализации антирелигиозной политики советской власти, заключающейся в изъятии церковных ценностей. Важное значение для данного исследования представляют материалы,

¹¹⁵ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): сб. док.: в 10 т. / Ин-т рос. истории РАН, Центр. архив ФСБ РФ, Науч. совет РАН «История международных отношений и внешней политики России», Науч. совет РАН по истории соц. реформ, движений и революций, Комис. историков России и Финляндии, АН Финляндии, Фонд Дом наук о человеке (Франция); отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. Москва: ИРИ РАН, 2001–2017.

¹¹⁶ Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922: документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. Москва, 2002.

¹¹⁷ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1. 1930–1931 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: документы и материалы: в 4 т. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 2. 1932–1934 гг. / под ред. А. Береловича, Л.В. Данилова]. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005.

¹¹⁸ Голод в Средневолжском крае в 20–30-е годы XX века. Голод в Самарской губернии в 20-е годы XX века. Т. 1: сб. документов. Самара, 2014.

опубликованные в документальном исследовании А.Е. Жоголева¹¹⁹, основанном на документах из архива Управления ФСБ по Самарской области. Его работа включает уникальные тексты уголовных дел, содержащих доносы на православных священников, что позволяет представить картину массовых репрессий 1930-х гг.

Интернет-источники были выявлены в Президентской библиотеке имени Б.Н. Ельцина¹²⁰, где особенно стоит выделить коллекцию «Российский народ». Также большой пласт информативных источников размещен на сайте «Исторические материалы»¹²¹, содержащем историческую литературу и источники по истории России, и на сайте «Азбука веры»¹²², где представлена обширная библиотека материалов по истории Русской православной церкви.

Вещественные материалы представлены в фондах региональных музеев¹²³, позволяя исследователю реконструировать религиозную повседневность. Так, в музейной коллекции Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина сохранились предметы церковной старины, включающие в себя иконы, церковную утварь и предметы культа, находившиеся в экспозиции Антирелигиозного музея в 1920-е гг. и переданные в середине XX в. в краеведческий музей.

¹¹⁹ Жоголев А.Е. Новые мученики и исповедники Самарского края. Самара, 1996. Режим доступа: http://newmartiros.blogspot.com/2013/04/blog-post_9876.html (дата обращения: 16.03.2023).

¹²⁰ Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. Режим доступа: <https://www.prilib.ru/item/405861> (дата обращения: 27.12.2022).

¹²¹ Исторические материалы. Режим доступа: <https://istmat.org/node/27646> (дата обращения: 27.12.2022).

¹²² Азбука веры [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/sobranie-opredelenij-i-dejanija-svjashhennogo-sobora-pravoslavnoj-rossijskoj-tserkvi-1917-1918-gg (дата обращения: 27.12.2022).

¹²³ Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина. КМК КП-14562, КП-14600, КП-1607/2; Самарский Епархиальный церковно-исторический музей. Документы XX век. 1920-е – 1930-е гг. Церковно-историческая тематика.

Визуальные (изобразительные) источники представлены фотохроникой¹²⁴, иллюстрациями в журналах и брошюрах¹²⁵, плакатами¹²⁶, картинами художников¹²⁷.

Таким образом, корпус источников дает возможность реализовать исследовательские задачи осуществить комплексное исследование антирелигиозной политики в ранний советский период. Большая часть рассмотренных источников вводится в научный оборот впервые.

Методологические основы исследования.

Методологическую базу исследовательской работы составили базовые принципы исторической науки – принципы объективности, историзма и системности. Основопологающим для данного исследования является системный подход, направленный на изучение изменений, происходивших в жизни советского общества после революционных событий: события в духовной и идейной сфере исследуются во взаимосвязи с политической, экономической и иными сторонами общественной жизни, что позволяет воссоздать целостную картину жизни общества в изучаемый период. Исследуя социальные преобразования первых пореволюционных десятилетий, автор применяет типологию социальных трансформаций, позволяющую выделить «социальные трансформации локально-регионального уровня, перестройки институционального уровня,

¹²⁴ Бичуров Г.В. Самара на открытках и фотографиях. Режим доступа: http://oldsamara.samgtu.ru/part_2/page_10/html/sf-1934-08.html (дата обращения: 15.11.2022); ЦГАСО. Ф. Р-828. Оп. 3. Д. 31; СОГАСПИ. Ф. 651. Оп. 12. Д.2267, Д. 3424.

¹²⁵ Дейнека А. Иллюстрации к журналу «Безбожник у станка». Святые прозорливцы. 1925 г. // Музей изобразительных искусств Кузбасса. Режим доступа: <https://kuzbassizo.ru/album/detail.php?ID=98> (дата обращения 27.08.2023).

¹²⁶ Моор Д.С. «Я – безбожник». Рекламный плакат. 1924 г. / Государственный исторический музей. Режим доступа: <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/5812861> (дата обращения 27.08.2023); Соколов-Скаля П.П. Довольно надувательства. Плакат. Около 1930 г. / Государственный исторический музей. Режим доступа: <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/3166690?query=%D0%B1%D0%B5%D0%B7%D0%B1%D0%BE%D0%B6%D0%BD%D0%B8%D0%BA&index=4> (дата обращения 27.08.2023).

¹²⁷ Адливанкин С.Я. «Юные безбожники». 1930. Режим доступа: <https://forum.na-svyazi.ru/?showtopic=2799904&st=600> (дата обращения 27.08. 2023); Антоновский Б.И. В антирелигиозном музее. 1924 г. / «Яварда». Интернет – альманах Валерия Рублева. Режим доступа: https://yavarda.ru/pic_5019_0.html (дата обращения 27.08.2023).

трансформации субсистемного, а также системного характера»¹²⁸, что дает возможность проследить комплексные изменения всей социальной системы в целом. Для понимания характера трансформации советского общества автор опирается на теорию модернизации в ее особом, неклассическом варианте: концепцию мобилизационного типа общественного развития, предполагающего систематическое обращение государства к чрезвычайным мерам для быстрого достижения приоритетных целей. Столь же важен для решения задач исследования синергетический подход, позволивший исследовать динамическое взаимодействие таких субъектов, как органы советской власти и религиозные организации, выявить реакции населения на вызовы со стороны государства.

Подходы, характерные для новой социальной истории, применены в работе для изучения деятельности религиозных организаций, их адаптации к новым советским реалиям. Обращение к истории повседневности позволило выявить практики выживания сектантских организаций в советском обществе, пассивного и активного сопротивления модернизации, защиты устоев традиционного жизненного уклада от навязывания безбожной идеологии.

В свою очередь, историко-антропологический подход позволил сконцентрировать внимание на изучении ментальности верующего населения и рассмотрении основ народной религиозности, а также попыток верующих сохранить свою идентичность в условиях идеологического раскола, который произошел после революции и разделил страну на два лагеря – «своих» и «чужих», верующих и атеистов. В исследовании предпринята попытка проанализировать социально-психологические и культурологические аспекты психологии и поведения людей, подвергающихся социальной трансформации. Особое внимание направлено на изучение смены ценностных установок в связи с изменением религиозного сознания граждан.

¹²⁸ Цит. по: СССР: аграрная политика и региональные особенности ее реализации (1922–1991) / отв. ред. О.А. Сухова. Пенза, 2022. С. 14.

При рассмотрении отдельных случаев, носивших типичный, повторяющийся характер в масштабе всей губернии и государства, применялись также принципы микроистории.

Методы исследования.

В работе используются общенаучные и специальные исторические методы исследования. Историко-генетический метод применяется для изучения истоков формирования атеистической идеологии и движения безбожия в стране. Сравнительно-исторический метод используется для сопоставления характера взаимоотношений религии и власти на общероссийском и региональном уровнях. С помощью метода количественного анализа подсчитываются и систематизируются данные по конфессиональному составу населения страны, численности и социальному составу религиозных организаций, а также представителей противоположного лагеря – Союза воинствующих безбожников, других участников антирелигиозного фронта. Метод терминологического анализа направлен на раскрытие сущности названий религиозных организаций, на уточнение их значений и на выявление различий религиозного и антирелигиозного дискурсов в советском обществе.

Научная новизна исследования заключается в комплексном изучении антирелигиозной политики и религиозной повседневности Самарской губернии (Средневожского края) как одного из типичных провинциальных регионов Среднего Поволжья в ранний советский период. Кроме того, в данном исследовании впервые:

- представлены основные направления и формы реализации антирелигиозной политики в регионе, выявлены различия стратегий и тактик политики советской власти в отношении православной церкви, ислама, религиозных сект;

- определяется роль девиантного поведения через изучение церковных деноминаций (сект) и их деятельности на территории губернии;

– комплексно исследуется повседневность воинствующего атеизма, выявляется роль государственных и общественных организаций в проведении антирелигиозной работы;

– проделана работа по изучению религиозных практик верующего населения, защищающего свои религиозные традиции и самобытность в условиях форсированной модернизации и секуляризации; сопоставлены практики выживания верующих, принадлежавших к различным конфессиям, а также церковным деноминациям (сектам);

– путем включения в научный оборот комплекса архивных источников и периодических изданий воссоздано целостное представление о жизни раннего советского общества в период становления господствующей идеологии и пропаганды атеистических воззрений на примере многонационального и поликонфессионального региона.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что его материалы и выводы дают возможность составить комплексное представление о методах реализации антирелигиозной политики и о степени ее результативности в раннем советском обществе на примере многонационального и поликонфессионального региона – Самарской губернии (Средневолжского края). Данное исследование позволяет проследить ход внедрения в частную жизнь советских людей новой идеологии, выявить характерные социокультурные противоречия и конфликты, сопутствовавшие формированию нового мышления и новых повседневных практик, выработать консолидированные представления о культурной и идеологической трансформации советского человека в условиях борьбы за сохранение своей идентичности, традиционных ценностей и повседневных ритуалов.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать его результаты в научно-исследовательской работе по истории региона, в особенности для изучения развития религиозной культуры многочисленных народов, проживающих на территории Самарской области,

что позволит восполнить пробелы в регионоведческой и краеведческой литературе.

Результаты работы могут быть использованы при разработке учебных курсов по краеведению для образовательных учреждений среднего (общего и профессионального) образования, научно-популярных изданий по истории народов Самарской области, отдельных конфессий или религиозных сообществ, при подготовке музейно-выставочных экспозиций и тематических сайтов, в научно-просветительской и воспитательной работе, что будет способствовать установлению прочных культурных связей между жителями региона.

Положения, выносимые на защиту

1. Антирелигиозная политика в Самарской губернии (Средневолжском крае) в 1920-е гг. проводилась в рамках общего курса власти по идейно-политической перестройке жизни общества. Однако можно выделить ряд региональных особенностей, вызванных тем фактором, что указанная территория является многонациональной и многоконфессиональной. Организация работы среди национальных меньшинств и нетрадиционных христианских конфессий в 1920-е гг. отличалась сдержанностью и вниманием к чувствам верующих по сравнению с политикой по отношению к Русской православной церкви. Это было необходимо в период выстраивания взаимоотношений между властью и национальностями Среднего Поволжья, осложненного Гражданской войной и трудностями первых лет социалистического строительства.

2. Организация антирелигиозной работы в Самарской губернии сочетала деятельность Союза безбожников (Союза воинствующих безбожников) с деятельностью других советских организаций при идеологической поддержке средств массовой информации, учреждений культуры и искусства. Особую роль в проведении данной политики играла комсомольская организация, которая принимала активное участие во всех антирелигиозных мероприятиях, реализуемых властными структурами.

3. На всем протяжении 1920-х гг. религиозные организации в Самарской губернии (Средневолжском крае) оказывали активное сопротивление антирелигиозной политике властей. В открытой форме это противостояние выражалось в митингах против закрытия культовых зданий и в проведении мероприятий по привлечению в свои ряды новых адептов. В закрытой форме священнослужители оказывали давление на верующих с помощью проповедей, обличений советской власти и создания ее негативного образа, использования неосведомленности населения в научных вопросах. Религиозные практики духовенства существенным образом сдерживали реализацию антирелигиозной политики в губернии.

4. К концу 1920-х гг. в Самарской губернии (Средневолжском крае), несмотря на проводимую антирелигиозную работу, сохранялась высокая степень религиозности населения, что подтверждается массовыми случаями обновления икон, религиозной мотивацией отказов вступать в колхозы и стремлением сохранять традиционные практики культуры и быта.

5. В начале 1920-х гг. методы антирелигиозной политики в Самарской губернии (Средневолжском крае) были подчинены цели обличения религиозных традиций и привычек. Для этого проводились антирелигиозные карнавалы, лекции, диспуты и другие общественные мероприятия. Ужесточение антирелигиозного курса в конце 1920-х – начале 1930-х гг. сопровождалось переориентацией антирелигиозной деятельности с мировоззренческих вопросов на пропаганду интенсивного развития сельского хозяйства и промышленности, что было обусловлено реализацией планов коллективизации и индустриализации страны.

6. Характер взаимоотношений органов советской власти и религиозных организаций, их борьбы за влияние на население Самарской губернии (Средневолжского края) в 1920-е – начале 1930-х гг. свидетельствуют о наличии в регионе двух противоборствующих дискурсов – религиозного, идущего «снизу», из общества, и атеистического, внедрявшегося «сверху», со стороны власти и советских организаций. В пространстве этого

противоборства, часто имплицитного, формировалась новая советская повседневность.

Степень достоверности результатов исследования обеспечивается построением его выводов на основе методологических принципов объективности, историзма и системности, репрезентативностью источниковой базы, научным анализом источников, использованием для решения поставленных задач общенаучных и специально-исторических методов, соответствующих объекту, предмету, цели и задачам исследования.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были изложены автором в 19 научных публикациях, в том числе в 4 статьях, опубликованных в изданиях, включенных в перечень ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Минобрнауки РФ. Материалы и выводы работы были представлены на 20 научных конференциях международного, всероссийского и регионального уровня.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Диссертационное исследование соответствует п. 4 «История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов», п. 7 «История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной деятельности» и п. 13 «История взаимоотношений государства и религиозных конфессий. История религий и церкви в России» паспорта специальности 5.6.1. Отечественная история.

Исходя из цели и задач, была определена **структура исследования**, которая включает в себя введение, основную часть, заключение, список источников и литературы, приложения. Основная часть содержит две главы. Первая глава посвящена истории взаимоотношений власти и религии в ранний советский период. В ней прослеживается формирование правового пространства деятельности религиозных организаций и изучаются

взаимоотношения советской власти с Русской православной церковью, сектантством и исламом. Во второй главе исследуется реализация политики воинствующего атеизма в Самарской губернии (Средневолжском крае), деятельность государственных и общественных организаций по ведению антирелигиозной пропаганды, а также религиозная работа духовенства в условиях новой идеологии и практики «обновления икон» в частной жизни верующего населения.

ГЛАВА 1. ВЛАСТЬ И РЕЛИГИЯ В РАННИЙ СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ (СРЕДНЕВОЛЖСКОМ КРАЕ)

1.1. Формирование правового пространства деятельности религиозных организаций

Эволюция правового пространства религиозных организаций началась сразу же после установления советской власти в России. Условно можно выделить два этапа в процессе создания законодательной базы, регламентирующей реализацию государственной религиозной политики в нашей стране. Первый этап охватывает 1917–1924 гг., когда шел процесс разработки и принятия первых декретов советской власти, определивших взаимоотношения государства и религиозных организаций. Эти первые декреты Совнаркома генетически связаны с Конституцией РСФСР и Конституцией СССР. Вторым этапом определяется вторая половина 1920-х гг. и 1930-х гг. – временем реализации государственной религиозной политики в СССР. Начало установления в Советской России принципов свободы совести и вероисповедания берет свое начало с 18 декабря 1917 года, когда ВЦИКом и СНК были приняты «Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния»¹²⁹, а также «Декрет о расторжении брака»¹³⁰. Эти новые законы предусматривали регулирование брачных отношений. Церковный брак перестал иметь юридическую силу с 11 декабря 1917 г. Совет народных комиссаров создал специальную комиссию, которая должна была

¹²⁹ О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния [Электронный ресурс]: Декрет ВЦИК и СНК от 18.12.1917. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/DEKRET/17-12-18.htm> (дата обращения: 13.01.2023).

¹³⁰ О расторжении брака [Электронный ресурс]: Декрет ВЦИК и СНК от 16 (29) декабря 1917. Режим доступа: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/9758> (дата обращения: 25.07.2023).

разработать проект декрета об отделении Церкви от государства¹³¹. Подготовка проекта шла на фоне многочисленных митингов и собраний, организованных большевиками, на которых обсуждалась целесообразность установления в стране свободы совести. «В адрес центрального правительства, местных органов власти поступали многочисленные петиции от солдатских и крестьянских съездов, от коллективов фабрик и заводов с требованиями отделения церкви от государства и школы от Церкви, введения всеобщего обязательного светского образования, объявления религии частным делом каждого гражданина... в редакции центральных и местных газет во множестве поступали письма из различных регионов России, в которых резко осуждалась политическая позиция Церкви...»¹³². Публикация проекта декрета в газете «Дело народа» способствовала активизации представителей духовенства, которые критически восприняли эту законодательную акцию власти. Многие священники и митрополиты писали письма В.И. Ленину, в которых выражали свое несогласие с политикой государства. Не обошел своим вниманием данный проект и патриарх, который изложил свою позицию в послании. В нем, обращаясь к светской власти, он предавал анафеме партию большевиков: «Властию, данную нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви православной»¹³³.

В конце ноября – начале декабря 1917 г. был созван Поместный собор, на котором обсуждались вопросы правового положения Российской православной церкви. Собор установил, что отношения между Церковью и

¹³¹ Кириченко М.Г. Государство и церковь. К истории ленинского декрета [Электронный ресурс] // Наука и религия. № 4. Москва, 1987. Режим доступа: <http://comstol.i№ fo/2012/08/obshhestvo/4412> (дата обращения: 20.05.2020).

¹³² Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. Москва, 2014. С. 48–49.

¹³³ Послание святейшего патриарха Тихона от 19 января 1918 (с анафемой безбожникам: Азбука веры [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Tihon_Belavin/poslanie-patriarha-tihona-s-anafemoj-bezbozhnikam (дата обращения: 07.11.2022). С. 74–76.

государством, существовавшие в период самодержавия, изжили себя, но их новый характер не должен выстраиваться на принципе отделения Церкви от государства. Духовенство православной церкви считало целесообразным сохранить связь с государством, так как не верило в то, что большевики смогут удержать власть более одного–двух месяцев. Программа новой официальной позиции Русской православной церкви вошла в специальный документ – «Определение» Поместного собора. Она включала в себя ряд мер, направленных на создание государства, в котором христианство занимало бы главенствующее положение¹³⁴. Программа предусматривала, что «...глава государства, министры вероисповеданий и народного просвещения должны быть православными...»¹³⁵. Также говорилось о сохранении исторической традиции, суть которой состоит в том, что «Православная Российская церковь... занимает в Российском государстве первенствующее среди других исповеданий публично-правовое положение...»¹³⁶. Другие пункты «Определения» также по инерции декларировали особый статус православной церкви, что неизбежно вело к обострению конфликта власти с православным духовенством и другими религиозными организациями. «Соборное определение о правовом положении – это некий идеал, – писал Иоакимф Дестиваль, – отрешенный от реальности, который большевистская политика быстро превратила в утопию»¹³⁷.

Критика представителями православного духовенства проекта декрета ускорила процесс его разработки. Власть не приняла во внимание замечания, и декрет был принят и опубликован 21 января в газетах «Правда» и

¹³⁴ Собрание определений и постановлений священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. [Электронный ресурс] //Азбука веры. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/sobranie-opredelenij-i-dejanija-svjashhennogo-sobora-pravoslavnoj-rossijskoj-tserkvi-1917-1918-gg (дата обращения: 07.11.2022).

¹³⁵ Там же. Статья 7.

¹³⁶ Там же. Статья 3.

¹³⁷ Иакинф Дестивель. Поместный собор Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности [Электронный ресурс] // Азбука веры. С. 212. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/pomestnyj-sobor-rossijskoj-pravoslavnoj-tserkvi-1917-1918-godov-i-printsip-sobornosti (дата обращения: 07.11.2022). С. 212.

«Известия». 23 января 1918 г. текст нового закона был издан в официальной «Газете Временного Рабочего и Крестьянского правительства». Он получил официальное название декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»¹³⁸. Именно этот день по праву считается началом коренного перелома во взаимоотношениях Церкви и государства в Советской России.

Декрет вызвал волну протестных акций, которая стала нарастать весной 1918 г. по всей России. Формы протеста были различными. Духовенством были организованы коллективные петиции, направлялись письма в адрес правительства. Священники устраивали богослужения на площадях в поддержку Церкви. Среди обращений к власти выделяются послания патриарха Тихона и Поместного собора, которые были направлены в Совнарком. Увеличилось число граждан, которые в своих обращениях во власть открыто стали выражать негативное отношение к принятому декрету. Они мотивировали свой протест, опираясь на послание патриарха, а также на выступления священников. Рост протестных настроений свидетельствовал о том, что Русская православная церковь в исследуемый период находилась в оппозиции к власти. «Это было воспринято властями как открытое вмешательство Церкви в сложную политическую ситуацию в стране, как акт, ее дестабилизирующий, как призыв к верующим перейти к открытому неповиновению и сопротивлению существующим органам власти»¹³⁹, – пишет М.И. Одинцов. Однако наряду с критикой декрета со стороны духовенства и верующих граждан законодательная деятельность Совнаркома и большевистской партии была поддержана как атеистами, так и верующими, которые обращались во властные органы с призывами энергичнее воплощать свободу совести на деле. «Основная масса верующих не только одобрительно отнеслась к декрету Советского правительства “Об

¹³⁸ Об отделении церкви от государства и школы от церкви: Декрет Совета Народных Комиссаров. Режим доступа: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325> (дата обращения: 31.05.2020).

¹³⁹ Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. Москва, 2014. С. 55.

отделении церкви от государства и школы от церкви”, но и активно способствовала его практическому осуществлению»¹⁴⁰. Учитывая сложную ситуацию в стране, большевистское руководство страны и Совнарком поручили Наркомюсту создать специальный отдел под номером VIII, который должен был заняться воплощением декрета в жизнь.

Важнейшим этапом в процессе формирования правового пространства государственной религиозной политики в Советской России и шагом в определении места религии в новой России стало принятие первой советской Конституции, которая была утверждена делегатами Пятого всероссийского съезда Советов 10 июля 1918 г. «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами»¹⁴¹. В Конституции РСФСР зафиксированы и другие положения, касающиеся религиозного вопроса. С принятием первой в истории России Конституции РСФСР вопрос о реализации в жизнь декрета от 23 января приобрел правовую основу. Для решения данной проблемы была разработана специальная инструкция «О порядке проведения в жизнь Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви». Она была опубликована 30 августа 1918 г. как постановление Наркомата внутренних дел¹⁴². В это же время, с июля по сентябрь 1918 г., была созвана третья сессия Поместного собора, на которой обсуждалась стратегия деятельности высших органов церковного управления. Также рассматривались финансовый вопрос и проблема административного устройства Церкви. Но главной по-прежнему оставалась проблема места и роли православной церкви в советском

¹⁴⁰ Плаксин Р.Ю. Тихоновщина и ее крах. Ленинград, 1987. С. 95.

¹⁴¹ Советские Конституции. Справочник. Москва, 1963. С. 133.

¹⁴² О порядке проведения в жизнь Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви от 24.08.1918: постановление Народного Комиссариата Юстиции РСФСР [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_347.htm (дата обращения: 12.05.2020).

государстве¹⁴³. Особенно волновал духовенство вопрос о секуляризации церковной собственности. По времени третья сессия Поместного собора совпала с утверждением новой Конституции РСФСР и с начавшейся национальной трагедией – Гражданской войной в Советской России. С лета 1918 г. страна окончательно поделилась на два лагеря, на две стороны, которые стали вести братоубийственную войну, нередко прибегая к террору. Красный террор, реализуемый чрезвычайными комиссиями по борьбе с контрреволюцией, с особой силой обрушился на духовенство, признанное советской властью главным оплотом контрреволюции¹⁴⁴. Действительно, осенью 1918 г. многие представители духовенства примкнули к белому движению. Накануне Великого октября патриарх Тихон направил письмо в Совнарком, в котором осуждал действия большевиков. «13 октября 1918 года Патриарх Тихон обратился с посланием к Совету Народных Комиссаров, в котором он выразил свою скорбь о бедствиях, переживаемых русским народом от братоубийственной смуты, страданиях, выпавших на долю мучеников и исповедников»¹⁴⁵. В условиях Гражданской войны ответ властей на данное письмо не заставил себя долго ждать. Патриарха Тихона заключили под домашний арест, а деятельность Синода была приостановлена. Однако духовенство Русской Православной церкви не перестало бороться за свою свободу. Осенью 1918 г. в Томске состоялось Сибирское церковное совещание, которое образовало Временное церковное управление, созданное для победы белого движения¹⁴⁶. Такая же ситуация наблюдалась и в Белой армии, во главе которой стоял А.И. Деникин. Там

¹⁴³ Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний / под ред. Кравецкого А.Г., Плетневой А.А. Москва, 2000–2002.

¹⁴⁴ Черная книга: («Штурм небес»): сборник документ. данных, характеризующих борьбу советской коммунистической власти против всякой религии, против всех исповеданий и церквей [Электронный ресурс] / сост. А.А. Валентинов; с вводной ст. Петра Струве. Париж, 1925. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/chernaja-kniga-shturm-nebes/ (дата обращения: 10.11.2022)

¹⁴⁵ Цыпин В.А. История Русской Православной Церкви 1917–1997 гг. Москва, 1994. С. 44.

¹⁴⁶ Двинянинов Н.Э. Сибирское церковное совещание 1918 года // Богословский сборник. 2015. № 10. С. 177.

создавалось Высшее временное церковное управление, в обязанности которого входили пропаганда и агитация идей Белой армии среди населения. Стоит отметить, что к 1919 г. взаимоотношения между Церковью и советской властью постепенно стабилизировались. К весне–лету 1920 г., когда перелом в Гражданской войне в сторону советской власти стал очевиден, патриарх Тихон несколько изменил свою позицию по отношению к новому руководству. «В августе 1920 г. Тихон в обращениях к В.И. Ленину и М.И. Калинину признал правомочность Декрета и Конституции РСФСР, которые он еще совсем недавно отвергал. Он писал, что эти законодательные акты “...провозглашают и обеспечивают полную свободу совести”»¹⁴⁷. С окончанием Гражданской войны стало ясно, что население России поддерживает в большинстве своем советскую власть и возродить прежние религиозные практики не получится ни при каких условиях. Партийное руководство и правительство обсуждали вопросы взаимоотношений власти с руководством Русской православной церкви. Радикальную позицию по отношению к Церкви занимал Ф.Э. Дзержинский, который считал ее врагом, противником власти. «Церковь разваливается, этому нам надо помочь, но никоим образом не возрождать ее в обновленной форме»¹⁴⁸, – писал он в записке секретному отделу ВЧК. Другую точку зрения имел Луначарский, который понимал религию «без бога», по-новому. Его идеи были сформулированы еще до революции и трансформировались с учетом новой обстановки в начале 1920-х гг.: «...что же значит иметь религию? Это значит уметь мыслить и чувствовать мир таким образом, чтобы противоречия законов жизни и законов природы разрешались для нас. Научный социализм разрешает эти противоречия, выставляя идею победы жизни, покорения

¹⁴⁷ Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма...

¹⁴⁸ Цит. по: Крапивин М.Ю. Не придуманная церковная история: Власть и церковь в Советской России (октябрь 1917 – конец 1930-х гг.). Волгоград, 1997. С. 89.

стихии разуму путем познания и труда, науки и техники»¹⁴⁹. Тогда же власть поддержала проект по созданию свободной православной церкви, более известной как обновленческая. Во главе нее стоял архиепископ Владимир Пензенский, или Путята, который был лишен сана собором епископов за несоблюдение канонов еще в 1918 г. Власть использовала это религиозное объединение для того, чтобы на практике осуществить церковный раскол в Советской России.

В 1921–1922 гг. население Поволжья, Южного Урала, Северного Казахстана и губерний Западной Сибири из-за природных катаклизмов – засухи – оказалось в экстремальных условиях – голода. С весны 1921 г. Россию охватила страшнейшая засуха, приведшая к значительным затруднениям в сельском хозяйстве. Также роль в возникновении кризиса сыграла и продразверстка, отнимающая у населения последний хлеб и остатки фуража. Самарская губерния считалась хлебной житницей, и советское руководство требовало от губернских властей ответных действий: «...единственный источник, откуда может ждать Центр спасения, – это Самарская губерния...»¹⁵⁰. Последствием этих событий стал страшный голод, который уносил жизни огромного числа людей, и на помощь голодающим были брошены все силы. Осень 1921 г. ознаменовалась крайне тяжелым положением и на всей территории Поволжья: «Если в конце августа и весь сентябрь население, в особенности крестьянство, жило чаяниями и ожиданиями продовольственной помощи, то в октябре эти чаяния и ожидания сменяются полным отчаянием, а отсюда и следует политическое и экономическое состояние уезда»¹⁵¹. Центральные и региональные органы власти предпринимали усилия для поиска ресурсов, способных обеспечить борьбу с природной стихией. К этой работе привлекались армия, профсоюзы

¹⁴⁹ Луначарский А.В. Религия и социализм. Т. 1 [Электронный ресурс]. Санкт-Петербург: Шиповник. 1908. Режим доступа: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/religiya-i-socializm-t-1/3-biologicheskoe-opredelenie-religii> (дата обращения: 22.12.2022).

¹⁵⁰ Голод в Средневолжском крае в 20–30-е годы XX века. Голод в Самарской губернии в 20-е годы XX века. Т. 1: сб. документов. Самара, 2014. С. 38.

¹⁵¹ Там же. С. 77.

и другие общественные объединения. «ЦК партии и Совнарком объявили помощь голодающим всенародным делом»¹⁵².

Собранного урожая хлеба было в разы меньше, чем в предыдущие годы. Стоит отметить, что в стране наблюдалось и отсутствие каких-либо запасов зерна. В этой связи остро встал вопрос о закупках сельскохозяйственной продукции за рубежом, однако рассчитывать на это также не приходилось. Помимо политической и экономической изоляции, в которой находилась Россия, стране не хватало средств. Казна была опустошена, и руководству в кратчайшие сроки требовалось применить все усилия для ее пополнения. Большевистское руководство России решило восстановить золотой резерв государства путем собирания ценностей различного вида. Для этой цели была создана «Комиссия по драгоценностям». Изъятие ценностей должно было начаться с хранилищ и банков, затем перейти на культовые здания, монастыри и храмы, а также коснуться культурных объектов. Затем Всероссийским Центральным Исполнительным комитетом (далее ВЦИК) была организована Центральная комиссия помощи голодающим» или «Помгол» под руководством М.И. Калинина. Правительство удовлетворило просьбу патриарха Тихона о том, чтобы было дано разрешение религиозным объединениям собирать денежные средства в пользу голодающих. В начале 1922 г. верующие по призыву патриарха Тихона приступили к сбору средств для голодающих Поволжья: «В местностях, пораженных голодом, приходские советы озабочиваются осведомлением положения голодающих в приходе, помогают отделениям КППГ в организации столовых, пунктов питания и в других видах деятельности в помощь голодающим и посылают заявления о нуждах епархиальному архиерею»¹⁵³. Однако ни деятельность «Комиссии по драгоценностям», ни «Помгола», ни добровольная помощь прихожан не

¹⁵² Поляков А.А. Диверсия под флагом помощи. Москва, 1985. С. 6.

¹⁵³ Голод в Средневолжском крае в 20–30-е годы XX века. Голод в Самарской губернии в 20-е годы XX века. Т. 1: сб. документов. Самара, 2014. С. 256.

удовлетворяли потребности советской власти в решении данного вопроса. Поэтому высшее руководство пошло на крайние меры, решив в принудительном порядке организовать конфискацию церковных предметов. Речь идет о постановлении ВЦИК от 23 февраля 1922 г. «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих»: «...изъять из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий по описям и договорам, все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа...»¹⁵⁴. Сводка по Самарской губернии о проведении изъятия церковных ценностей в пользу голодающих на 15 апреля 1922 года сообщала об изъятии из 31 церкви и 3 монастырей следующих запасов по г. Самаре: «...золота – 2 фунта 66 золотников 74 доли, серебра – 65 пудов 14 фунтов 45 золотников 68 долей, серебряные монеты – 181 р. 26 коп. ...»¹⁵⁵, а также драгоценных камней. Конфискация церковного имущества была организована и по уездам губернии. Данное решение властей было весьма неожиданным для всех религиозных организаций, но особенно сильно повлияло на православное духовенство. Уже 25 февраля патриарх Тихон в письме к М.И. Калинину призывал отказаться от идеи изъятия церковных ценностей, а 28 февраля было опубликовано послание к верующим. В этом обращении патриарх объяснял свою позицию по данному вопросу, открыто выражая свой протест действиям властей: «...Мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, освященных предметов, употребление которых не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается ею как святотатство, мирянин – отлучением от Нея, священнослужитель – низвержением сана»¹⁵⁶.

¹⁵⁴ Цит. по: Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов / сост. Одинцов М.И. Москва, 1999. С. 59–60.

¹⁵⁵ Голод в Средневолжском крае в 20–30-е годы XX века. Голод в Самарской губернии в 20-е годы XX века. Т. 1... С. 265.

¹⁵⁶ Чельцов Михаил. Воспоминания смертника о пережитом [Электронный ресурс] // Яков Кротов. История. Режим доступа: http://krotov.info/libr_min/24_ch/el/zov_3.htm (дата обращения: 07.11.2022).

Несомненно, такие слова патриарха не могли остаться незамеченными. Мнение Тихона считалось антиправительственным, однако репрессивных мер к главе православной церкви не применялось. Лев Троцкий, бывший тогда главой комиссии по изъятию ценностей, резко и негативно оценил содержание посланий патриарха. Он постоянно призывал ускорить и сделать более эффективным процесс изъятия. Одновременно с этим в высшем руководстве страны обсуждались методы конфискации, обсуждался вопрос о последующих взаимоотношениях власти и Церкви. В условиях нарастания конфликтных отношений деятельность патриарха Тихона оценивалась как контрреволюционная. Таким образом, голод в Поволжье положил начало открытому противостоянию Церкви и государства, а также разделению населения страны на тех, кто поддерживал духовенство и выступал против действий властных структур, и на тех, кто одобрительно относился к реализации государственной религиозной политики.

Ключевым звеном в цепочке преобразований религии из верного союзника государственной власти в ее непримиримого врага стало утверждение основ атеизма в русском обществе. В условиях новой экономической политики, а также волнений, происходящих в религиозных организациях по всей стране, советское руководство приступило к реализации государственной религиозной политики. В этой связи осенью 1922 г. при ЦК РКП(б) была создана Комиссия по проведению отделения Церкви от государства, которую возглавил Е.М. Ярославский. Концепция антирелигиозной пропаганды была сформулирована вождем коммунистической партии В.И. Лениным. Эти ленинские идеи нашли отражение в статье «О значении воинствующего материализма», которая была опубликована в весной 1922 г. «Атеистическая пропаганда, – писал В.И. Ленин, – может принести успех, только если будет опираться на прочный философский фундамент, на естествознание, проникнутое идеями воинствующего материализма, если ее содержание будет связано с жизнью, с коммунистическим трудом, ее организация, методы и формы будут научно

обоснованы»¹⁵⁷. Целесообразность реализации государственной религиозной политики была подтверждена делегатами XII съезда РКП(б), который состоялся в апреле 1923 г. Съезд признавал антирелигиозную работу среди населения в качестве научной задачи партии и призывал партийные организации улучшить просвещение трудящихся масс по данному вопросу¹⁵⁸.

При рассмотрении взаимоотношений властных структур и советского общества необходимо обозначить те органы власти, с помощью которых осуществлялась реализация государственной религиозной политики. Несомненно, ведущая роль в этом процессе принадлежала Всероссийскому Центральному Исполнительному комитету, который разрабатывал и принимал законодательные акты, инструкции и циркуляры, являвшиеся правовой базой для региональных властных органов и руководителей местных органов власти. ВЦИК выносил окончательные решения по таким вопросам, как регистрация и снятие с регистрации обществ и групп, закрытие и дальнейшее использование молитвенных зданий и культового имущества. Другим органом выступал Народный комиссариат внутренних дел (НКВД), которому вменялось вести общий надзор за деятельностью религиозных организаций; на него возлагались обязанности: осуществлять регистрацию и учет, контроль за исполнением декрета об отделении Церкви от государства, выдачу разрешений на проведение съездов, пресечение нарушений законодательства о религиозных культах. На Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) возлагался контроль за деятельностью духовенства и органов церковного управления. Отметим, что в 1924–1927 гг. наблюдалось примерное равновесие между этими организациями и степенью их влияния на церковную политику¹⁵⁹. Однако постепенно практическая реализация государственной религиозной политики сосредоточивалась в руках ОГПУ и НКВД, которые ставили цель постепенно вытеснить

¹⁵⁷ Атеизм в СССР: становление и развитие. Москва, 1986. С. 33.

¹⁵⁸ Двенадцатый съезд РКП (б) 17–23 апреля 1923 года. Стенографический отчет: Москва, 1968.

¹⁵⁹ Одинцов М.И. Государство и церковь. 1917–1938 гг. Москва, 1991. С. 29.

религиозные объединения из общественной жизни советского государства. К середине 1920-х гг. в СССР образовывается новая организация трудящихся – Союз безбожников, окончательно оформленная в 1925 г. Основой для его организации стала газета «Безбожник», издаваемая с 1922 г. и имевшая широкий круг читателей. На основе периодического издания в 1924 г. в Москве образуется Общество друзей газеты «Безбожник», которое и положило начало созданию целого Общества воинствующих безбожников¹⁶⁰. Основу общества составили местные антирелигиозные кружки и общества. Старейшим и самым массовым из них было Общество антирелигиозной пропаганды и агитации в Воронежской губернии, образованное в 1921 г.¹⁶¹ Союз безбожников ставил цель объединить всех сознательных трудящихся для организации активной борьбы против религии во всех видах и формах¹⁶². Членом союза мог быть каждый гражданин, пользующийся избирательными правами и отказавшийся от религии¹⁶³. Союз стал организовывать ячейки на фабриках, заводах и воинских частях, учебных заведениях, а также в селах и деревнях. Кроме того, союз развернул антирелигиозную пропаганду во всех видах, способствовал внедрению в широкие массы нового безрелигиозного быта¹⁶⁴. Большое внимание уделялось изданию специальных учебников и брошюр, в которых населению излагались в доступном виде основы научного атеизма. Эта литература использовалась учителями при проведении учебных занятий в школах, а также антирелигиозных лекций и бесед. Например, в 1928 г. были опубликованы «Учебник для рабочих антирелигиозных кружков», «Крестьянский антирелигиозный учебник», «Красноармейский антирелигиозный учебник»¹⁶⁵. Однако для осуществления

¹⁶⁰ Большая советская Энциклопедия [Электронный ресурс]. 3-е изд. Москва, 1970. Т. 24. Режим доступа: <http://bse.uaio.ru/BSE/2421.htm> (дата обращения: 20.11.2020). С. 786.

¹⁶¹ Слезин А.А. Советское государство против религии: «оттепель» середины 1920-х годов // Юридические исследования. 2013. № 2. С. 37–73.

¹⁶² ЦГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 21. Л. 2.

¹⁶³ Там же. Л. 2. (об.)

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Атеизм в СССР: становление и развитие. Москва, 1986. С. 68.

эффективной антирелигиозной пропаганды советскому руководству было необходимо не только издавать новую атеистическую литературу, но и изымать из библиотек религиозные книги: Священное писание, Священное предание, а также катехизическую литературу. В этом же списке оказались Коран, Евангелие, Талмуд. Под цензурный запрет попали труды духовных пастырей разных времен, а также периодические издания – журналы и газеты, содержащие религиозные тексты.

Летом 1929 г. состоялся II съезд Союза воинствующих безбожников, который принял решение о том, что антирелигиозная пропаганда представляет собой важнейший этап классовой борьбы. Делегаты сформулировали цель наступать на религию как в городе, так и в деревне. Съезд провозгласил новый лозунг: «Борьба с религией – есть борьба за социализм». Тогда же было принято новое государственное постановление «О религиозных объединениях»¹⁶⁶, которое окончательно отвергло принципы свободы вероисповедания в стране. Значение этого постановления состоит в том, что оно внесло существенные коррективы в правовое пространство взаимоотношений государства и Церкви. Начиная с 1930 года власть стала использовать репрессивные меры с любыми проявлениями религиозности. Это время называют годом великого перелома в вероисповедальной политике государства. Власть целенаправленно стала ужесточать контроль за религиозными конфессиями. В этой связи необходимо подчеркнуть значение постановления Политического бюро Центрального Комитета Всероссийской Коммунистической партии большевиков (Политбюро ЦК ВКП(б)) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации»¹⁶⁷, в котором предписывалось:

¹⁶⁶ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1929. № 35. Ст. 35 / История России 1917–1940. Хрестоматия / сост. В.А. Мазур [и др.]; под ред. М.Е. Главацкого [Электронный ресурс]. Екатеринбург, 1993. Режим доступа: <http://his95.narod.ru/doc22/52.htm> (дата обращения: 05.05.2019).

¹⁶⁷ О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации [Электронный ресурс]: постановление Политбюро ЦК ВКП(б) 30 января 1930 г. Режим доступа: <http://istmat.info/node/30863> (дата обращения: 03.10.2019).

«...Срочно пересмотреть законодательство о религиозных объединениях в духе полного исключения какой бы то ни было возможности превращения руководящих органов этих объединений в опорные пункты кулачества, лишенчества и вообще антисоветских элементов...»¹⁶⁸. В рамках этого постановления был издан приказ ОГПУ от 2 февраля 1930 г. № 44/ 21 «О ликвидации кулачества как класса». В этом документе сектанты характеризуются как вредные элементы, а потому ОГПУ вменялось ввести специальные мероприятия: «...Кулаки – активные члены церковных советов, всякого рода религиозных, сектантских общин и групп, активно проявляющие себя...»¹⁶⁹. Также стоит отметить, что с 1930 г. в большом масштабе начинается активная секуляризация церквей, мечетей, молитвенных зданий. При изъятии церковных имуществ нарушалось действующее законодательство – не учитывались интересы религиозных обществ. Неправомерное изъятие церковной собственности увеличило число уголовно-административных мер по отношению к духовенству: «Всего за период с 1918 по 1938 г. только в Самаре (Куйбышеве) были закрыты, разорены и разрушены 54 православных храма... в результате из более чем 1000 церквей, действовавших в Самарской губернии до революции, к 1938 г. (кроме Куйбышева) действовали два храма в сельской местности: в с. Кинель-Черкассы и Томылове (ныне Кузоватовский район Ульяновской области)»¹⁷⁰. К концу 1937 г. под эгидой борьбы с группой «фашистско-повстанческой церковно-монархической контрреволюционной организации», куда, по мнению Куйбышевского управления НКВД, были записаны все православные течения, была арестована большая часть духовенства г.

¹⁶⁸ О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации [Электронный ресурс]: постановление Политбюро ЦК ВКП(б) 30 января 1930 г. Режим доступа: <http://istmat.info/node/30863> (дата обращения: 03.10.2019).

¹⁶⁹ Приказ Объединенного Государственного политического Управления № 44/21 2 февраля 1930 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/300202.htm> (дата обращения: 19.05.2019).

¹⁷⁰ Якунин В.Н. Самарская епархия Русской православной церкви в 1917–1941 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 4. С. 73.

Куйбышева. По итогам репрессивных мер 251 человек из 269 проходивших по этому делу были приговорены к расстрелу, еще 18 человек получили по 10 лет заключения в исправительно-трудовом лагере¹⁷¹. В этом отношении стоит отметить, что «Особенностью правосознания тех лет являлось то, что часто чекистами на следствии доказывалась не какая-либо “вина” личности перед государством, а принадлежность человека к определенной социальной группе, которой государство фактически отказывало в праве на существование»¹⁷². По сути, доказывалась не вина человека, а его принадлежность к сословию служителей религиозного культа. В основном доносы, поступающие на представителей духовенства, имели сведения об антисоветской деятельности, однако различались по своему содержанию. Так, часть доносов была связана с распространением ложной и уничижающей советскую власть информации о представителях партии. В причинах приговоров упоминались распространение контрреволюционных писем и листовок; проведение незаконных богослужений и религиозных обрядов, а также «антисоветских» проповедей и бесед с верующими гражданами; пропаганда выходов из колхозов, пионерской и комсомольской организаций; создание незаконных религиозных кружков и стремление к распространению религии в обществе; подрыв коллективизации и индустриализации и многое другое¹⁷³. Практически все осужденные в 1937–1938 гг. по данным уголовным делам были приговорены к высшей мере наказания, до этого пройдя испытания ссылками в исправительно-трудовые лагеря. Власть сама инициировала доносительство, поэтому в текстах доносов часто встречаются фамилии близких родственников, соседей, сослуживцев обреченных на гибель людей.

¹⁷¹ Якунин В.Н. Самарская епархия Русской православной церкви в 1917–1941 гг. ... С. 73.

¹⁷² Жоголев А.Е. Новые мученики и исповедники Самарского края. Самара, 1996. Режим доступа: http://newmartiros.blogspot.com/2013/04/blog-post_9876.html (дата обращения: 16.03.2023).

¹⁷³ Там же.

В этой ситуации центральная власть создала Комиссию по вопросам культов при Президиуме ВЦИК, которую возглавил П.Г. Смидович. Вскоре она была переименована в Комиссию по вопросам культов ЦИК СССР. В круг вопросов, которыми ведала комиссия, входило рассмотрение проектов нормативных актов, связанных с деятельностью религиозных организаций, внесение их на рассмотрение и обсуждение в вышестоящие инстанции. Комиссия была призвана решать спорные вопросы взаимоотношений власти и конфессий. Но в 1938 г. Комиссия была ликвидирована, и единственный мостик, с помощью которого велся диалог между религиозными организациями и государством, защищались права и свободы верующей части общества, был разрушен. Таким образом, выстраивалась новая система органов власти, контролирующая исполнение законодательства о свободе совести. Большое значение при изучении вопроса о свободе совести и вероисповедания в СССР имела новая Конституция СССР, принятая в 1936 г. В Конституцию включена статья № 124, в которой зафиксирована проблема реализации гражданами свободы совести в стране: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов, и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами»¹⁷⁴. Также в статье №135 подчеркивалось равенство всех граждан при осуществлении избирательного права: «Выборы депутатов являются всеобщими: все граждане СССР, достигшие 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, пола, вероисповедания... имеют право участвовать в выборах депутатов...»¹⁷⁵.

Таким образом, с 1917 по 1930-е гг. в СССР происходило постепенное ухудшение отношений между религией и государством, которое выражалось

¹⁷⁴ Конституция Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс]: утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.). Режим доступа: <https://base.garant.ru/185479/9903d706745464d9fcec0b0ad12d9e32> (дата обращения: 02.06.2020).

¹⁷⁵ Там же.

в усилении идеологического и атеистического давления антирелигиозной пропаганды на население. Власть стала создавать систему атеистического воспитания детей и подростков. С этой целью был образован Союз воинствующих безбожников, который с каждым годом все больше расширял свою деятельность. На государственном уровне шли разработки законодательных актов, указов и постановлений, касающихся религиозного вопроса. В Самарской губернии процесс установления правового пространства деятельности религиозных организаций шел параллельно с трагическими событиями истории, такими как Гражданская война и голод 1921 года. В первые два десятилетия молодого советского государства коренным образом изменились представления о взаимоотношении религиозных институтов и власти, которые похоронили на время надежды по демократизации законодательства в отношении организаций религиозных культов.

1.1.2. Религиозная политика советской власти по отношению к сектантству

Одной из самых многочисленных религиозных деноминаций, представленных в России, являлся баптизм. По характеру вероучения баптизм относится к числу евангелистских сект. В данном религиозном течении наблюдалась детально разработанная догматика и состав высшего руководства. Община возглавлялась пресвитерами и советами общин, которые следили за делами общины и судили за нарушение правил. Сторонники баптизма верили во всемогущего и вездесущего Бога, в божественное творение мира и первых людей и т. д. Основное внимание уделялось Новому завету и личной вере в искупительную жертву Иисуса Христа и его пришествия. Сектанты-баптисты верили в возможность общения с Богом при помощи молитв и обрядов, преимущественно выполненных при коллективном собрании всех членов общины. Ритуалы

молитвы на коллективном собрании начинались и заканчивались пением. Одной из главных особенностей баптистов являлось крещение по вере, т. е. в сознательном возрасте. Стоит отметить, что баптисты справляли все общехристианские праздники, а также имели и свои особые, например, такие, как день жатвы – в знак благодарности за урожай¹⁷⁶. Во время Гражданской войны баптисты поддерживали белое движение. По данным Гальперина, некий господин Назаров, руководящий Алма-Атинской общиной баптистов, будучи начальником колчаковской полиции, расстрелял более 100 пленных красноармейцев¹⁷⁷. После окончательной победы Красной армии и установления советской власти руководство баптистов стало поддерживать легальные и мирные отношения с официальной властью. В октябре 1919 г. был организован Временный всероссийский общий совет евангелистских христиан и баптистов, который спустя несколько месяцев принял решение призвать всех верующих к объединению: «...напрячь усилия, чтобы достигнуть в будущем слияния двух течений в одно»¹⁷⁸. В крупнейших городах – Петрограде и Москве – на март 1920 г., общины сектантов различного толка составляли достаточно крупные объединения. В Петрограде община баптистов состояла из 410 человек, в Москве – из 250 действительных членов. Евангельские христиане содержали в своих общинах также примерно 410 членов в Петрограде и около 200–250 человек в Москве¹⁷⁹. Численность баптистов в Советской России было учесть достаточно сложно. Пленум баптистов в декабре 1925 г. отметил, что в Союзе баптистов СССР имеется «приблизительно 3200 общин, 3700 мест

¹⁷⁶ См.: Гальперин Б.И. Баптизм и его идеология. Ф, 1962. С. 13.

¹⁷⁷ Там же. С. 6.

¹⁷⁸ Послание Всероссийского общего союза евангельских христиан и баптистов. Март 1920 г. [Электронный ресурс] // Братский союз. 1920. № 1. Март. Режим доступа: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/83366-poslanie-vserossiyskogo-obshego-soyuza-evangeljskih-hristian-i-baptistov-mart-1920-g#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 13.01.2023).

¹⁷⁹ Цит. по: Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: документы и материалы: в 6 т. / отв. ред. А.К. Сорокин. Т. 1, кн. 4. № 122. Москва, 2018. С. 237.

проповеди, 1100 молитвенных домов, 600 пресвитеров 1400 прочих служителей церквей»¹⁸⁰. Во время нэпа баптизм заметно вырос, и к 1927 г. насчитывал уже 500 тыс. членов в 6500 общинах¹⁸¹. Интересны данные по социальному составу этой религиозной секты баптистов. По данным Тихомирова, основу баптистских общин составляли середняки и беднота. Однако во главе общин стояли выходцы из торговцев, купцов. Большинство в баптистских общинах составляли женщины, особенно часто вступали молодые девушки и вдовы.

Организация адвентистов 7 дня (далее адвентизм) относилась к протестантскому направлению в христианстве, поэтому имела черты протестантизма. Для данного вероучения было характерно упрощение культово-религиозной деятельности. Культ причащения у адвентистов назывался хлебопреломлением и проводился каждую субботу по одному разу в три месяца. Данному обряду предшествовал обряд смирения, при котором братья и сестры общины поочередно мыли друг другу ноги. Стоит отметить, что адвентизм является эсхатологической разновидностью христианства, символизирующей неизбежный конец мира, гибель грешников и установления царства Божьего для праведников. Октябрьскую революцию адвентисты встретили недоброжелательно и только к 1924 г. официально признали советскую власть. Была развернута большая издательская деятельность в 1920-е гг. Сектанты издавали журнал «Голос истины», который выходил в Москве в 1925–1929 гг. В 1930-е гг. наблюдалось сокращение числа общин.

Одним из религиозных учений, активно распространяющимся в Самарской губернии, были молокане. Представители данной секты называли себя «духовными христианами», а присвоенное им название связывали со словами библейских апостолов. Основателем молоканства был бродячий деревенский портной Семен Уклеин, последователь духоборческого учителя

¹⁸⁰ Цит. по: Митрохин Л.Н. Баптизм. Москва, 1974. С. 74.

¹⁸¹ Тихомиров Б. Баптизм и его политическая роль. Москва, 1929. С. 17–18.

Побирохина. Молокане имели хорошие отношения с царской властью, платили подати и несли государственные повинности. Данная секта по своему социальному составу состояла из зажиточных крестьян и деревенской буржуазии, а поэтому в советский период истории подверглась значительным репрессиям к моменту установления политики коллективизации.

Реформационное движение меннонитов под руководством Менно Симонса берет начало в 30-х гг. XVI в. в Нидерландах. При содействии русского консульства в Данциге часть семейных общин переселились на территорию Самарской губернии в 1858 г., где основали колонию Александрталь¹⁸². В своем большинстве представители сектантского вероучения меннонитов занимались земледелием и ремеслом, поддерживая общинное устройство. Согласно переписи, меннониты имели самые высокие в уезде земельные наделы, которые всегда содержались в идеальном порядке. До революции 1917 г. меннониты сохраняли мирные отношения с царской властью и активно начали эмигрировать из страны уже в 1927-1929 гг.

При анализе советского законодательства по отношению к сектантам и их организациям следует отметить особые законы, касающиеся именно сектантов. Важным моментом стало принятие Народным комиссариатом земледелия Воззвания от 5 октября 1921 г. «К сектантам и старообрядцам, живущим в России и за границей»¹⁸³. Власть предлагала сектантам включиться в построение новой жизни и тем самым пыталась обеспечить религиозные общества землей. «Рабоче-Крестьянская революция, – подчеркивалось в Воззвании, – сделала свое дело. Она могучей рукой и железной волей расшатала устои старого общества, старого мира, ниспровергнув его, чтобы при его гибели воздвигнуть новую, цветущую,

¹⁸² Савченко И.А. Меннониты в Самарском крае // Самарский край в истории России: материалы межрегион. науч. конф. Самара, 2007. Вып. 3. С. 89–90.

¹⁸³ Вестник духовных христиан – молокан [Электронный ресурс] // Духовные Христиане Молокане. Режим доступа: <http://molokanin.ru/old/v/v.html> (дата обращения: 15.11.2022).

свободную жизнь. Все те, кто боролся со старым миром, кто страдал от его тягот, – а сектанты и старообрядцы в их числе, – все должны быть участниками в творчестве новых форм жизни. И мы говорим сектантам и старообрядцам, где бы они ни жили на всей земле: добро пожаловать! Идите и дружно беритесь за работу и творческий радостный труд»¹⁸⁴. При анализе развития взаимоотношений власти и сектантства необходимо отметить деятельность Ивана Трегубова и Павла Бирюкова – лидеров толстовского движения. Они принимали активное участие в составлении текста Воззвания от 5 октября 1921 г. Укажем также, что П. Бирюков занимался изданием ежемесячного журнала «Сектант-коммунист».

Ситуация изменилась к концу 1920-х гг., когда в СССР приступили к особой антисектантской работе. К этому времени советское руководство стало считать, что данные религиозные организации представляют для советской власти большую угрозу. Во-первых, сектантство власть рассматривала как наиболее опасное явление из-за наличия большой базы активно проповедующих лидеров общин, которые по сравнению с православными священниками вели более гибкую и четкую работу по вербовке новых адептов. Проповедники постоянно вступали в диспуты и не боялись отстаивать свои позиции при столкновениях с властью. Вторым фактором явилось противопоставление сектантского коммунизма советскому. То есть можно сказать, что сектанты говорили о строительстве «сектантского коммунизма», и опасность перехода граждан под влияние данной идеи была весьма высока. Руководители сект прямо говорили о том, что готовы сотрудничать с Советами и помогать им, так как называли себя такими же коммунистами, как рабочие и крестьяне, с единственной разницей, что они верят в Бога. «Мы, сектанты-коммунисты, приветствуем вас за то великое и святое дело коммунизма... которому мы также давно служим... Мы

¹⁸⁴ К сектантам и старообрядцам, живущим в России и за границей [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://molokan.narod.ru/v/v1925_1_5.html (дата обращения: 17.01.2020).

желаем сотрудничать с вами в деле насаждения коммунизма... Мы не будем упрекать вас, а вы не упрекайте нас за то, что вы и мы идем к коммунизму разными путями»¹⁸⁵. Сектантские организации явно проповедовали контрреволюционные идеи о всеобщем равенстве, без деления на кулаков и антисоветских элементов. В текстах молений говорилось о главенствующей роли индивидуальной человеческой личности в противопоставление коллективизму: «...Баптисты придерживаются признания верховной ценности и достоинства всякой человеческой личности»¹⁸⁶. Например, молоканин Гончаров в 1926 г. написал письмо в редакцию «Антирелигиозник», в котором говорил, что еще Карл Маркс и Фридрих Энгельс отмечали значение сектантского коммунизма и что только сектантство может привести к осуществлению этой идеи. Также стоит отметить, что на диспутах, в которых участвовали религиозные проповедники и представители коммунистической партии, сектанты часто указывали на то, что они представляют собой рабочих, и просили давать им слово¹⁸⁷.

Смерть В.И. Ленина сильно повлияла на все население Советской России и не обошла стороной и представителей сектантства, которые горячо поддерживали коммунистическую идеологию. В статье, опубликованной в газете «Известия» 2 февраля 1924 г., несколько представителей различных сектантских учений во главе с Иваном Трегубовым подчеркивали особую связь религии с учением коммунизма. «Дорогой брат!.. Несмотря на то, что ты считал и называл себя неверующим, мы полагаем, что на самом деле ты был более верующим, чем многие из так называемых “верующих”, потому что дело освобождения трудящихся от угнетателей посредством коммунизма, которому ты глубоко верил и с таким самоотвержением служил, есть то самое дело, которому служил и Христос...мы со своей стороны обещаемся

¹⁸⁵ Цит. по: Эткинд А. Хлыст. Секты, литература и революция. Хельсинки, 1998. С. 653.

¹⁸⁶ Цит. по: Баптист. 1928. № 2. С. 27; № 12. С. 5.

¹⁸⁷ СОГАСПИ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1137. Л. 10.

тебе у твоего гроба воплотить все идеи в своей жизни, согласно завету Христа... мы обещаемся еще усерднее делать это, чтобы весь мир был коммуной...»¹⁸⁸. Такие же выражения безусловной скорби и поддержки деятельности вождя мирового пролетариата содержатся в письме Всероссийского Союза христиан-адвентистов седьмого дня П.Г. Смидовичу от 25 января 1924 г.: «Совет Всероссийского союза христиан-адвентистов седьмого дня не может безмолвно проходить мимо праха и могилы умершего великого человека Владимира Ильича Ленина... Принципы свободы совести, религиозной и антирелигиозной пропаганды, изложенные в Конституции и декретах нашей Великой Союзной Республики... являются для христиан-адвентистов седьмого дня самым драгоценнейшим подарком человечеству...»¹⁸⁹. Важным моментом, свидетельствующим о проведении сектантами линии собственного построения коммунизма, являлись многочисленные мероприятия, которые религиозные деноминации проводили одновременно с советской властью. Вместо Международного женского дня они чтили праздник «жен-мироносиц»¹⁹⁰, вместо Интернационала сектанты исполняли молитвы во имя Христа. Самое большое сходство с партийной структурой наблюдалось в секте баптистов, где все ступени построения совпадали, за исключением Политбюро, вместо которого существовал Президиум.

Сектанты создавали свои отделы по агитации и пропаганде религии, устраивали сектантские соревнования, вели специальные кружки и секции. Так, по воспоминаниям баптиста Е. Кунявского о жизни своих родственников и «братьев по вере» в 1920-е гг. в Петрограде и о работе там Дома Евангелия, служащего опорной церковью для всей паствы города, можно судить о разносторонней религиозной работе среди баптистов города:

¹⁸⁸ Цит. по: Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: документы и материалы: в 6 т. / отв. ред. А.К. Сорокин. Т. 1, Кн. 4. № 275. Москва, 2018. С. 494.

¹⁸⁹ Там же. № 272. С. 492.

¹⁹⁰ Савин А.И. Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг.: документы и материалы. Новосибирск, 2004. С. 63.

«...По понедельникам молодежь собиралась после работы в свободной комнате “Сион” на “Трудовую группу”, где каждый что-то творил по своему призванию: братья что-то мастерили, сестры шили, вязали и пр. Все это преследовало одну цель – помощь нуждающемуся ближнему. По вторникам в этой же комнате проходили собрания молодежи: разбор Слова Божьего, подготовка программ к торжественным богослужениям. По средам – спевка хора, а мы, молодежь, за редким исключением, все – хористы. По четвергам – молитвенное собрание, по пятницам – спевка, по субботам – членское собрание всей церкви, по воскресеньям в девять часов утра – спевка хора, в десять – богослужение, после которого для хора и молодежи в зале “Вифания” был легкий завтрак, а точнее, чай и закуска. После него до вечернего богослужения, в шесть часов вечера, отряды молодежи расходятся посещать больных, идут к желающим провести на дому беседу о Боге, о Его любви ко всякому грешнику. Преследуя эту цель, мы поднимались в верхний этаж и звонили в каждую квартиру, предлагая свои услуги провести беседу... Такая нагрузка молодежи практиковалась каждую неделю. Старшие братья заботились о нас, чтобы молодежь не проводила время праздно. Получалось так, что мы каждый вечер были заняты, свободных вечеров не было всю неделю...»¹⁹¹. Для предостережения непрошенных визитов в церковь со стороны советских агентов на членские собрания могли устанавливаться особые опознавательные знаки. По воспоминаниям Е. Куявского, в церковь в конце 1920-х стали пускать только тех, кто имел особый значок, обозначающий принадлежность к этой церкви. «Он был темно-красного цвета, имел семигранную форму... в центре, на фоне белого сердечка, – известная христианская символика “Христос распятый жив”»¹⁹².

Также присутствовала агитация с целью привлечения новых членов: «В летнее время молодежь раздавала на улицах города пригласительные визитки с адресом Дома Евангелия. Наша мама, несмотря на то, что была очень юной,

¹⁹¹ Куявский Е. Остаться верным. Санкт-Петербург, 2014. С. 43.

¹⁹² Там же. С. 47.

вела при церкви занятия с подростками по частям духовной и музыкальной. Она, с гитарой в руках, и ее подруги-христианки ходили по набережным Невы, где всегда прогуливались отдыхающие люди. Знакомясь, девушки приглашали прохожих посетить Дом Евангелия»¹⁹³.

Идеи «сектантского коммунизма» характерны для толстовцев, которые не относятся к неортодоксальному сектантству. Стоит отметить, что сторонников толстовцев большевики причисляли к общей группе сектантов, квалифицируя их как «голову сектантства»¹⁹⁴. Движение толстовцев составляло основу пацифистского движения в России, а идеи революционного насилия, проводимые советским правительством, были им чужды. Однако в первые годы советской власти они выступали с многочисленными призывами и заявлениями о схожих идеях к представителям большевистского руководства. Например, Елена Ивановна Гетель – российский историк и специалист по проблеме пацифистского движения, в своем труде рассказывает о группе единомышленников из числа толстовцев, которые направляли приветствие участникам 3-го конгресса Коминтерна, называя их «передовым авангардом разумно мыслящего трудящегося класса и спасателями человечества»¹⁹⁵.

Советская власть считала сектантские образования весьма реакционными и опасными для построения коммунизма еще и потому, что при сектах затушевывалось классовое расслоение, что, по мнению советского руководства, вело к идеализации сектантства, к поддержке отказа от антирелигиозной пропаганды. Проще сказать, члены сект в общине были защищены от навязывания ярлыков «кулак», «мещанин» и т. п. Также сектантство представляло опасность в связи с социальной направленностью. По мнению партийного руководства, секты объединяли представителей всех «отбросов» советского общества – кулачества, лишенцев и т. д. Стоит

¹⁹³ Куявский Е. Остаться верным. С. 8.

¹⁹⁴ Путинцев Ф. Сектантство и антирелигиозная пропаганда. Москва, 1928. С. 26.

¹⁹⁵ Долгий путь российского пацифизма. Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России. С. 302.

сказать, что каждая секта образовывала некое братство, ни один из членов общины, как правило, не оставался без помощи. Например, если у семьи не было лошади, то руководство секты выделяло средства на ее покупку¹⁹⁶. По воспоминаниям баптиста из Санкт-Петербурга Евгения Кунявского оказание помощи ближним входило в ряд важнейших задач приходов: «Когда остались без крова, их семью, как новообращенных, оставшихся без крова, приняли на время в Дом Евангелия. Там жили и еще некоторые из верующих, также не имевшие своего жилья»¹⁹⁷.

В этой связи показательны документы 1930 г., в которых можно увидеть ужесточение мер по борьбе с данными появлениями сектантства. Одной из них стало постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», в котором предписывалось: «...Срочно пересмотреть законодательство о религиозных объединениях в духе полного исключения какой бы то ни было возможности превращения руководящих органов этих объединений (церковные советы, сектантские общины и проч.) в опорные пункты кулачества, лишенчества и вообще антисоветских элементов...»¹⁹⁸. С этим постановлением генетически связан приказ ОГПУ от 2 февраля 1930 г. №44/ 21 «О ликвидации кулачества как класса»¹⁹⁹, где о сектантах говорится как о вредных элементах, по которым ОГПУ необходимо ввести специальные мероприятия: «...Кулаки – активные члены церковных советов, всякого рода религиозных, сектантских общин и групп, активно проявляющие себя...»²⁰⁰. Также в это время выходит постановление ЦИК и СНК СССР от 11 февраля 1930 г. «О

¹⁹⁶ СОГАСПИ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1137. Л. 8 об.

¹⁹⁷ Куявский Е. Остаться верным. С. 10.

¹⁹⁸ О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации: постановление Политбюро ЦК ВКП(б) 30 января 1930 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://istmat.info/node/30863> (дата обращения: 03.10.2019).

¹⁹⁹ Приказ Объединенного Государственного политического Управления № 44/21 2 февраля 1930 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/300202.htm> (дата обращения: 19.05.2019).

²⁰⁰ Там же.

борьбе с контрреволюционными органами в руководящих органах религиозных организаций»²⁰¹. Стоит отметить, что структура сектантских общин была четко регламентирована, что подтверждалось не только наличием иерархии в каждой из отдельных сект, но и образованием более крупных структур. В 1920-е гг. в СССР существовали Федеральный союз баптистов (ФСБ) и Всесоюзный совет евангельских христиан (ВСЕХ)²⁰². Члены этих советов действовали на протяжении двух десятилетий и к концу 1930-х практически прекратили свою работу ввиду репрессий. В этом отношении показателен протокол допроса, проведенного уполномоченным Сызранского отдела ОГПУ Бурдаковым, священника И.Д. Григорова, обвиненного по статье 67 УК РСФСР 1922 г. от 15 октября 1924 г. («...активные действия и активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных должностях при царском строе, караются наказаниями, предусмотренными 1 частью 58-й статьи...»²⁰³. В своих показаниях бывший священник подчеркивал, что является абсолютно неверующим человеком, так как «...осознал всю нелепость поповщины...»²⁰⁴. В данном случае Григоров был осужден на три года условно. Следующий процесс с участием вышеупомянутого священника начался во второй половине 1929 г. и был связан с подрывом мероприятий, направленных на коллективизацию. Обвинение вменяло Григорову следующие обвинения: сбор денег по 50 копеек со двора в момент взимания задатков на трактора; агитацию с целью внушить

²⁰¹ Смыкалин А.С. Государственно-конфессиональные отношения в СССР. 1917–1930 г. // История права. 2016. № 5. С. 23.

²⁰² Конфессиональная политика советского государства в 1920–1950-е годы: материалы XI Международной научной конференции. Великий Новгород, 11–13 октября 2018 г. Москва, 2019. С. 418.

²⁰³ Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. [Электронный ресурс] / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901757375> (дата обращения: 13.01.2023 г.)

²⁰⁴ Романов В.В. Драма отечественного политического сыска: кадровые служащие, секретные агенты, архивы политической полиции Российской империи и внутренняя политика Советского государства: в 3 ч. Ч. II. Период создания основ социалистического общества / В.В. Романов, Г.В. Романова. Ульяновск, 2019. С. 74.

гражданам не вступать в колхозы. Согласно материалам уполномоченного по коллективизации с. Чертановки Кузоватовского района, власти требовали задержать священника на месяц или полгода, пока идет процесс подготовки сельскохозяйственной техники. Вышеупомянутые обвинения Григоров отрицал, однако все же был обвинен по 58-10 статье УК РСФСР от 1926 г. (...пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений...)»²⁰⁵) и был приговорен к 10 годам концлагеря и к конфискации дома²⁰⁶.

Стоит отметить, что по итогу ужесточения антирелигиозной кампании, с 1927 г. начались аресты служителей, а в 1930-м году вышеупомянутый Дом Евангелия в Петрограде был закрыт и передан заводу «Электроаппарат», где вскоре на нем был вывешен красочный антирелигиозный плакат, оказавший на прихожан невероятно удручающее воздействие: «Никогда не изгладятся из памяти нашей лица дорогих братьев-диаконов: Досугова И.Е., Скрипко Г.С., Муравьева В.П., Вельсман К.И., Яковлева М.Я. и многих, многих старых сестер и братьев, их глубокой скорби, полынной горечи и слез при виде глумления и осквернения родного Дома Евангелия... Когда он был отнят от нас и передан заводу “Электроаппарат”, на воротах его (где ранее размещалась надпись “Дом Евангелия”. – Прим. авт.) теперь красовался аншлаг: “Религия – опиум народа! Превратим очаги мракобесия в очаги культурных мероприятий!” ...Какой ужас! Какое глумление... какое бессердечье! Точно острием штыка пронзило сердца наших дорогих братьев-старцев, активных участников строительства Дома Евангелия...

²⁰⁵ Особенная часть Уголовного Кодекса РСФСР 1926 г. // Репрессированные геологи / гл. ред. В.П. Орлов; отв. ред. Л.П. Беляков, Е.М. Заблоцкий. Москва; Санкт-Петербург, 1999. С. 448–451.

²⁰⁶ Романов В.В. Драма отечественного политического сыска... Ч. II. Период создания основ социалистического общества. С. 242.

Очень ясно помню, как сам я был уязвлен страшной, физически ощутимой болью сердца, увидев это злое знамя...»²⁰⁷.

Правовое положение сект на протяжении XVIII–XIX вв. постоянно менялось, однако очевидно, что в дореволюционной России сектантские организации не имели большинства прав наряду с другими конфессиями и всячески притеснялись, то революционные события многие приняли с воодушевлением, надеясь на улучшение своего положения. Христианские неортодоксальные течения в 1920-е гг. были представлены достаточно многообразно и, несмотря на антирелигиозную пропаганду и действия Союза воинствующих безбожников, не только не прекращали свою деятельность, но и старались упрочить свое положение, однако к началу 1930-х гг. секты, так же, как и другие религиозные конфессии, были вынуждены на себе испытать деструктивное воздействие антирелигиозной политики государства.

Таким образом, проанализировав формирование правового пространства деятельности религиозных организаций, мы приходим к выводу о наличии целой системы законных и подзаконных актов, указов и распоряжений, регулирующих данный вопрос. Советское правительство с самого начала своего правления пыталось собрать и удержать религию в рамках светского государства, постепенно вводя нормативно-правовую базу, что позволило к концу 1920-х – началу 1930-х гг. выработать механизмы работы с религиозными организациями и проводить антирелигиозную работу. Наличие оформленного правового пространства открывало перед государством большие возможности по репрессивным мерам воздействия на духовенство и верующее население, что в значительной степени повлияло на ухудшение положения религии во второй половине 1930-х гг. вплоть до начала войны.

²⁰⁷ Цит. по: Куявский Е. Остаться верным. С. 50.

1.2. Взаимоотношения советской власти и православной церкви

Процесс установления советской власти в Самарской губернии сопровождался начальным этапом реализации государственной религиозной политики в регионе. 4 января 1918 г. Самарский губернский исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов принял решение о создании губернского комиссариата по вероисповедным делам. На должность губернского комиссара был назначен В. Зуев²⁰⁸. В марте 1918 г. состоялось заседание комиссариата, на котором обсуждался вопрос об организации уездных и волостных отделов комиссариата в сельско-приходских подотделах по записи браков и рождений. Тогда же шла речь о занятии комиссариатом помещения Духовной консистории и передаче метрикации в отдел юриспруденции²⁰⁹. Опираясь на решения комиссариата 30 марта 1918 г., здание Духовной консистории взяли под охрану, а дела были опечатаны. Захват здания консистории власть мотивировала тем, что оно занято для нужд армии. В то же время денежные суммы Духовной консистории были изъяты. Эти действия властей не могли остаться без внимания и реакции на них прихожан. Безусловно, влияние на верующих оказало воззвание Собора Православной российской церкви «К Православному народу», в котором содержался призыв к верующим объединяться в союзы для защиты интересов Церкви. Такие объединения возникли в Москве и Петрограде. Самарский совет приходских православных общин был создан в Самарской губернии к весне 1919 года²¹⁰. Противодействие антирелигиозным мероприятиям советской власти осуществлялось в ходе организации и проведения крестных ходов, которые активно стали устраиваться верующими. В январе 1918 г. состоялось общегородское собрание духовенства и прихожан в Кафедральном соборе, на котором было принято решение устроить 28 января 1918 г. всенародный

²⁰⁸ Подмарицын А. Очерки истории Самарской епархии. Самара, 2008. С. 53.

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ Там же. С. 64.

крестный ход. Этот крестный ход прошел в Самаре спокойно, без беспорядков и провокаций²¹¹. В конце января 1918 г. Совет народных комиссаров издал знаменитый декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»²¹², который был опубликован в самарских газетах. Самарское духовенство отнеслось к публикации этого декрета спокойно, так как его в это время более всего волновал вопрос о сохранении приходских школ.

С лета по осень 1918 г. в Самаре власть перешла к правительству Комитета членов Учредительного собрания, которое отменило все декреты советской власти, в том числе и все декреты, касающиеся религии. Решение религиозного вопроса было отложено до нормализации ситуации в стране. В этом отношении стоит выделить открытые действия священнослужителей Самарской губернии против советских и политических работников, заключающиеся в выдаче красноармейцев правоохранным и военным органам Комитета членов Учредительного собрания (далее Комуча), а также в антисоветской агитации²¹³. Власть у Комуча продлилась в Самаре около 4 месяцев. 7 октября 1918 г. город был освобожден от белочехов и войск Комуча. После установления советской власти необходимо было вновь в соответствии с декретами и постановлениями центральных органов власти приступить к реализации государственной религиозной политики. Прежде всего необходимо было решить организационно-управленческие вопросы. Самарский губернский исполнительный комитет (далее губисполком) вместо комиссариата по вероисповедным делам создал Самарскую губернскую комиссию по отделению Церкви от государства²¹⁴. В ее полномочия входила выдача разрешений на проведение религиозных собраний. Губернская власть последовательно утверждала строгие порядки во взаимоотношениях с

²¹¹ Подмарицын А. Очерки истории Самарской епархии. С. 56.

²¹² Хрестоматия по истории России / под ред. А.С. Орлова. Москва, 2014. С. 426.

²¹³ Мистрюгов П.А. Советская власть и Самарская Епархия русская православной церкви в 1918–1922 гг. // Вестник СамГУ. 2013. № 8/1 (109). С. 186.

²¹⁴ Подмарицын А. Очерки истории Самарской епархии. С. 58.

Церковью. Так, в 1919 г. Городской отдел народного образования в Самаре постановил в пятидневный срок изъять всю контрреволюционную и религиозную литературу из библиотек. Также был закрыт Самарский епархиальный совет.

Немного позднее, чем в Москве и Петрограде, в Самаре начинается открытая борьба с религией. Это объяснялось особенностями провинциального общества и нестабильностью положения властей во время Гражданской войны. Однако после окончания Гражданской войны ситуация изменилась и в губернии стали устанавливаться особые порядки. 12 июня 1920 г. Самарский губисполком учредил ликвидационную комиссию по прекращению деятельности Самарского епархиального совета и всех аналогичных органов не православных культов²¹⁵. Здания архиерейского подворья были национализированы и переданы Самарскому губернскому отделу народного образования. Там разместили в начале школу № 2, а затем общежитие завода № 24. Затем эти строения передали индустриальному институту.

В начальный период реализации новой экономической политики население Поволжья и прежде всего Самарской губернии вновь вынуждено было выживать в экстремальных условиях засухи и голода 1921–1922 гг.: «В 1921 году самарцы столкнулись с еще одним тяжелым испытанием – страшным голодом. Поля были засеяны не полностью, из-за засухи в мае погибла половина озимых хлебов, а на юге губернии саранча уничтожила все остатки урожая. В лесных уездах вспыхивали пожары, вспыхнули эпидемии. В губернии началось повсеместное уничтожение скота. Многие люди старались уехать, сбежать, спастись. К середине 1922 г. убыль населения достигла 337,1 тысячи человек»²¹⁶. Десятки тысяч крестьян уезжали со своих мест, что способствовало переполнению поездов, вокзалов, а также больниц.

²¹⁵ Якунин В.Н. История Самарской епархии. Тольятти, 2011. С. 164.

²¹⁶ Аншакова Ю.Ю. Голод начала 1920-х годов и помощь голодающим в Самарской губернии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17, № 3. 2015. С. 83.

«Тысячи детей оставались без родителей, а на станции Самара ежедневно подбирали и отправляли в больницы около 200 умирающих детей...»²¹⁷. Советская власть отмечала в это время увеличение количества религиозных обрядов, проводимых отдельными представителями религиозных организаций для борьбы с засушливой погодой. Согласно сообщениям из Ставропольского уездного исполнительного комитета от 28 мая 1921 г., религиозные наставники или, как их называли, «фанатики» устраивали ночные моления, в основном на окраинах города, собирая вокруг себя толпы граждан и призывая их к контрреволюционной деятельности. В этой связи был опубликован приказ № 8²¹⁸ Ставропольского уездного исполнительного комитета о запрете всякого рода сборищ в ночное время, приуроченных к разному роду молебствий, бесед на религиозные темы и других собраний, нарушающих декрет об отделении Церкви от государства. Служителям религиозного культа разрешалось в ночное время производить лишь обычную церковную службу исключительно в церкви. Публикация данных приказов свидетельствует о начале давления большевиков на духовенство Самарской губернии даже в условиях кризиса.

Летом 1921 года советское правительство ввело ряд мер, направленных на ликвидацию голода. «Постановлениями ВЦИК был снят налог с посевных платежей Нижнего и Среднего Поволжья, созданы центральная и местные комиссии помощи голодающим»²¹⁹. Председателем Самарской губернской комиссии был назначен В.А. Антонов-Овсеенко. По решению IX съезда Советов сумма продналога для Самарской губернии была сокращена наполовину, по сравнению с другими регионами страны. Населению Самарской губернии должны были оказывать помощь урожайные местности,

²¹⁷ Самарская летопись: Очерки истории Самарского края с древнейших времен до наших дней: в 3 кн. / под ред. П.С. Кабытова, Л.В. Храмкова. Книга третья: Самарский край в XX веке (1918–1996 гг.). Самара, 1997. С. 82.

²¹⁸ Муниципальное казенное учреждение городского округа Тольятти «Тольяттинский архив». Ф. Р-83. Оп. 1. Д. 13. Л. 59.

²¹⁹ Самарская летопись: Очерки истории Самарского края с древнейших времен до наших дней... С. 82.

что можно проследить из проекта плана Комиссии помощи голодающим о прикреплении к ним голодающих губерний²²⁰. Также помогали и другие страны: Америка, Норвегия. Пытаясь пополнить бюджет Советской республики, центральная власть пошла на экстраординарные меры. Она стремилась решить проблемы голодающего населения Поволжья и Самарской губернии путем изъятия церковных ценностей, что реально представляло собой одно из мероприятий антирелигиозной политики большевиков. В Самарской губернии уже зимой 1922 г. началась работа по описанию и учету церковных ценностей Самарской епархии. В связи с публикацией 23 февраля 1922 г. декрета «Об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих»²²¹ началась кампания по их изъятию. Она проводилась в губернии с 6 марта по июнь 1922 г. В изъятии непосредственно участвовали 36 уполномоченных, к ним в помощь делегировали «...еще 34 товарища особого назначения»²²². Проводимую политику поддерживали, по данным периодической печати, различные слои населения, например, крестьяне с. Нижнего и Верхнего Санчелеева, и деревни Кунеевки, красноармейцы и милиционеры Ставропольского уезда и г. Ставрополя (Тольятти)²²³. Так, по крупнейшему из городов Самарской губернии – г. Ставрополю – за 22 и 23 апреля 1922 г. было изъято 6 пудов 27 фунтов $3^{3/4}$ серебра²²⁴. Данные ценности после их экспроприации должны были быть переданы в Губернский финансовый отдел для направления в Народный комиссариат финансов для фонда Центральной комиссии помощи голодающим. По итогам этой кампании в церквях Самарской губернии было собрано «более 170 пудов серебра, 3 фунта золота, 328 бриллиантов, а также других

²²⁰ Голод в Средневолжском крае в 20-30-е годы XX века. Голод в Самарской губернии в 20-е годы XX века. Т. 1: сб. документов. Самара, 2014. С. 150.

²²¹ Там же. С. 259.

²²² Якунин В.Н. История Самарской епархии. С. 169.

²²³ Муниципальное казенное учреждение городского округа Тольятти «Тольяттинский архив». Ф. Р-227. Оп. 1. Д. 154. Л. 145 об.

²²⁴ Там же.

драгоценностей»²²⁵. К концу 1922 г. губерния стала выбираться из этого страшного голода. Решающую роль в этом сыграла новая экономическая политика. «В 1922 году валовый сбор хлеба в губернии составил 23 782 тысячи пудов. Это означало ликвидацию голода»²²⁶. С победы над голодом началась полноценная реализация новой экономической политики.

С момента установления советской власти и введением декретов об отделении Церкви от государства кризис внутри РПЦ, начавшийся еще в конце XIX – начале XX в., углубился, что объективно обусловило церковный раскол. Очевидно, что центральная власть использовала в своих целях внутренние противоречия среди духовенства. Всероссийская Чрезвычайная Комиссия за последнее время в своих планах по разложению Церкви сосредотачивала все свое внимание именно на поповской массе, только через нее «мы сможем путем долгой, напряженной и кропотливой работы разрушить и разложить церковь до конца...»²²⁷ Проект разделения Церкви и создание обновленческого движения по времени приходится на 1921–1922 гг., когда страну охватил страшный голод, а центральной властью специальным декретом был дан официальный старт изъятию церковных ценностей. Обновленческое движение, получившее название «живой» церкви, учрежденной 29 мая 1922 г. в Москве, возглавили священники В. Красницкий, Е. Белков и С. Калиновский. Они же практически в полном составе посещали 12 мая 1922 г. заключенного под стражу патриарха Тихона, убеждая его передать церковное управление в их руки. В этой связи руководители новой обновленческой церкви стремились обеспечить легитимность для того, чтобы как можно быстрее утвердиться в стране, среди паствы и простых граждан. 29 апреля 1923 г. в храме Христа Спасителя в Москве был открыт Второй Поместный собор Российской

²²⁵ Храмов Л.В. Введение в Самарское краеведение. Самара, 2003. С. 219.

²²⁶ Самарская летопись: Очерки истории Самарского края с древнейших времен до наших дней... С. 87.

²²⁷ Лобанов В.В. «Обновленческий» раскол в Русской православной церкви (1922–1946 гг.). Санкт-Петербург, 2019. С. 85.

православной церкви, который был созван по инициативе обновленцев. Не подлежит сомнению факт, что проведение данного собора было одобрено и организовано не без помощи высшего руководства. Так как обновленцы не только лояльно, но еще и с нескрываемым одобрением относились к новому руководству страны, советской власти было выгодно сотрудничать с этой организацией. Один из пунктов, принимаемых на соборе, содержал следующие утверждения: «...Церковным людям нельзя видеть в Советской власти – власти антихристову: наоборот, собор обращает внимание, что Советская власть государственными методами одна во всем мире имеет осуществить идеалы царства Божия...»²²⁸. На соборе были приняты высказанные ранее идеи реформирования старых канонических церковного управления, а также обсуждался вопрос проведения суда над патриархом Тихоном. В итоге был опубликован приговор, под которым подписались более 50 представителей духовенства: «По бывшем суждении по делу патриарха Тихона Собор Епископов пришел к единогласному решению, что патриарх Тихон перед совестью верующих подлежит самой строгой ответственности: каре, лишению сана и звания патриарха за то, что направлял всю силу своего морального и церковного авторитета на ниспровержение существующего гражданского и общественного строя нашей жизни, чем подвел под угрозу самое бытие церкви»²²⁹. Но судебный процесс над патриархом не состоялся. Патриарх Тихон ценой больших усилий смог вновь набрать популярность среди духовенства. Он открыто заявил об отказе от своих предыдущих воззрений, что отвечало интересам центральной власти. Большой неожиданностью для руководителей обновленческой церкви явилось освобождение патриарха Тихона из заключения весной 1923 г. Тысяча священников, представителей духовенства, которые ранее примкнули к новой Церкви, возвращались в лоно

²²⁸ Следственное дело патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. Москва, 2000. С. 350.

²²⁹ Там же. С. 348.

Русской православной церкви через покаяние. Самарскую губернию церковный раскол не обошел стороной. Здесь также произошло разобщение православной паствы на две стороны. В середине 1920-х гг. православное духовенство в губернии распалось на две группы: сторонников патриарха Тихона (тихоновцев) и сторонников «живой» церкви – обновленцев. Советская власть в Самарской губернии считала, что епископ Сергей в своей деятельности опирается на торговцев, бывших царских чиновников, помещиков, кулаков, зажиточных крестьян, монастыри, что свидетельствует о недоброжелательном отношении к новой власти. Сторонники патриарха Тихона резко противопоставляли себя новой обновленческой церкви, чем опять же вызывали гнев у большевиков: «...в деревне “тихоновцы” с целью дискредитации обновленцев называют их “коммунистами” и, тем самым подчеркивают свое отрицательное отношение к коммунистической и советской власти»²³⁰. Обновленцы в Самаре были представлены епископом Александром, в г. Мелекессе их возглавлял епископ Георгий.

Но численное превосходство было на стороне тихоновцев, так как в этот период времени в Самарской губернии епископ Сергей – сторонник патриарха, обладал большим авторитетом и ораторскими способностями. Из 780 деревень по губернии с января по апрель 1925 г. на стороне обновленцев оставалась 101 церковь, тихоновцев – 319. Не заняли определенную позицию – 360. С апреля по октябрь 1925 г., в период наибольшего влияния патриарха Тихона, около 40 отдельных приходов и около 200 неопределенных приходов перешли на его сторону. Постепенно обновленцы теряли авторитет. И все же их влияние в Самарской губернии в середине 1920-х гг. еще сохранялось, так как они имели официальные управления в Самарском, Мелекесском, Бузулукском, Пугачевском и Бугурусланском уездах²³¹. Слабость обновленческой церкви состояла в том, что ее священники не смогли систематически проводить работу среди

²³⁰ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2454. Л. 65.

²³¹ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1 Д. 1700. Л. 2.

прихожан против сторонников патриарха Тихона. Духовенство, поддерживавшее патриарха Тихона, напротив, опираясь на авторитет епископа Сергия, пользовалось большой популярностью среди верующих. Вместе с тем их объединяла борьба против обновленчества. Так, представители духовенства патриарха Тихона бойкотировали выборы делегатов на Третий Поместный Собор, которые состоялись в местном епархиальном управлении. Свой отказ они мотивировали тем, что без официального утверждения их управления они не будут иметь влияния на самом соборе²³².

Обновленческий раскол должен был ослабить Русскую православную церковь, но этот проект не удалось реализовать. К концу 1920-х гг. XX в. обновленческое движение практически угасло. Во-первых, еще в начале своей деятельности представители обновленчества приняли непосредственное участие в «суде над князьями церкви» – расстреле 10 священнослужителей и митрополита Вениамина (Казанского). Постановление Высшего Церковного Управления, лишавшее их сана, было опубликовано в газете «Живая церковь», и «в результате обновленчество заработало репутацию «врага церкви»²³³. Самой главной причиной явилось то, что обновленцы слишком активно поддерживали советскую власть. Народ интуитивно догадывался о том, что обновленцы были как бы агентами ОГПУ и других органов власти, и поэтому не мог доверять лидерам данного объединения²³⁴. По мнению советской власти, представители старой Церкви, подчиненной патриарху Тихону, распространяли контрреволюционную грамоту, якобы написанную архиепископом Анастасием Иерусалимским, с целью очернить обновленчество. Стоит упомянуть, что власти подчеркивали вымышленный характер этого документа. Приведем

²³² Там же. Л. 4.

²³³ Лобанов В.В. «Обновленческий» раскол в Русской православной церкви (1922–1946 гг.). С. 94.

²³⁴ Пospelовский Д. Православная церковь в истории Руси, России и СССР. Москва, 1996. С. 255.

некоторые выдержки из этого документа: «Вы не одиноки в Вашем великом и святом подвиге, Вас благословляют, за Вас молятся все восточные церкви, с коими Вы пребываете в неразрывном общении везде и в молитвах. Да будет вам ведомо, что здесь считается православною каноническою церковью только та, которая возглавлялась патриархом Тихоном, а не окормляется его преемниками, так называемая “живая”, или синодальная и все другие прицепенцы православия. Патриарх Иерусалимский, почти 30 лет восседавший на престоле апостола Иакова, решительно отказывается вступить в какие-либо сношения с “обновленцами”. Еще решительнее осуждает их благочиннейший патриарх Антохийский Григорий, предавший собор анафеме. Даже Константинопольский патриарх, на которого пытаются опираться ваши раскольники, никогда не признавал и не признает их официально и канонически...»²³⁵ и т. д. Немаловажную роль играл моральный облик представителей обновленческого духовенства: «...Обновленцев 1920-х гг. можно осудить за распутство, отчасти заключающееся в допущении разводов и повторных браков духовенства, в том числе и епископата – за безнравственность, предательства, служение врагам Церкви, то есть за грехи и преступления, но не за богословскую ересь по большому счету...»²³⁶.

В этом отношении стоит отметить, что если в 1922 г. больше половины церквей в Москве принадлежало новой «живой» церкви, то к концу 1920-х гг., на 30 тысяч патриарших храмов приходится лишь 6 обновленческих. «Вместе с обновленцами были скомпрометированы и их идеи, в результате чего и поныне любое новшество воспринимается Русской православной церковью болезненно, даже если оно на самом деле является возвращением к истокам»²³⁷. Стоит обратить внимание, что для простого населения, все еще сохранявшего традиционную религиозность, раскол приобрел характер

²³⁵ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2454. Л. 67.

²³⁶ Поспеловский Д. Православная церковь в истории Руси... С. 256.

²³⁷ Поспеловский Д. Православная церковь в истории Руси... С. 257.

внешнего фактора, на фоне которого их повседневная религиозная жизнь практически не менялась: «Отношение верующей массы к расколу церкви, за исключением кулаков, торгашей, – безразлично. Объясняется это тем, что масса верующая, в особенности крестьяне, полного представления о расколе церкви не имеет и к борьбе между духовенством относится как к шкурничеству стремящихся каждый для себя завоевать больше дохода»²³⁸.

Согласно инструкции по проведению в жизнь декрета об отделении Церкви от государства, все церкви и религиозные общества различных культов, а также все общества, которые ограничивали круг своих членов исключительно лицами одного вероисповедания, даже под видом благотворительных, просветительских и т. п., лишались согласно декрету прав юридического лица. Религиозные организации, в чьей собственности находились храмы или прочее богослужебное имущество, должны были предоставить инвентарную опись имущества Совету депутатов (Совдеп), который в свою очередь передавал им в пользование данное имущество при ряде условий, одно из которых заключалось в минимальном количестве местных жителей, необходимых для реализации этого права²³⁹. Отношения между гражданами, желающими получить в пользование культовое здание, и Советами депутатов регулировались специальными договорами, составляющимися на каждое здание в отдельности. В этом отношении можно проанализировать договор²⁴⁰ граждан города Ставрополя со Ставропольским Отделом вероисповедальных дел Совета рабочих и крестьянских депутатов от 15 января 1919 г. по делу о передаче в бессрочное и бесплатное пользование храм Учения Божией Матери в г. Ставрополе. Передача должна была осуществляться согласно ряду условий, среди которых можно выделить обязательства не допускать: «...политических собраний враждебного

²³⁸ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2454. Л. 67.

²³⁹ Муниципальное казенное учреждение городского округа Тольятти «Тольяттинский архив». Ф. Р-227. Оп. 1. Д. 75. Л. 97 об.

²⁴⁰ Муниципальное казенное учреждение городского округа Тольятти «Тольяттинский архив». Ф. Р.-227. Оп.1. Д.196. Л.16.

Советской власти направления... раздачи или продажи книг, брошюр... произнесения речей и проповедей... и т. д.»²⁴¹. Также граждане брали на себя ответственность за оплату всех расходов по содержанию храма, в том числе ремонт, страхование и оплату налогов. Инструкция содержит указания о прочих имуществах и о метрических книгах, о религиозных обрядах, о преподавании религиозных вероучений.

С начала 1920-х гг. закрывались или переделывались под нужды города множество церквей, часовен, молельных домов. Крестовоздвиженская церковь, находящаяся на ул. Панской (ныне ул. Ленинградская. – Прим. авт.), была закрыта. Она стала хранилищем отравляющих веществ²⁴². Часовня на территории подворья Раковского Свято-Троицкого монастыря обратилась в руины²⁴³. Самарский женский Иверский монастырь был также передан городскому хозяйству. Подвергались переустройству соборы. Старинный Казанский собор иконы Божией Матери, который являлся старейшим в Самаре, в 1920-е гг. был закрыт и вскоре передан под столярную мастерскую автотрактородеталей, ныне это территория завода клапанов²⁴⁴. Собор Вознесения Господня, располагавшийся на Степана Разина, 78, в 1922 г. был подвергнут реквизиции драгоценных и полудрагоценных металлов²⁴⁵ и закрыт в 1930 г.²⁴⁶ В 20-е гг. XX в. теряются следы самых почитаемых монастырских святынь, таких как Иверская икона Божией Матери и др.²⁴⁷ Кафедральный собор Воскресения Христа Спасителя на площади им. Куйбышева имел более трагичную судьбу. Президиум Горсовета 2 января 1930 г. постановил передать собор Союзу строительных рабочих для переоборудования под Дом культуры Союза. Однако переделка здания оказалась нецелесообразной, и собор было

²⁴¹ Там же. Л. 16 об.

²⁴² Якунин В.Н. История Самарской епархии. С. 42.

²⁴³ Там же. С. 45.

²⁴⁴ Там же. С. 49.

²⁴⁵ Там же. С. 54.

²⁴⁶ Якунин В.Н. История Самарской епархии. С. 56.

²⁴⁷ Самарский Иверский женский монастырь к 160-ю основания обители. Самара, 2010. С. 57.

решено разобрать, построив на его месте Дом культуры. Разрушение началось с июня 1930 г. и закончилось к 1932 г.²⁴⁸ (см. Приложение 2). Аналогичная ситуация происходила и с религиозными учреждениями других конфессий. Католический костел функционировал до конца 1920-х, и в 1930 г. был закрыт решением Крайисполкома²⁴⁹. В декабре 1928 г. в губернии насчитывалось 2518 церквей и 2755 попов. Помимо православного духовенства и сектантских объединений в Самарской губернии имелись представители католической веры, а также еврейского исповедания. После революции, в 1918 г., римско-католическое общество Самары заключило договор с Советом рабочих и крестьянских депутатов о передаче в их дальнейшее пользование здания костела, размещавшегося на ул. Фрунзе, 157²⁵⁰. Религиозное общество приверженцев католического вероисповедания было небольшим, имело своих прихожан и пререканий с советской властью не устраивало. В 1920-е гг. у римско-католического общества Самары не было особых проблем с реализацией своей деятельности. Но в период повсеместного закрытия храмов и церквей и передачи их под нужды города католический костел, как и другие здания, был отчужден. В январе 1930 г., учитывая требования рабочих общественных организаций и печати, а также малочисленность религиозной общины, костел был передан под детский театр и кино. Уже 15 июня 1930 г. там был открыт детский театр²⁵¹ (см. Приложение 3). Еврейское общество Самары существовало в городе с конца XIX в. С революционными событиями в ноябре 1918 г. была открыта еврейская секция под председательством гражданина Левина и секретаря гражданина Когана, о чем свидетельствует протокол заседания²⁵². В 1926 г. в Самаре функционировали две синагоги с одним раввином и общим числом прихожан, исполняющими религиозные

²⁴⁸ Там же. С. 61.

²⁴⁹ Зубов С.Э., Кузнецова Л.В., Малкова Н.М., Федоров М.Г. Самарское краеведение: религии и конфессии. Религии Самарской области. История и современность: учеб. пособие. Самара, 2008. С. 70.

²⁵⁰ ЦГАСО. Ф. Р-828. Оп. 3. Д. 31. Л. 2.

²⁵¹ ЦГАСО. Ф. Р-828. Оп. 3. Д. 31. Л. 159.

²⁵² Там же. Ф. Р-796. Оп. 4. Д. 10. Л. 6.

обряды, 1600–1800 человек²⁵³. Религиозное общество евреев очень беспокоило советскую власть на всем протяжении 1920-х гг. В итоге в 1928 г. Президиум Окружного исполкома и Президиумом Средне-Волжского исполкома передал здание хоральной синагоги на ул. Садовой, 49, Дому культуры²⁵⁴ (см. Приложение 6). Для деятельности общины оставалась вторая синагога на ул. Чапаевской, однако евреи Самары предпринимали усилия по возвращению им здания синагоги. Закрытие синагоги происходило и в Сызрани, эта проблема обсуждалась в городе в 1930 г.²⁵⁵ В Сызранском округе на 1929 г. оставались действительными 18 зданий религиозного культа различной конфессиональной направленности²⁵⁶. Таким образом, к концу 1920-х гг. в городах Самарской губернии происходили массовые закрытия религиозных учреждений разных конфессий, зачастую под влиянием комсомольских и общественных рабочих организаций, или принудительная передача культовых зданий под нужды городских властей. Однако в 1920-е гг. еще сохранялась деятельность отдельных церквей, синагог и других зданий, где проводились обряды. Верующие прихожане боролись за сохранение своих приходов, поддерживали религиозные общества как массовыми обращениями, так и существенными вложениями.

²⁵³ Там же. Ф. Р-828. Оп. 3. Д. 33. Л. 50.

²⁵⁴ Там же. Л. 65.

²⁵⁵ Там же. Д. 144. Л. 10.

²⁵⁶ Сызранский филиал ЦГАСО. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 135. Л. 6.

1.3. Политика советской власти по отношению к сектантству

Религиоведение выделяет три основных вида религиозных объединений христианского толка. Такими являются церковь, секта и деноминация. Церковь представляет собой широкое по своему типу объединение людей, членство в которой обусловлено традициями. Отсутствует постоянное членство, контроля за приверженцами не ведется. Во многих церквях происходит разделение на мирян и духовенство, подчеркивается строгая иерархия в управлении. Два других вида религиозных групп довольно схожи между собой, но все-таки имеют качественные отличия²⁵⁷.

Секта возникает и действует как противоположное течение господствующим церквям. Она может выражать социальный протест группы людей, подчеркивать исключительную роль их идеологии, обрядов, идейных принципов. С этим связаны такие характеристики сект, как изоляционизм, избранничество. Стоит отметить, что с сектантством также связаны стремление к духовному возрождению через соблюдение определенных ритуалов. Очень важным моментом, отличающим секты от других религиозных объединений, является отсутствие института священства. Вместо церковной иерархии адепты секты признают харизматического лидера, который получает откровения свыше. Подчеркивается равенство членов секты, большое внимание придается вступлению в общество через обращение. Каждая из сект имеет два пути развития: превращения или в церковь, или в деноминацию.

Деноминация может возникнуть из различных типов религиозных объединений или с самого начала складываться обособленно. Сохраняя принципы «избранности», как у сект, она признает возможность вступления в ее общину любого верующего. Последователи деноминаций должны быть активны в религиозной жизни и деятельны в мирском обществе. Данной

²⁵⁷ Яблоков И.Н. Религиоведение: учебное пособие. Москва, 2004. С. 282–283.

религиозной группе свойственно строго контролируемое членство, четкая организация управления. Несмотря на всеобщее равенство членов, в деноминации наблюдается наличие своеобразной элиты, стоящей на верху организационной структуры и наделенной властными полномочиями. При определенных условиях религиозная деноминация может стать церковью, а ее небольшие части – сектами²⁵⁸.

При исследовании данной тематики стоит сказать о терминологии, употребляемой по отношению к религиозным объединениям христианского толка, которые мы рассматриваем: баптизм, адвентизм 7 дня, молоканство, меннонитство и др. С точки зрения регионоведения **практически** все из них считаются деноминациями, за исключением изуверских сект хлыстов, скопцов. Однако и царская, и советская власть классифицировали их как секты, поэтому в исследовании они обозначаются как секты. «Секта» – русская калька с латинского слова *secta*, что означает «сообщество, учение, направление»²⁵⁹. В церковных кругах семантике слова «секта» был придан отрицательный знак: «Названия сект – сектонимы – давались чаще всего внешними и враждебными наблюдателями и несли оскорбительные коннотации»²⁶⁰. Под сектантством понимались «изгои», религиозные партии, которым не место в религиозной жизни государства. Понятие «религиозная секта» равнялось «религиозному сектантству». «Сектантство» также понималось как религиозная форма социального протеста. Оно оставалось выражением социального протеста в условиях общественно-экономических трудностей России XVIII–XIX вв.²⁶¹

При анализе сектантства стоит отметить, почему старообрядчество не входит в понимание данного термина. Старообрядчеством называют религиозное течение, возникшее в результате церковного раскола в России в

²⁵⁸ Яблоков И.Н. Религиоведение... С. 284.

²⁵⁹ Клибанов А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. Москва, 1973. С. 4.

²⁶⁰ Эткин А. Хлыст. Секты, литература и революция. Хельсинки, 1998. С. 33–34.

²⁶¹ Там же. С. 8.

середине XVII века и стремившееся к сохранению старых церковных норм²⁶², преимущественно обрядов. В отличие от старообрядчества, религиозное сектантство отвергает в большинстве своем не только обрядовую, но и догматическую стороны культа. Как тип социальной общности религиозная секта противоположна церкви, субъектом которой является иерархически организованный клир, проводивший волю господствующего класса, поддерживающий религиозное единство мирян с помощью догматических систем, норм церковной дисциплины. Практически все исследователи определяют сектантство как особый социальный феномен, существующий на протяжении всего исторического развития. И.Ю. Гагарина в своем диссертационном исследовании обозначает этот термин как «проявление нетрадиционной религиозности, представлявшей религиозную альтернативу традиционным для России христианству и мусульманству»²⁶³. Другой исследователь, Д.Г. Корилов, определял секты как «неофициальные религиозные движения не старообрядческого направления»²⁶⁴.

В Самарской губернии на 2 июня 1927 г. насчитывалось сект: менонитов 11 000, баптистов 3000, молокан 5000, евангелистских христиан 400 человек. Также существовало около 18 сект различного толка с количеством членов от 40 до 600 человек (адвентисты 7 дня, штундисты и проч.). Наблюдался рост сектантства. Например, с 1926 по 1927 г. секта баптистов увеличилась на 200 человек, секта молокан – на 400 человек, секта евангелистских христиан – на 60 человек. По принадлежности к какой-либо социальной группе сектанты делились следующим образом: менониты были крестьянами-колонистами с господством фермерского хозяйства; баптисты

²⁶² Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений [Электронный ресурс] / под ред. проф. Л. И. Скворцова. Москва, 2012. Режим доступа: <https://slovar.cc/rus/ojegov/615308.html> (дата обращения: 16.03.2021).

²⁶³ Цит. по: Гагарина И.Ю. Русское мистическое сектантство XVIII – начала XXI в.: исторический и социально-психологический аспекты: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2011.

²⁶⁴ Цит. по: Корилов Д.Г. Государство, церковь и сектантство в России во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2011.

включали в свои ряды 75 % крестьян, 10 % кустарей и 15 % торгашей и служащих; молокане на 95 % состояли из крестьян, в городских сектах преобладали интеллигенция, мещанство, торгашество²⁶⁵. Партийные работники призывали изучать секты, собирать материал и разработать специальный вопросник, который должен был помочь понять суть сектантского вероучения и обрядов. Одним из первых «исследований» сектантской жизни и составления указаний по взаимодействию и борьбе с ним можно считать речь товарища Степанова на закрытом заседании бюро Городского комитета Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи (далее ВЛКСМ) № 15²⁶⁶. Свою речь агитатор начал с подробной инструкции по изучению сект. Во-первых, он призывал проявлять максимальную осторожность при контакте с сектантами, не задевать их чувства и не вмешиваться в жизнь общины, то есть использовать метод наблюдения. Стоит отметить, что оратор призывал не применять меры административного давления и комсомольской горячности. Во-вторых, Степанов говорил об установлении теснейшей связи между деревенскими ячейками Союза воинствующих безбожников, с которыми необходимо было поддерживать дружеские отношения. В-третьих, необходимое условие для изучения сектантства автор видел в чтении специальной литературы, в проведении бесед. Важным моментом в этом списке был призыв к организации краткосрочных курсов по изучению сектантства в Самаре и уездных городах с вызовом товарищей из деревень на 3–4 занятия. Важным моментом здесь стоит отметить четкий запрет на хождение в общины комсомольцев, которым ни под каким предлогом нельзя было строить из себя верующих²⁶⁷. Особое значение в работе с сектантскими образованиями уделялось деревенским ячейкам. Необходимыми условиями при борьбе с сектантами была проработка вопросов по сектантскому движению и истории

²⁶⁵ СОГАСПИ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1137. Л. 3.

²⁶⁶ Там же.

²⁶⁷ Там же. Л. 10 об.

сект на собраниях ячеек, проведение докладов и бесед с крестьянской молодежью, включение в план работы избы-читальни разъяснения сущности сектантства. Большое значение приобретала проблема отсутствия необходимой литературы. Для этого заведующим политико-просветительным комитетам (далее Политпросвет) поручалось договариваться с Губернским политпросветом о снабжении книгами и брошюрами. А газете «Молодая деревня» следовало периодически освещать сектантскую деятельность и особенно борьбу сектантов за молодежь. Советское руководство считало, что необходимо противопоставить комсомольские вечера сектантским. Всю работу на проведение противосектантской пропаганды организациям ВЛКСМ следовало увязать с партийными ячейками и Полипросвет органами. А в комитетах ВЛКСМ антисектантскую работу возложить на представителей Союза воинствующих безбожников²⁶⁸.

При проведении антирелигиозной работы с сектантами Союз воинствующих безбожников использовал как стандартные подходы к религиозным организациям различных конфессий, так и индивидуальные, в зависимости от конкретной секты. Так, в этом плане интересен пример секты адвентистов: «...в воспитательной работе с верующими, в том числе и с адвентистами седьмого дня, важен конкретный подход с индивидуальным учетом», – описывал в своей работе Белов А.В.²⁶⁹ Большое значение в атеистическом воспитании трудящихся имел трудовой коллектив. Последователи адвентизма часто уходили в самоизоляцию, чтобы не подвергнуться атеистическим идеям. Поэтому важной задачей для безбожников было вернуть сектантов в коллектив, с помощью которого легче влиять на разум и предпочтения человека. Также при работе с сектантами, большое значение уделялось женщинам. Для того чтобы помочь советским женщинам, предлагали организовывать детские спортивные площадки,

²⁶⁸ СОГАСПИ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1137. Л. 4 об.

²⁶⁹ Белов А.В. Адвентизм. Москва, 1973. С. 230.

развивать женский досуг²⁷⁰. В продолжение речи товарища Степанова стоит отметить особенности Самарской губернии при анализе сектантства. Так, по мнению оратора, Самарская губерния являлась базой сектантского движения, а Самара – крупнейшим областным центром различных сект, например, Баптистов, которая объединяла около 15 других губерний, и адвентистов 7 дня, объединяющей 18 губерний Сибири²⁷¹. В подтверждение этих данных стоит сказать о проведении в Самаре съезда адвентистов 7 дня, который собрал 150 делегатов, а также съезда баптистов, включающего 300 участников. Интересным является тот факт, что при организации съездов сектанты хотели занять городской театр. На собраниях сектантов, проводимых в Самарской губернии в 1920-е гг., обсуждались различные дела, касающиеся организации сект. Например, на съезде адвентистов 7 дня на повестке дня обсуждались отчетные доклады по состоянию сектантских образований в центре и на местах, слушали доклады областного исполкома, доклады о богослужении и хоровом пении, о молитвенном доме и состоянии низовых организаций²⁷². Любая секта в Самарской губернии считалась вредной для советского общества, однако существовало деление на более и менее опасные религиозные образования. Большой страх вызывала секта меннонитов численностью 11 000 человек, базирующаяся в Мелекесском уезде. Она объединяла кулачество и поддерживала тесную связь с заграничными ячейками меннонитов. Второй по вредности являлась секта баптистов, которая включала около 3000 человек и распространялась на Булулукский, Пугачевский и Самарский уезды. Затем в списке шли молокане, около 5000 человек, евангелисты и мелкие секты. Всего по губернии существовало не менее 28 сектантских образований, с числом мелких сект эта цифра увеличивалась примерно до 50–60. Появлялись и

²⁷⁰ Белов А.В. Адвентизм. С. 233.

²⁷¹ СОГАСПИ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1137. Л. 5.

²⁷² Там же. Л. 8.

новые религиозные объединения, например, секта мироносиц²⁷³, которая была совершенно не изучена.

Очевидно, что взаимоотношения сектантских организаций и советского руководства в Самарской губернии 1920-х гг. развивались в соответствии с общей политикой советской власти в области религии. Ввиду того что Самарская губерния представляла собой пеструю картину различных христианских нетрадиционных религиозных объединений, политика советской власти по отношению к ним была типичной для провинциального региона. Самара являлась крупнейшим областным центром секты баптистов и адвентистов 7 дня, и в этом отношении вся губерния может быть изучена как очаг девиантной культуры в Среднем Поволжье.

1.4. Ислам и советская власть

Антирелигиозная кампания была направлена прежде всего против Русской православной церкви. Но затем мероприятия государственной религиозной политики стали проводиться и против других конфессий Самарской губернии. Ислам являлся в исследуемом регионе второй конфессией по численности приверженцев этой религии. А потому он также неминуемо подвергся деструктивным мероприятиям, которые стали проводить губернские и местные органы власти. Закон предписывал закрыть религиозные учебные заведения. Этот запрет действовал вплоть до октября 1923 г., когда ВЦИК и Совнарком, идя на уступки мусульманскому населению страны, приняли декрет «О преподавании мусульманского вероучения». Этот декрет разрешал открывать частные учебные заведения в ряде регионов страны. Самарская губерния вошла в число таких регионов. В 1920-е гг. многие религиозные учебные заведения возобновили свою работу²⁷⁴.

²⁷³ СОГАСПИ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1137. Л. 5 об.

²⁷⁴ Галимов Ш.Х. Прошлое как вера в будущее. Самара, 2012. С. 84.

Отметим, что в период Великой российской революции и Гражданской войны советская власть и руководство большевистской партии в отношении мусульманского населения страны реализовывали гибкую политику. Суть ее состояла в том, чтобы не только добиться лояльности со стороны мусульман, но и привлечь их на свою сторону. Поэтому мусульман активно призывали вступать в Красную армию, бороться против «общего врага» в лице царизма, буржуазии. В этой связи показателен плакат Николая Когоута, который был опубликован в 1920 г. во время войны с Врангелем. Автор плаката обращался к крымским татарам и призывал их вставать на борьбу с врагом (см. Приложение 3). Ранее в период революции в 1917 г. было опубликовано «Обращение ко всем мусульманам России и Востока», в котором декларировалось право мусульман на самостоятельное управление своими внутренними делами. Большевиками предпринимались другие шаги для согласования интересов новой власти и религиозной общины мусульман. Например, в июле 1917 г. в Самарской губернии состоялся мусульманский съезд, который заложил основополагающие принципы решения проблем мусульман данного региона²⁷⁵. В период Комуца и чехословацкого мятежа мусульмане Поволжья подвергались со стороны новой власти притеснениям. После восстановления советской власти начался новый период в установлении отношений между мусульманским религиозным обществом и новой властной структурой. В 1918 г. был создан губернский комиссариат по делам мусульман²⁷⁶. В 1919 г. юридический статус приобрело мусульманское религиозное общество. Тогда же между этим обществом и городским Советом рабочих и крестьянских депутатов был заключен первый договор. В нем были прописаны пункты, регламентирующие деятельность общества, в том числе такие ограничения, как недопущение в мечетях политических собраний или продажа книг, направленных против советской власти. В то же

²⁷⁵ Татары Самарского края: историко-этнографические и социально-экономические очерки / под ред. Ш.Х. Галимова. Самара, 2017. С. 154.

²⁷⁶ Там же. С. 157.

время советская власть разрешала начать процесс преобразования татарских школ в национальные школы советского типа с преподаванием на родном языке²⁷⁷. Таким образом, советская власть стремилась осуществить переход дореволюционных мусульманских организаций и обществ на коммунистические рельсы. В этой связи особое значение самарские большевики придавали организации 27 октября 1917 г. I конференции коммунистов мусульман губернского центра, в ходе которой был создан комитет Самарской губернской мусульманской организация РКП(б)²⁷⁸.

Распределение мусульманского населения в Самарской губернии было неравномерным, что можно проследить по переписи 1897 г. К началу XX в. наибольшее число мусульман в регионе проживало в Бугульминском уезде в количестве 47,3 %²⁷⁹, в Бугурусланском уезде – 15,2 %, в Ставропольском уезде – 13,2 %, в Новоузенском – 7 %, в Бузулукском уезде – 6,9 %. Наименьшее число мусульман по губернии распределилось в Самарском уезде, где их численность достигала 4,3 %, в Николаевском уезде – 2,3 %²⁸⁰. В основном в Самарской губернии ислам исповедовали татары и башкиры. По переписи 1920 г. татары составляли 151 980 чел., башкир насчитывалось 10 395 чел. Таким образом, в губернии проживало 162 375 чел., что составляло 5,7 % от общего населения губернии²⁸¹. В период нэпа в Самаре активизировалась торговая жизнь частных торговцев, среди которых были и мусульмане. В частности, отметим магазин галантерейной торговли Уразгильдеева и др.²⁸² Среди предпринимательских обществ выделим товарищество «Нур», основной капитал которого принадлежал татарам²⁸³.

²⁷⁷ Татары Самарского края: историко-этнографические и социально-экономические очерки... С. 157.

²⁷⁸ Там же. С. 163.

²⁷⁹ Гибадуллина Э.М. Мусульманские приходы в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в. ...

²⁸⁰ Там же.

²⁸¹ СОГАСПИ. Ф. 1 Оп. 1. Д. 2479. Л. 1.

²⁸² Галимов Ш.Х. Прошлое как вера в будущее. С. 88.

²⁸³ Татары Самарского края: историко-этнографические и социально-экономические очерки... С. 186.

Однако неизгладимый след на все стороны жизни населения Поволжья и Самарской губернии наложил голод. Лишь только после устранения его последствий власть приступила к реализации государственной религиозной политики. Чудом, но двум религиозным общинам мусульман Самары удалось сохранить свои позиции. Первый приход располагался на Казанской улице, 67, второй – при Соборной мечети²⁸⁴.

Лишь в середине 1920-х гг. наметились положительные сдвиги городских властей во взаимоотношениях с мусульманами. В 1926 г. в Самаре насчитывалось 163 тыс. чел., исповедующих ислам²⁸⁵. Всего в губернии функционировали 224 мечети. 1120 выборных лиц занимались обслуживанием религиозных учреждений, из них 249 мулл, что в общем составляет 1576 человек²⁸⁶. Так, с февраля 1926 года были открыты курсы по изучению ислама, однако эти занятия строго регламентировались. Вскоре ситуация резко изменилась. Уже в 1928 г. начинается сложная пора для ислама в Самарском регионе. К этому времени губерния была преобразована в Средневолжский край, в котором насчитывалось 105 приходов и действовало 47 мечетей. По своей сути, все религиозные учреждения и духовные деятели если не положительно, то спокойно относились к политическому строю и властным решениям, и поводов для распрей было немного. Ситуация резко изменилась с началом деятельности Союза воинствующих безбожников, Самарское отделение этого Союза было образовано в декабре 1925 года²⁸⁷.

Союз воинствующих безбожников стал вести активную работу среди населения, в том числе и мусульманского. Работа среди мусульманского населения, во-первых, предполагала установление строгого контроля за преподавателями в школах, а также выявление антисоветской пропаганды и религиозных проповедей. Во-вторых, особое внимание уделялось

²⁸⁴ Галимов Ш.Х. Прошлое как вера в будущее. С. 89.

²⁸⁵ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2454. Л. 67.

²⁸⁶ Там же. Д. 2115 (а). Л. 8.

²⁸⁷ Галимов Ш.Х. Прошлое как вера в будущее. С. 92.

деятельности мусульманского духовенства, которое отрицательно относится к Халифату. В-третьих, верующим разъяснялись события в Турции²⁸⁸. Для активной антирелигиозной пропаганды власти выработали особую стратегию, которая несколько отличалась от аналогичной тактики, проводимой по отношению к православной конфессии. Мусульманам транслировалось, что в «силу своей культурной отсталости, с одной стороны, и, с другой, находясь под влиянием религиозных обычаев, которые проводятся в жизнь представителями культа – муллами, до настоящего времени еще далеко стоят от той общественно-советской партийной работы, которая проводится в других слоях»²⁸⁹.

К числу актуальных задач антирелигиозной пропаганды среди мусульман относилась популяризация естественнонаучных знаний. При этом лекторам предписывалось не задевать религиозных чувств верующих. Также предусматривалось вести осторожную и корректную критику существующих бытовых привычек мусульман, которые зафиксированы в религиозных книгах²⁹⁰.

Для руководства работы среди нехристианских народов России в Исполбюро Союза безбожников СССР был создан отдел Национальных меньшинств, состоящий из ряда секций. Основным принципом работы данного органа было предоставление максимальной автономии местным ячейкам без нарушения при этом указаний высшего руководства. Татаро-башкирская секция носила название «Дегриляр». Во главе ее стоял Центральный совет Дегриляр²⁹¹. Данная секция руководила работой всех ячеек Союза безбожников среди татаро-башкирского населения. Секция избирала президиум для исполнений решений верховного руководства из столицы. Татаро-башкирская секция имела свои периодические издания – газеты (печатный орган, который издавал газеты). Например, в свет

²⁸⁸ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1706. Л. 29.

²⁸⁹ Там же. Д. 2454. Л. 67.

²⁹⁰ Там же. Д. 2115. Л. 10.

²⁹¹ Там же. Л. 11.

выходили газеты «Эшче», «Эгенчиляр», «Яш эшче» и др. Секция также изыскивала финансовые средства для организации пропаганды безбожия только среди мусульман. Важным направлением деятельности «Дегриляра» была работа среди женщин-мусульманок. Активно велась борьба против многоженства, против насильственной выдачи замуж и т. д.²⁹² Татаро-башкирская секция «Дегриляр» в 1926 г. была организована только в Бугуруслане. Всего по губернии уездных ячеек «Дегриляр» было две. В них состояло 60 человек²⁹³. В целом можно сказать о крайне слабой работе секции, так как организаторам явно не хватало знаний об исламе, осведомленности в политических вопросах²⁹⁴. В задачи татаро-башкирской секции входила подготовка активных работников, способных вести антирелигиозную пропаганду среди татар и башкир Самарской губернии. Также секция разрабатывала программу для аульных естественно-научных кружков. Секция периодически освещала антирелигиозные вопросы в газетах «Фон-эм-дин» и «Безбожник». «Дегриляр» была ответственна за рассылку писем татаро-башкирскому комсомолу, за антирелигиозную пропаганду по радио на татарском и башкирском языках. Стоит отметить, что секции «Дегриляр» в Самарской губернии устанавливали связи с секциями в соседних губерниях.

Важным моментом в организации просветительской работы среди мусульман губернии стало введение Президиумом ЦИК СССР и СНК СССР нового тюркского алфавита 8 августа 1929 г.²⁹⁵ в рамках общей кампании по латинизации письменностей различных народов СССР, проводимой в 1920-е – 1930-е гг. В Самарской губернии окружная конференция по введению нового тюркского алфавита для подготовки губернии к

²⁹² СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2115. Л. 12.

²⁹³ Там же. Д. 2115 (а). Л. 1.

²⁹⁴ Там же. Л. 2.

²⁹⁵ О новом латинизированном алфавите народов арабской письменности Союза ССР [Электронный ресурс]: постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 07.08.1929. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=26173#K4bE3XTiNRFgpMhn> (дата обращения: 27.02.2023).

своевременному переходу состоялась в г. Сызрани 25–26 января 1928 г.: «I-я окружная конференция ново-тюркского алфавита шлет пламенный привет окружному комитету ВКП(б) и выражает уверенность, что движение, которое уже приняло массово-политический характер и в котором принимают участие миллионы трудящихся масс тюрко-татарской национальности, под руководством коммунистической партии будет развиваться и укрепляться... является одним из важнейших этапов культурной революции... будет рычагом в деле поднятия культурно-экономического и политического уровня трудящихся масс татар, освободит их от влияния буржуазии и духовенства»²⁹⁶. Переход на тюркский алфавит позволял советскому руководству не только активнее бороться с неграмотностью и отсталостью в образовании у большого количества мусульман в СССР, но и лучше проводить антирелигиозную работу, так как многие представители национальных меньшинств не могли читать периодическую печать и литературу, стенгазеты и лозунги, что препятствовало распространению безбожия в стране. На 1929 г. в Сызранском округе, в этнографическом отношении, представленном русским населением, насчитывалось 19 749 татар²⁹⁷, среди которых детей, обучающихся в школах, 1525 чел. Процент неграмотных взрослых в возрасте от 15 до 36 лет среди татарского населения составлял 50 %. Стоит отметить, что в рамках кампании по латинизации проводились социалистические соревнования по внедрению в массы тюрко-татарского алфавита. Так, Средневолжский край вступал «в борьбу» с Уральской областью, и Сызранский округ должен был провести социалистические соревнования с Пензенским округом²⁹⁸.

В 1920-е гг. систематизированная и повсеместная антирелигиозная работа среди мусульманского населения Самарской губернии еще не была

²⁹⁶ Сызранский филиал ЦГАСО. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 59. Л. 2.

²⁹⁷ Там же. Д. 206. Л. 1.

²⁹⁸ Там же. Л. 7.

эффективной. У руководства секции отсутствовали сведения о деятельности мусульманского духовенства, которое продолжало влиять на татаро-башкирское население. Влияние мулл было достаточно эффективным, что подтверждают случаи содействия мусульманскому духовенству со стороны татарских и башкирских коммунистов. Например, кандидат партии исламской ячейки Мелекесского уезда «товарищ Саттаров энергично поддерживал возвращение здания мечети, которое было отведено под советскую школу, верующим»²⁹⁹. Об аналогичном случае находим сведения в письме некоего товарища Катарманова, который в 1926 г. сообщал о лояльном отношении сельсоветов к открытию религиозных школ. Влияние мулл на население распространялось и на жен прихожан мечети. Мужчины, прослушав проповеди, запрещали своим женам посещать ликбез³⁰⁰. Была и другая форма воздействия на верующих: банальное запугивание и проклятия. Так, жена муллы открыто проклинала женщин, принимавших участие в собрании, на котором избирали делегатов на уездную женскую конференцию. Эти проклятия вызвали у мусульманок большой страх³⁰¹. Подобная ситуация произошла в деревне Камышла Байтугановской волости Бугурусланского уезда. Здесь жена муллы Асанова открыто проклинала всех женщин, которые ходили на собрание по выборам делегатов на уездную женскую конференцию³⁰².

Представители духовенства стали вести агитацию как в устной, так и в письменной формах среди приверженцев ислама. При проведении устной агитации муллы использовали проповеди в мечетях, выступления на собраниях, в беседах на завалинках, в избах. Печатная агитация распространялась через журналы и газеты, например, на страницах мусульманского журнала «Ислам», который издавался по пятницам. В нем часто публиковались дискуссии на различные темы, некоторые из них, по

²⁹⁹ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2115 (а). Л. 3.

³⁰⁰ Там же. Л. 6.

³⁰¹ Там же. Л. 16.

³⁰² Там же. Д. 2479. Л. 3.

мнению большевиков, носили контрреволюционный характер. Также традиционно использовались и издаваемые нелегально листовки. Например, в деревне Асекеево Султангуловской волости Бугурусланского уезда распространились рукописные листовки, в которых говорилось о том, что «люди бога забыли, не вспоминают его заветов и перестали слушаться духовенства, поэтому скоро будут конец света и страшный суд»³⁰³.

Несмотря на атеистическую пропаганду, мусульмане губернии по-прежнему в большинстве своем продолжали соблюдать традиционные нормы ислама. Уровень религиозности татаро-башкирского населения можно оценить, как довольно высокий, что можно объяснить особенностями положения ислама в дореволюционном обществе, а также обособленным положением национальных меньшинств в провинциях России. Ярким показателем этого могут служить статистические данные по пропускам учащимися образовательных учреждений во время мусульманских религиозных праздников. Например, во время празднования дня рождения пророка Мухаммада в одной из школ Самары на занятия явилось всего 40 школьников из 178. Многие учащиеся продолжали соблюдать пост. Так было установлено, что в одной из школ постятся 36 % учащихся, а многие из них не едят даже перед зарей, что, по мнению советской власти, является чрезвычайно губительным для молодого организма. Советская власть всеми силами старалась отвлечь учащихся-мусульман от участия в религиозных праздниках. Во время праздника мавлюд-байрама в школах проводилась клубная и пионерская работа. Однако на нее явилось только 20 % всех учащихся. Мусульманские праздники отрывали 80 % детей от процесса приобщения к пионерской организации³⁰⁴. Одним из факторов, который существенно усложнял всю антирелигиозную работу среди мусульманского населения губернии, являлось наличие большого числа религиозных школ. В 1926 г. в Самарской губернии существовали 54 религиозные школы,

³⁰³ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2479. Л. 3.

³⁰⁴ Там же 1. Д. 2115 (а). Л. 15.

к сравнению; советских учебных заведений для татаро-башкирского населения было открыто всего 117. Причем рост открытия религиозных учебных заведений был поразительным, так как в 1925 г. в Самарской губернии отсутствовали религиозные школы³⁰⁵. По заявлениям татарских инструкторов укомов ВКП(б) они стали создаваться повсеместно. Религиозные школы помещались в мечетях, которые были несравненно просторнее, светлее и уютнее советских татарских школьных помещений. К тому же мечети всегда были обеспечены дровами, а советские школы довольно часто прерывают свои занятия из-за их отсутствия. Верующих родителей привлекало и то, что в религиозных школах зачастую можно было встретить великолепные 2-местные парты земского образца, оставшиеся от прежних религиозных школ. Такие парты в татарских советских школах практически отсутствовали. В религиозных школах преподавали муллы, жены мулл и муэдзины. Всех мулл с их женами и муэдзинами по губернии в 1926 г. насчитывалось около 700 чел. На 1 преподавателя приходилось не более 40 учащихся. Все муллы и муэдзины окончили специальные духовные школы: 46 % из них имели начальное образование, 46 % – среднее татарское образования (средние татарские духовные школ), и только 8 % не имели образование³⁰⁶. Учащихся кроме основ вероучения обучали грамоте: в школах уделялось внимание изучению Корана.

В отличие от религиозных школ преподавателей в советских школах не хватало. В татарских школах советских учителей насчитывалось 178 человек на 117 школ, что было очень низким показателем³⁰⁷. Эти данные, собранные по всей стране и в том числе по Самарской губернии в отдельности, позволяли советской власти констатировать высокую степень религиозности татаро-башкирского населения, в том числе и среди молодежи, что, несомненно, затрудняло проведение антирелигиозной пропаганды. В этой

³⁰⁵ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2479. Л. 1 об.

³⁰⁶ Там же. Л. 2.

³⁰⁷ Там же. Д. 2115 (а). Л. 16.

связи ставилась задача совершенствовать советскую систему образования. При этом «...особое внимание комсомола должно быть уделено учителю национальных республик и меньшинств, так как политическое значение его в условиях борьбы с духовной школой и только начинания строительства новой советской школы крайне велико»³⁰⁸. В предписаниях Самарского Губкома ВКП(б) по антирелигиозной работе среди татаро-башкир за 1926 г. подчеркивалось, что в регионе сохранялось сильное религиозное движение, которое выражалось в недовольствах населения борьбой против религии, в требованиях сохранения прав и льгот муллам, в требовании к организации религиозных школ. Так, к председателю Всероссийского исполнительного комитета (ВИКа) Султангуловской волости Бугурусланского уезда явилась группа крестьян-татар и потребовала разрешения на открытие религиозной школы, заявляя, что «центральная власть хороша, она разрешает, а вы, местные, только тормозите»³⁰⁹.

Широко применялась такая форма приобщения населения, как использование в атеистической пропаганде традиционных религиозных праздников и обрядов. В мусульманском обществе издавна чтили и соблюдали пост по время священного месяца Рамадан, который традиционно заканчивался праздником Уразы. И именно этот обычай власть решила использовать при проведении своих мероприятий. По плану татаро-башкирской секции Самарского Губкома в 1926 г. планировалось организовать Сабантуй в Самаре, а в день Уразы устроить вечернее выступление с докладом на антирелигиозную тему³¹⁰. Проведение антиуразинской кампании можно проследить по инструктивному письму Волжского краевого Совета Союза воинствующих безбожников к Мордовскому областному совету Средневожского края на 1932 год. В этом

³⁰⁸ Протасова А.В. Молодежь в дискурсе антирелигиозной пропаганды 1920-х гг. (на материалах Самарской губернии)» // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10, № 4. С. 168.

³⁰⁹ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1.Д. 2479. Л. 1.

³¹⁰ Там же. Д. 2115. Л. 160.

документе подробно описывается, как вреден для народа месяц Рамадан, а потому союз воинствующих безбожников предлагал искоренить этот праздник: «Месяц Рамадан испокон веков является ударным месяцем мусульманского духовенства, и поэтому безбожные организации должны употребить максимум энергии для успешной борьбы с этим контрреволюционным праздником»³¹¹. В письме подчеркивалось, что время наступления Уразы совпадает с подготовкой к весеннему севу, и поэтому, антиуразинская кампания должна была пройти под лозунгами «борьбы с прогулами», «мобилизации масс за сохранение и увеличение большевистских темпов во второй пятилетке» и т. д. Также ставилась задача провести инструктивные совещания безбожного атеизма, прочитав лекции на различные темы, добиться от районо организации бесплатных завтраков для школьников и всеми силами бороться за их стабильное обучение. Также планировалось организовать безбожные бригады, а в колхозах и на предприятиях вести агитационную работу против соблюдения поста, против празднования священных дней «гай» и «фитр».

Власть рекомендовала проводить Курбан-Гаеты, которые должны были стать новыми формами проведения Курбан-Байрама и выступать советской альтернативой традиционного праздника жертвоприношения³¹². Они выступали логическим завершением комсомольского месяца Рамадан, в который власть устраивала основную массу антирелигиозных мероприятий. Этимология слова «гает» берет свое начало от арабского «ид» – «праздник»³¹³. Татаро-башкирское население называло ими наиболее почитаемые мусульманские праздники. Согласно традициям мусульман Поволжья, среди таких праздников выделялись «Ураза-Гает», связанный с окончанием поста и уже упоминаемый «Курбан-Гает». Проведение этих

³¹¹ СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 42. Д. 176. Л. 21.

³¹² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 350. Л. 11

³¹³ Уразманова Р.К. Татарский вариант бытования исламских праздников (XIX – начало XXI в.) // Ислам в мультикультурном мире: материалы 1-го Казанского международного научного форума. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2012. С. 429.

праздников и участие в них имело большое значение для верующих: «Отношение к гаету было особо почтительное, сакральное, как к явлению, данному Всевышним, священному»³¹⁴. Именно поэтому власть считала целесообразным отвлечь население от ночной молитвы путем приобщения верующих к концертам, спектаклям в вечернее время³¹⁵. Впервые «комсомольский гаёт» был проведен 16 мая 1923 г. В мероприятии принимали участие около 600 человек, из них 25 % красноармейцев, 30 % учащихся, 20 % трудящихся и 25 % комсомольцев³¹⁶. Выступления докладчиков на «гаете» публика восприняла с большим интересом и сопровождалась аплодисментами. Затем зрителям были представлены комсомольский концерт и спектакль. Эти выступления содержали критику религиозного духовенства: «...оказывается, наш Ислам – тоже обман и ни к чему не сводится»³¹⁷. На следующий день состоялось собрание членов РКП(б) и РКСМ, для которых также был организован бесплатный спектакль. Подобные мероприятия – «комсомольские гаеты» были организованы во многих крупных уездах Самарской губернии, таких как Пугачевский, Бугурусланский, Бузулукский, Мелекесский уездах, и в г. Самаре. Стоит отметить, что «Комсомольские гаеты», так же, как и комсомольские рождества и комсомольские пасхи рекомендовалось проводить в крупных городах и промышленных центрах губернии, избегая небольших татаро-башкирских деревень. Это было связано со страхом советской власти перед реакцией отсталого, по их мнению, и сильно религиозного населения татаро-башкирских деревень, что было вполне оправданно.

В начале 1920-х гг. в уездах Самарской губернии стали возникать комсомольские ячейки, в том числе и в татаро-башкирских деревнях. Первой ячейкой, объединившей татаро-башкирскую молодежь, стала ячейка РЛКСМ

³¹⁴ Уразманова Р.К. Татарский вариант бытования исламских праздников (XIX – начало XXI в.)... С. 429.

³¹⁵ СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 42. Д. 176. Л. 22 об.

³¹⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 350. Л. 25.

³¹⁷ Там же.

села Кизил-Мечеть Бузулукского уезда. В 1924 г. она состояла из 16 членов, в том числе в ее составе было три девушки. Вот как описывал корреспондент начальный этап работы этой ячейки: «Трудно работать в глухом татарском селе, особенно когда все члены почти совершенно неграмотные. Однако ячейка все же сумела поставить работу и поставить довольно хорошо. Ячейка охватывает работой 4 татарские деревни. За 7 месяцев работы существования ячейка поставила 10 спектаклей и 12 субботников. Это одно говорит за то, что ячейка деятельная. Но комсомольцы ведут не только культурную работу. Комсомольцы работают и в совете. Так, один член ячейки – заместитель председателя сельского совета (Предсельсовета), один – член Кубанского казачьего войска (ККВ). В клубе часто устраиваются беседы с населением, которое благожелательно относится к созданной ячейке. Вековые предрассудки темных, обманываемых муллой крестьян-мусульман рушатся. Это подтверждает 2-е октябрин, проведенных ячейкой у гражданина Шайхутдинова и Мокагулова»³¹⁸. Для организации всех антирелигиозных мероприятий среди татаро-башкирского населения страны, создавались специальные комиссии по данной работе во всех губкомах, укомах (уездных комитетах) и райкомах (районных комитетах) РКСМ. Они согласовывали свою работу с Центральной комиссией. Проведение кампаний внутри ячейки возлагалось на бюро ячейки, в крупные районы командировался представитель. По итогам работы местные комитеты составляли подробные отчеты, которые направлялись комитетам по инстанции и Губернскому Бюро Татаро-башкирской молодежи, которые, в свою очередь, передавали информацию Центральному бюро РКСМ³¹⁹. Итог проведения данных мероприятий советская власть видела в освоении молодежью национальных меньшинств с исторической основой вероучения ислама, что в дальнейшем можно было использовать в попытках на научной основе вести разоблачение мулл, мусульманского духовенства.

³¹⁸ Голос Молодежи. 1924. 24 декабря. № 122. С. 3. // Протасова А.В. Молодежь в дискурсе антирелигиозной пропаганды 1920-х гг. (на материалах Самарской губернии)»// Самарский научный вестник. 2021. Т. 10, № 4. С. 169.

³¹⁹ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 350. Л. 18 об.

Главной целью проведения нового праздника было отвлечение молодежи от следования традиционному религиозному обряду «Таравих»³²⁰. Этот ритуал являлся важной составляющей традиционной повседневной религиозности мусульман: «На протяжении всего месяца поста в мечетях совершалось особое послезакатное моление – Таравих намазы. Ритуал этого моления включал коллективное (мужское!) произношение восхваления Аллаху, пророку Мухаммаду – таравих тэсбихы, слушать которые охотно ходили и женщины, девушки и девочки»³²¹. Этот вид религиозного обычая был популярен среди мусульман и консолидировал их всех как религиозную общину, что являлось препятствием для пропаганды безбожия. При подготовке лекций и докладов агитаторы пользовались специальной литературой, в том числе атеистических трудов Емельяна Ярославского, различных брошюр и писем. Запланированные мероприятия, как правило, проводились в течение двух дней, первый из которых был посвящен самому проведению «Комсомольского гаета» в клубах. Во второй день организовывались собрания активных членов комсомольской и рабочей молодежи, представителей профсоюзов, красноармейских частей, на которых заслушивались доклады, подводились итоги работы. Проведение «комсомольских гаетов» не сопровождалось демонстрациями и карнавалами, и в этом заключалось их существенное отличие от подобной формы работы с православным населением.

Комсомольские таравихи проводились согласно инструкциям каждый день в течение поста, или не менее трех раз в неделю. Тематика докладов и лекций, проводимых на собраниях, должна была меняться. Например, в первую неделю предлагалась следующая тематика лекций: «Происхождение Земли и жизни на ней», целью которой было доказать научным способом, что Земля создана не Богом и жизнь на ней зависит не от Бога; «Происхождение

³²⁰ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 350. Л. 14.

³²¹ Уразманова Р.К. Татарский вариант бытования исламских праздников (XIX – начало XXI в.). С. 431.

человека», «Развитие человеческого общества». Вторая неделя была посвящена осуждению религии как таковой. Традиционно заслушивались доклады на темы: «Религия-опиум», «Религия как орудие эксплуатации». На третьей неделе поста лекторы должны были рассказать слушателям о вреде ислама: «Шариат как закон, охраняющий интересы торговой буржуазии и арабских феодалов времени Магомета», «Противоречия шариата». На четвертой неделе в лекциях обобщалось содержание всех предыдущих, что связывало их с общими идеологическими представлениями: «Религия и коммунизм», «Все религии сеют национальную вражду и созданы исключительно для защиты интересов имущих классов» и др.³²² Проведение «комсомольских таравихов» объединяло молодое поколение, в том числе людей, состоящих в партии и не принимающих непосредственного участия в борьбе против религиозных предрассудков. Одной из форм работы стали открытые суды над законами шариата, его системы учений. Проведение «комсомольских таравихов» возлагалось на уездные Бюро татаро-башкирских укомов РКП и РКСМ и на татаро-башкирских инструкторов³²³. Антирелигиозная работа среди мусульман описана и в художественной литературе. В книге Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза» описываются агитационные шествия вокруг мечети во время священного месяца Рамадана, а также говорится о публичном диспуте на антирелигиозную тематику³²⁴.

В ходе антирелигиозной пропаганды акцентировалось внимание на быте советских граждан, который, как замечает в своей книге Виктория Смолкин, имел большое значение в качестве укоренения религиозной обрядности³²⁵. Обращение к «обрядности» и к секуляризации советской жизни в антирелигиозной работе как общепартийный курс произошел

³²² Протасова А.В. Молодежь в дискурсе антирелигиозной пропаганды 1920-х гг. (на материалах Самарской губернии)». С. 169.

³²³ Там же.

³²⁴ Яхина Г.Ш. Зулейха открывает глаза. Москва, 2017. С. 107.

³²⁵ Смолкин В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма / пер. с англ. О.Б. Леонтьевой; науч. ред. М.Ю. Смирнов. Москва, 2021. С. 105.

в 1960-х гг., однако практики внедрения новых советских ритуалов, использование религиозных праздников в качестве инструментов антирелигиозной работы восходит к первым годам реализации советского проекта. Власть, используя религиозные праздники в качестве площадок для транслирования новой идеологии, применяла различные сценарии и сатирические приемы пропаганды, тем самым стремилась осуществить их замещение на национальные обычаи, что хорошо можно увидеть на примере татарского праздника Сабантуй.

Среди форм отвлечения населения национальных меньшинств часто применялись попытки замещения религиозных праздников национальными или языческими. Среди татаро-башкирского населения можно выделить один из главных и любимых в народе праздников – Сабантуй. С наступлением весны, до или после посевных работ, население башкирских и татарских деревень устраивало народные гуляния. Союз воинствующих безбожников считал это отличным подспорьем в уходе от религиозных практик. Свое начало этот праздник брал от древних майских обрядов, символизирующих победу тепла над холодом, поэтому в ходе антирелигиозной работы использовать эту традицию было не только можно, но и необходимо. В протоколах заседаний уездной комиссии по проведению народно-спортивного праздника Сабантуй среди татаро-башкирского населения за 1926 г. содержатся сравнительные характеристики традиционного народного празднования Сабантуя и его связи с религиозной составляющей. Судя по этому документу, власть использовала языческий праздник в качестве действенного инструмента антирелигиозной пропаганды за чистое сознание население. Сабантуй является самым распространенным народным праздником, где участвует поголовно все татаро-башкирское население, за исключением мулл, которые зачастую, в особенности в дореволюционный период, препятствовали, не давали фетв, так как этот «праздник является не

религиозным, а языческим»³²⁶. В плане реализации задач по наделению народного праздника чертами агитмассового мероприятия комиссия считала важным показать населению, что Сабантуй является более разумным временем препровождения, чем религиозные Ураза-Байрам и Курбан-Байрам. При этом наряду с традиционными формами проведения праздника комиссия рекомендовала использовать в организации гуляний новые советские знаки и символы, внедрять новые формы организации населения в различные организации и дополнять традиционные праздничные забавы татаро-башкирского населения свежими развлечениями из опыта советских патриотических и коммунистических праздников. Так, организаторам Сабантуя рекомендовалось приглашать пионерские отряды в татаро-башкирские деревни, добиваясь создания общественного мнения местной детворы о сплоченности детской коммунистической организации и подбивая ее на вступление в их ряды³²⁷. На мероприятия советовали приглашать профессиональных спортсменов, организовывать выступления хора, учащихся из местных школ с обязательным комсомольским репертуаром, печатать специальные газеты и показывать кино³²⁸. Необходимо отметить, что в протоколах заседаний комиссий предписывалось подводить итоги проведения мероприятий и выяснять степень их «разумного» развлечения и практической пользы для антирелигиозной и общепартийной работы. Важным новшеством в проведении данного праздника можно считать стремление властей органично связать языческий татарский праздник с развитием сельского хозяйства в стране. Празднование советовали проводить в мае – первой половине июня, «...с лозунгами поднятия кооперирования сельского хозяйства и смычке рабочих и крестьян...»³²⁹ При открытии Сабантуя зачитывались краткие доклады о значении этого праздника для сельского хозяйства и животноводства в СССР. Демонстрировались живые

³²⁶ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2123. Л. 1.

³²⁷ Там же. Л. 2.

³²⁸ Там же.

³²⁹ Там же. Л. 9.

иллюстрации; организовывались выставки породистых животных и сельскохозяйственной техники. К организации праздника старались привлекать все уездные организации, снабжать комиссии на местах материалами и программами проведения Сабантуя, а также освещать всю эту деятельность на страницах центральной печати национальных меньшинств и местной прессы. Таким образом, для активной антирелигиозной пропаганды среди национальных меньшинств власти выработали особую стратегию, которая несколько отличалась от аналогичной в православии. Национальные праздничные мероприятия должны были помочь советскому правительству в распространении новой идеологии и постепенном отходе от старых традиций. Использование Сабантуя как площадки для антирелигиозной работы стало новым этапом в антирелигиозном наступлении советского правительства в отношении мусульман всей Самарской губернии.

С конца 1920-х гг. происходит ужесточение репрессивных санкций в вопросах религии. В сентябре 1928 г. выходит Постановление ВЦИК СССР о передаче культовых сооружений культурно-просветительским учреждениям, и сразу же одна из самарских мечетей на улице Казанской теряет часть своей территории. В 1929 г., выходит еще одно постановление, дающее множество ограничений религиозным организациям: «Устойчивость традиционной культуры и религии среди “отсталых” народностей раздражала советскую власть, которая после введения в 1928 г. первого пятилетнего плана удвоила свои усилия по индустриализации страны. Это раздражение только усилилось в 1929 году, когда Сталин провозгласил “великий перелом”, означающий полный разрыв с прошлым, и призвал ускорить экономическую, социальную, культурную и политическую трансформацию страны»³³⁰. Воинствующий атеизм в конце 1920-х гг. стремительно шел по стране и, конечно, оказал свое влияние и на самарских мусульман и их объединения. С 1930-х гг. начинается еще более жесткий этап в антирелигиозной борьбе

³³⁰ Хирш Ф. Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза / Франсин Хирш; авториз. пер. с англ. Р. Ибатуллина. Москва, 2022. С. 195–196.

государства, который, начавшись с раскулачивания и лишения избирательных прав большей части населения национальных меньшинств, вылился в закрытие мечетей и в аресты духовенства. Городская мечеть на углу Кооперативной улицы по Торговому спуску передана по решению Самарского городского совета под школу в 1930 г.³³¹ Одна из мечетей на улице Казанской еще «оказывала сопротивление» силами поддерживающей ее массы населения. Однако уже в 1932–1933 гг. по краю прошла череда закрытия религиозных учреждений, и мечети не оказались исключением³³². По отношению к мусульманскому духовенству начинает работать машина репрессий. В этот период в области было репрессировано 68 служителей мусульманского культа³³³. Однако в нескольких селах – Теплый Стан, Новое Фейзуллово, Камышла и т. д. – мечети продолжали свою работу, а функции репрессированного духовенства исполняли местные старики, хорошо знающие исламское вероучение и совершавшие обряды³³⁴. Их смелость объяснялась выработанным веками значимости передачи знания об исламе молодому поколению. Некоторые аналитики даже отмечали «религиозный фанатизм» мусульманского населения, который также имел место быть как реакция на притеснения³³⁵. В итоге можно сделать вывод, что религиозная община мусульман как в Самарской губернии в целом, так и в Самаре в частности на всем протяжении 1920–1930-х гг. существовала так же, как и другие религиозные конфессии. С началом 1920-х гг. мусульмане получили некоторую свободу, вызванную опасением реакционных выступлений, но к 1930 году антирелигиозное движение в стране перешло к активной стадии наступления, что вызвало новые потрясения религиозного населения, исповедовавшего ислам.

³³¹ Гусева Ю.Н. Ислам в Самарской области. Москва, 2007. С. 68.

³³² Галимов Ш.Х. Прошлое как вера в будущее. С. 113.

³³³ Татары Самарского края: историко-этнографические и социально-экономические очерки. С. 363.

³³⁴ Дружба народов на Самарской земле. Самара, 2015.

³³⁵ Гусева Ю.Н. Российский мусульманин в XX веке (на материалах Среднего Поволжья). Самара, 2013. С. 149.

Взаимоотношения религиозных организаций и властных структур в Самарской губернии складывались в условиях формирования нового правового пространства, политического и продовольственного кризисов первых послереволюционных лет, включающих в себя смену власти в условиях Гражданской войны, последующие крестьянские восстания и ужасающий голод. Православное христианство, сектантство и ислам – каждая из этих конфессий пыталась установить с советской властью новые взаимоотношения, закрепить свое положение в светском государстве и атеистическом обществе. Православное христианство, наиболее широко представленное в Самарской губернии, больше других религий с начала 1920-х сталкивалось с начавшейся антирелигиозной пропагандой и давлением на верующих, что отразилось на его внутренней организации, положении священников и сохранности религиозных зданий. Все остальные конфессии, представленные в регионе, получили возможность мирно сосуществовать с советской властью на несколько лет больше, что в конечном счете привело к тем же репрессивным мерам, аналогичным православию. Таким образом, общее направление в выстраивании взаимоотношений между властью и религией в Самарской губернии и Средневолжском крае шло параллельно с общероссийскими тенденциями, однако имело ряд особенных черт, заключающихся в многонациональности и многоконфессиональности населения региона, его особого положения как центра сектантства, большого количества мусульман и наличия обновленческого движения.

ГЛАВА 2. РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ «ВОИНСТВУЮЩЕГО АТЕИЗМА» В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ (СРЕДНЕВОЛЖСКОМ КРАЕ)

2.1. Борцы с «религиозными предрассудками»: работа государственных и общественных организаций по утверждению антирелигиозной пропаганды

Вся антирелигиозная работа в Самарской губернии так или иначе организовывалась Союзом безбожников (далее СБ), который служил главным центром борьбы с религией. При анализе материалов Самарского областного государственного архива социально-политической истории за 1927 г. установлено, что внутренняя работа среди ячеек разного уровня СБ в Самарской губернии была плохо организована. К числу негативных моментов относится слабая связь местных объединений СБ с Центральным Советом Союза безбожников. Информационные сводки по работе на местах посылались крайне редко, около 20 объединений СБ «находят лишним информировать Центральный Совет, и о состоянии антирелигиозной работы он узнает лишь из индивидуальных писем, газетных вырезок и отдельных жалоб низовых ячеек»³³⁶. Такие коммуникативные практики сказывались отрицательно на работе Центрального Совета и в полной мере затрудняли выполнение поставленных задач. Также сообщалось, что местные организации не предоставляют протоколы заседаний и планы работ, а если таковые и пересылаются, то в них отсутствуют отчеты о реализации поставленных задач. Поэтому Центральный Совет рекомендовал всем организациям СБ Самарской губернии в дальнейшем вести систематическую внутреннюю работу³³⁷. Большое внимание уделялось учету опыта работы низовых ячеек: «Эта сторона работы представлена из рук вон плохо, а между

³³⁶ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2454. Л. 19.

³³⁷ Там же. Л. 20.

тем она является важнейшей частью нашей работы»³³⁸. Что касается деревенских ячеек, то итоги их работы практически отсутствовали в поступающих в центр отчетах. Чаще всего они были предоставлены сами себе, т. е. вели работу без учета указаний из Центрального Совета. В качестве примера приведем сведения о работе Киргисайской сельской ячейкой СБ, которую Центральный Совет оценивал, как удовлетворительную. В ее составе было 17 членов. Ячейка организовала несколько видов кружков: антирелигиозный, драматический, литературный и прочие. То есть в каждом кружке числилось по 3 человека. Эти данные свидетельствуют о существовании организационной работы лишь «на бумаге», что позволяет говорить о формальном отношении к антирелигиозной работе. Но тем не менее этот формализм не был замечен Центральным Советом. О неэффективности работы деревенских ячеек СБ можно судить и по такому показателю, как процент посещающих кружки крестьян. Он составлял лишь около 30 %³³⁹.

В Самарской губернии организацией работы с безбожниками занимался Самарский губернский Совет Союза безбожников (далее Самарский Губсовет СБ). Пленум Самарского Губсовета СБ созывался не реже одного раза в месяц. В Президиум Совета входили 9 человек, каждый из которых занимался как общими вопросами, так и имел свою сферу влияния. Председателем был избран Степанов, в число других членов входили Дружицкий, Сунгуров, Агафонов, Семенов, Демов, Гленбоцкая, Сабитов и Маринин.

В 1927 г. Президиум постановил при Самарском Губсовете СБ организовать 10 секций: учебно-методическую, состоящую из пяти человек и одного научного работника; в деревенскую включили пять человек и одного представителя ВЛКСМ; в военную – семь членов и представителя политического отдела дивизии; в татаро-башкирскую вошли тов. Сабитов и

³³⁸ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2454. Л. 21.

³³⁹ Там же. Л. 24.

два представителя от татарского педагогического техникума; секция по изучению сектантского движения состояла из трех человек; пионерская – из трех человек; секция «живой» газеты «Безбожник» – из троих членов; в секцию по работе среди женщин и школьную секции избрали по три человека в каждой; в радиосекцию – пять членов. Каждая секция должна была заниматься своей проблематикой. Учебно-методическая секция занималась программным обеспечением деятельности городских и деревенских ячеек, военных и антирелигиозных кружков. Она осуществляла руководство кружками пониженного типа, разрабатывала к каждой кампании методические указания и составляла список рекомендуемой литературы. Военная секция определяла программы для воинских антирелигиозных кружков. Также в ее обязанности входили созыв воинских ячеек и выработка плана работы в контакте с политическим отделом дивизии. Воинской ячейке поручалось изучить условия работы ячеек в воинских соединениях Красной армии и установить связь с газетой «Красноармеец». В функции деревенской секции входила разработка плана работы ячеек, контролировать программы деревенских антирелигиозных кружков; деятельность изб-читален; подводить итоги работы сельских ячеек и определять планы шефской работы в деревне. Кроме этого, секция должна была давать указания сельским ячейкам участвовать в работе сельскохозяйственных кружков и заниматься индивидуальными и групповыми агитациями, пропагандой нового быта среди населения отдельных деревень. Также в функции секции вменялось изучение местных религиозных верований, обрядов, поверий среди населения, изучение влияния религии на жизнь крестьянина в контексте финансовых затрат на исполнение священниками треб и на религиозные праздники. Члены секции занимались сбором этнографического материала – частушек, песен. Они должны были направлять сведения об антирелигиозной пропаганде среди населения в уездные газеты. И конечно, секции должны установить связь с отделами уездных советов, которые занимались реализацией антирелигиозной политики. Секция по изучению сектантского

движения создала специальную комиссию, составляла анкеты с целью получения от респондентов всесторонних и исчерпывающих ответов по сектантской работе и т. д. Татаро-башкирской секции вменялось установить связь с политическим отделом национальных меньшинств (далее нацмен) исполбюро, разработать программы татаро-башкирских кружков, организовать при музее татаро-башкирский уголок. Планировалось разработать список рекомендательной литературы для кружков. Целесообразность такого списка литературы была обусловлена тем, что избы-читальни слабо были обеспечены татарской литературой. Центральное место в работе секции занимала деятельность по изучению религиозного движения среди татаро-башкирского населения. Пионерская секция ведала всеми вопросами, касающимися работы пионеров. Она контролировала работу отрядов и состояние уголков безбожников, организовывала антирелигиозные кампании среди пионеров, занималась подготовкой вожатых и подбором специальной литературы для пионеров. Секция «живой» газеты «Безбожник» должна была увеличить число членов коллектива, а также составить календарный план своих выступлений и определить список пьес. Кроме этого, она должна была установить связь «живой» газеты «Безбожник» с уездами. Секция по работе среди женщин совместно с Губернским женским отделом разрабатывала план работы среди женщин. Большое внимание уделялось регулярному освещению антирелигиозной работы среди женщин в стенгазетах и «Волжской коммуне». Уделялось внимание участию женщин в образовательных учреждениях. Школьная секция ведала вопросами антирелигиозного воспитания в школе.

В ходе обсуждения плана работы члены Президиума вносили свои предложения по организации работы Союза безбожников. Товарищ Агафонов считал, что необходимо уделять наибольшее внимание антирелигиозной работе и подготовке антирелигиозников. Товарищ Маринин предложил привлекать к работе специалистов, имеющих искреннее желание

работать. Другие члены Совета говорили об отсутствии плакатов и литературы. В выступлениях акцентировалось внимание на том, чтобы в уголке безбожников проводить платные антирелигиозные вечера и лекции в пользу Самарского Губсовета СБ³⁴⁰. Кроме того, речь шла и об организации научного кружка, в который следовало привлекать квалифицированный состав пропагандистов-безбожников; учителей и агрономов. Были определены такие примерные темы: «Дарвинизм и атеизм», «История и география евангелий», «Новые данные о происхождении Христианства», «Астральная теория о евангелиях, крематорий – огненное погребение» и др.³⁴¹

При Самарском Губсовете СБ был создан музей, основные направления деятельности которого определял Самарский Губсовет СБ. Членам Совета вменялось дежурство в музее. Ставилась задача оживить работу ячейки и с этой целью привлечь друзей музея, восстановить надписи на экспонатах и оборудовать уголок безбожников. Члены Президиума считали необходимым добиться более удобной площадки под музей с тем, чтобы проводить в нем беседы и читки литературы и газет с посетителями. Контроль за работой музея был поручен тов. Гленбоцкой³⁴².

Помимо этого, Самарский Губсовет СБ занимался распространением альбома «Происхождение Мира и человека». Губсовет заключил договор с издательством «Знание» на монопольное распространение альбомов в количестве 150 шт. Номинальная стоимость каждого альбома составляла 15 р., со скидкой 9 р 60 к. Губсовет выдал издательству векселя на сумму 1440 р. и по договоренности со «Знанием» хотел продать альбомы, а вырученные деньги в количестве 810 р. реализовать в свою пользу. Но данный договор был расторгнут из-за нарушения условий договора³⁴³.

³⁴⁰ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2454. Л. 24 об.

³⁴¹ Там же. Л. 45.

³⁴² Там же. Л. 27.

³⁴³ Там же. Л. 59.

Президиум Самарского Губсовета СБ занимался организацией Первого уездного съезда безбожников, на котором с докладом выступила Гленбоцкая. Съезд состоялся 23 мая 1927 г. в Бузулуке. В Бузулукскую организацию СБ входило 19 ячеек с общим количеством членов 494 человека. В ячейках преобладали служащие, их число достигло 141 чел. Рабочих насчитывалось 50 человек, крестьян – 35 человек, батраков – 3 человека, пропагандистов – 71 человек, членов партии – 98 человек, членов ВЛКСМ – 92 человека, беспартийных – 133 человека³⁴⁴. Ячейки занимались проведением общих собраний и организацией антирелигиозных мероприятий. Если говорить о роли уездного Совета СБ, то она сводилась лишь к рассылке циркуляров и рекомендаций губернского и Центрального советов СБ. Воспитательная работа среди членов проводилась через общие собрания ячеек, кружки и другие формы работы. Финансовое положение регионального отделения Союза безбожников оставалось напряженным, так как от ячеек в кассу Уездного совета поступило всего 10 р. Кроме отчетного доклада на съезде было заслушано сообщение на тему: «Формы и методы антирелигиозной пропаганды».

Самарский Губсовет СБ занимался проведением общественно значимых советских праздников, которые должны были отдельно отмечаться на всех уровнях организаций Союза Безбожников. Так, Самарский губернский Совет безбожников реализовал программу подготовки и проведения празднования 10-й годовщины Великой Октябрьской революции. Цикл мероприятий реализовывался под лозунгом «10 лет борьбы пролетариата с религиозными предрассудками»³⁴⁵. Антирелигиозные мероприятия в Самаре предполагалось начать с организации выставки литературы, отражающей достижения Октябрьской революции с 15 октября 1927 года в губернском музее безбожников. Член Президиума Сунгуров предложил провести краткосрочные курсы для подготовки к празднику с 15

³⁴⁴ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2454. Л. 45.

³⁴⁵ Там же. Л. 46.

октября по 1 ноября 1927 г. Председатель Самарского Губсовета СБ тов. Степанов поручил клубу СБ 25 октября провести общегородское собрание членов СБ, на котором заслушать доклад «Церковь и Октябрьская революция», а затем вплоть до 3 ноября транслировать во всех клубах города доклады на тему: «10 лет с религией» – и сопровождать их театральными представлениями. Кроме того, с 20 октября по 11 ноября в обеденные перерывы на предприятиях проводились антирелигиозные беседы на тему «Церковь и Октябрьская революция». А в местной прессе были опубликованы статьи на антирелигиозные темы. Планировалось издать научно-популярную брошюру «Церковь и октябрьская революция в Самарской губернии». При Доме крестьянина был открыт красный уголок. В конце октября по радио транслировались 3 доклада: «Церковь и Октябрьская революция», «Духовенство в октябрьские дни», «10 лет на антирелигиозном фронте». Доклад «10 лет на антирелигиозном фронте» был представлен на вечере, который состоялся 23 октября. В нем акцентировалось внимание на значении Октябрьской революции, декрете об отделении церкви от государства, событиях Гражданской войны, переходе к нэпу, обновлении икон и прочих достижениях советского народа. Важными составляющими вечера должны были стать воспоминания безбожников³⁴⁶. 1 ноября на общегородском собрании секретарей ячеек обсуждались вопросы организации праздничных мероприятий, проводимых каждой ячейкой. Программа празднования 10-й годовщины Октября включала и мероприятия в деревнях. Для региональных организаций были разработаны тезисы. Были организованы командировки в сельскую местность активистов Союза. Подчеркивалась необходимость организации выездов с докладами. Организовывались беседы с крестьянами в домах культуры. Кроме организации празднования 10-летнего юбилея Октябрьской революции Президиум 4 ноября обсуждал вопрос о подготовке к встрече нового

³⁴⁶ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2454. Л. 55.

безбожного года³⁴⁷. Правление предлагало провести его в клубе, сначала сделав небольшой доклад о значении вечера, а затем устроить чаепитие и концертное отделение. На это мероприятие было выделено 15 р. Также Президиум инициировал проведение «октябрин» в клубе безбожников на сумму 10 рублей. Вечер должен был состоять из доклада о значении «октябрин», приветствий и концертного отделения³⁴⁸.

К числу эффективных форм антирелигиозной работы следует отнести организацию различных диспутов, в ходе которых подготовленные к обсуждаемой проблематике представители различных ячеек СБ вступали в полемику с духовенством, простыми гражданами по вопросам религии, устройства мира, бытовым вопросам. В своем отчете председатель Самарского Губсовета СБ тов. Степанов подводил итоги платных диспутов в г. Ставрополе (Тольятти) и в с. Ягодном. Степанов отмечал, что на мероприятиях присутствовало около 200 человек. Священники не пришли на эти мероприятия, хотя приглашения были разосланы. Степанов сообщал об их противодействии проводимым мероприятиям: в течение недели духовенство убеждало верующих не ходить на диспут. Сам председатель был диспутом не удовлетворен и предложил отказаться от проведения платных мероприятий. Учитывая этот опыт, Президиум губернского Совета СБ принял решение отказаться от проведения платных диспутов в деревнях и проводить их по вызову духовенства. В ходе подведения итогов командировок Степанова было установлено, что до проведения диспутов в Ставрополе антирелигиозная работа не велась, чем и была обусловлена неудача. Более того, в Ставрополе функционировал кружок секты «Третий завет» под руководством Анатолия. Для исправления ситуации была организована ячейка СБ. Далее в отчете Степанов рассказывал о проведенном диспуте в с. Ягодном с тематикой «Правда о Христе»³⁴⁹.

³⁴⁷ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп.1. Д. 2454. Л. 63.

³⁴⁸ Там же. Л. 64.

³⁴⁹ Там же. Л. 49.

Члены Президиума Самарского Губсовета часто ездили в командировки по городам, селам и деревням губернии. Один из таких отчетов о своей поездке в деревни с антирелигиозными докладами был представлен тов. Дружицким, который сообщил о проведении диспутов в Мелекесском и Самарском уездах. Отмечал большой интерес у крестьян, главным образом пожилых. «В своей работе был сдержан и старался не обижать население: “в своих выступлениях я был очень тактичен и никого из верующих старался не оскорблять”»³⁵⁰. По словам Дружицкого, крестьяне просили его приезжать в деревни с антирелигиозным докладом чаще. Также он отмечал, что к выступлениям баптистов верующие относятся критически. Другой член Губсовета – тов. Гленбоцкая – отчитывался о поездке в д. Екатериновку. Она выступала с докладом в будний день, тем не менее Народный дом не смог поместить всех желающих. Духовенство от участия в диспуте отказалось из-за неподготовленности. Отношение крестьян к проведению доклада характеризовалось Гленбоцкой так: «Ожидать лучшего не нужно».

Члены Президиума Самарского Губсовета СБ выступали с докладами и на предприятиях, и в организациях Самары. Так, тов. Дружицкий прочитал три доклада: в 7-м полку на тему «10 лет антирелигиозному фронту», где присутствовало 500 человек; на тракторных курсах «Наука и религия» – 150 слушателей; при клубе строителей³⁵¹. Тов. Гленбоцкая выступила с докладом в конвойной команде. На мероприятии присутствовало 300 человек. Наиболее популярными вопросами из зала были следующие: «имеются ли антирелигиозные кружки за границей, как они ведут свою работу?»; «почему нельзя закрыть сразу все церкви, а священников выселить?».

Самарский Губсовет СБ 29 марта 1927 г. опубликовал воззвание, в котором выступил с инициативой, учитывая международную обстановку, приобрести свой самолет. Некоторые выдержки из этого документа

³⁵⁰ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2454. Л. 57.

³⁵¹ Там же. Л. 62.

свидетельствуют о напряженной политической обстановке, в которой находилась молодая страна: «Все враги трудящихся вооружаются во всем мире до зубов, чтобы в удобную минуту напасть на первое в мире Советское государство. Духовенство всех вер помогает им подготовить людей, которые с помощью бога пойдут убивать трудящихся, разорять и разрушать страну Советов... Мы, безбожники, не должны допустить до этого... Мы стойко должны отстоять благополучие Советской земли. Здесь нужна наша стойкость и наша подготовка. В этой подготовке большое значение имеет воздушный флот... Мы, безбожники, должны иметь свой самолет... Для этого Губсовет СБ полагает провести широкую кампанию по сбору средств на самолет “Безбожник” ...»³⁵². Совет призвал начать сбор добровольных пожертвований и отчислений не только среди членов ячеек СБ, но и среди работников предприятий. Также в течение недели протеста против войны провести кружечный сбор. В клубах предлагалось проводить платные постановки и показы кино. Собранные по итогам кампании средства следовало отдавать в Губсовет по четвергам, субботам и воскресениям после семи часов вечера.

По мере того как в стране устанавливался новый режим политической власти и происходили перемены во всех областях общественной жизни, в религиозной сфере мировоззрения граждан стали подвергаться четко спланированной кампании по борьбе с религией и ее предрассудками. Характерным явлением стало то, «что в условиях того времени обыденная обрядовая религиозность довольно успешно и неожиданно быстро трансформировалась в воинствующее безбожие под влиянием изменений в бытовой ситуации и сильно зависела от реалий повседневности»³⁵³. Данная особенность ментальности населения была обусловлена рядом причин. Религиозная культура населения Российской империи до 1917 г. была

³⁵² СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2454. Л. 50.

³⁵³ Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. Москва, 2010. С. 162.

достаточно высока, однако процесс секуляризации жизни, начавшийся еще с середины XIX века, не мог не повлиять на ослабление значения религиозных обрядов и освобождение от власти религиозных запретов большинства населения страны³⁵⁴. Секуляризм выступает производным от термина «секуляризация» и является более разработанной философской концепцией, предусматривающей становление принципов светскости в государствах. Одной из характерных черт этой доктрины является то, что «...он предполагает наличие новых концепций религии, этики, политики и связанных с ними новых императивов»³⁵⁵. Именно эти установки ставило перед собой советское правительство в 1920-х гг., стараясь вытеснить религию из частной и общественной жизни посредством воинствующей антирелигиозной пропаганды с использованием административных репрессий. Основной удар был направлен на религиозные организации и духовенство: «...воинствующие атеисты считали себя бойцами, сражающимися на религиозном фронте, и их первостепенная задача состояла в том, чтобы расшатывать авторитет религии среди населения, подрывая влияние церкви и разоблачая духовенство»³⁵⁶. В начале 1930-х гг. были подведены промежуточные итоги этой работы. Был выявлен высокий уровень религиозности у большей части населения Советской России, что свидетельствовало о пробелах в антирелигиозной работе. Об этом же постоянно писали в своих отчетах руководители ячеек Союза воинствующих безбожников.

К 1916 г., по данным Синода, происходило массовое отпадание от веры³⁵⁷. Наблюдалась тенденция индифферентного отношения к

³⁵⁴ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX века). Т. 2. Санкт-Петербург, 2000. С. 326.

³⁵⁵ Асад, Т. Возникновение секулярного: христианство, ислам, модерность / пер. с англ. Р. Сафронова; науч. ред. В. Золтухин. Москва, 2020. С. 10.

³⁵⁶ Смолкин В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма / пер. с англ. О.Б. Леонтьевой, науч. ред. М.Ю. Смирнов. Москва, 2021. С. 93.

³⁵⁷ Андреева А.А., Элбакян Е.С. От бога ли закон Божий? [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2012. 7 марта. Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_religii/2012-03-07/7_zakon.html (дата обращения: 10.11.2022).

православию со стороны крестьянского населения. Конечно, еще по-прежнему многие продолжали соблюдать религиозные обряды, участвовали в церковных празднествах, посещали церковь по воскресениям. Это было очевидно, так как повседневная жизнь людей была тесным образом связана с религиозным прошлым и как писал современник событий и историк А.М. Большаков: «Церковь одевает и рождение, и брак, и смерть в пышные одежды обрядности»³⁵⁸. Но, за общей картиной благочестия можно было увидеть постепенный отход от соблюдения всех имеющихся предписаний. Например, к 1910 г. вырос процент пропусков исповеди и причастия по неуважительной причине, а пост понимался населением прежде всего, как воздержание от определенной пищи и интимных отношений³⁵⁹. Все это происходило от низкой религиозной просвещенности простого народа в России, от слепого следования обрядам и традициям. Как писала Зинаида Гиппиус: «Народ русский никогда не был православным. Никогда не был религиозным сознательно. Он имел данную форму христианства, но о христианстве никогда не думал. Этим объясняется та легкость, с которой каждый, если ему как бы предлагается выход из отчаянного положения – записаться в коммунисты, – тотчас сбрасывает всякую “религиозность”. Отрекается, не почесавшись»³⁶⁰.

В Самарской губернии борьба с религией в новой праздничной форме началась проводиться с 1922 г. и включала в себя различные формы и виды деятельности. Стали проводиться собрания, лекции и беседы, посвященные

³⁵⁸ Слезин А.А. За «новую веру». Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодежи РСФСР (1918–1929 гг.) [Электронный ресурс]: монография. Режим доступа: <https://monographies.ru/ru/book/section?id=2385> (дата обращения: 25.07.2023)

³⁵⁹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX века). Т. 2. Санкт-Петербург, 2000. С. 327.

³⁶⁰ Гиппиус З.Н. Дневники, воспоминания. Варшавский дневник [Электронный ресурс]. С. 145. Режим доступа: <https://gippius.com/doc/memory/varshavsky-dnevnik.html> (дата обращения: 05.11.2022).

атеистическому воспитанию населения³⁶¹. В период Гражданской войны активизировалось сектантское движение. Так, с проповедями и выступлениями на собраниях, посвященных религиозным вопросам, стал выступать в разных регионах страны известный общественный деятель, богослов и христианский мыслитель М. Марцинковский. Выступал он и в Самаре во время Гражданской войны: «Пришла пора открытых антирелигиозных лекций и диспутов, и волей-неволей мне пришлось открыто столкнуться с проповедниками безбожия. Такого рода выступления я предпринял в особенности с переездом в Самару. Идя навстречу современным запросам молодежи, я читал в Самаре в 1918–1919 году цикл лекций по вопросам этики и религии в “Доме юношества”, а иногда в местном университете»³⁶².

Одним из ключевых моментов в борьбе с религией в регионе стало празднование комсомольского Рождества. Первые сообщения о проведении антирелигиозных демонстраций и праздниках были получены из Минска и Кременчуга. О них рассказала газета «Правда» в октябре 1922 года. Спустя месяц в той же газете появилось статья «Комсомольское Рождество», или почему бы нам не справлять религиозные праздники», которую опубликовал советский партийный и государственный деятель И.И. Скворцов-Степанов, входивший в состав комиссии по отделению Церкви от государства при ЦК РКП(б)³⁶³. «Комсомольское Рождество» планировалось провести по всей стране, но в связи с ограниченностью финансовых ресурсов, эти праздники проводились в Петрограде и Москве. «Принимая во внимание, что проведение Комсомольского Рождества по всей России потребует очень

³⁶¹ Бочарова А.В. Социалистическая реконструкция религиозного сознания населения советского города в 1920-е годы (на примере Самары) // Платоновские чтения: материалы и доклады XXIII Всероссийской конференции молодых историков. Самара, 2018. С. 128–131.

³⁶² Марцинковский В.Ф. Записки верующего. Из истории религиозного движения в Советской России 1917–1923. Москва, 2016. С. 72.

³⁶³ Шмелев С.А. Красное «комсомольское рождество» и проблема формирования нового быта в начале 1920-х. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 17, № 3. С. 93.

больших затрат – денежных средств, с одной стороны, и неподготовленность к этому местных комсомольских организаций – с другой, признать желательным на первый раз ограничиться проведением праздника только в Москве и Петрограде»³⁶⁴. Организация массового праздника прошла довольно успешно и была одобрена партийным руководством. «В Петрограде в первый день рождества на площадях и улицах были организованы факельные шествия и антирелигиозные карнавалы с музыкой, песнями и представлениями антипоповского содержания»³⁶⁵. Шествие карнавала напоминало святки, поэтому особую негативную реакцию данный вид демонстрации у населения не вызывал.

Разработка проектов советских праздников и непосредственная их реализация в жизнь в центре и на периферии различались, но все-таки в организации было множество сходных черт. Новый массовый советский праздник осуществлял коммуникативные связи между столицей и провинциями. «Здесь отражались властные решения, которые, в свою очередь, существенно влияли на формирование праздничной культуры в региональном контексте»³⁶⁶. В этой связи процесс проведения тех или иных праздников шел по одному общему сценарию. Изменения вносились лишь в маршруты и локации прохождения процессий.

Советское руководство возлагало реализацию данных форм антирелигиозной работы, а также и другие методы, и средства по утверждению безбожия среди населения на комсомольские организации (Российский коммунистический союз молодежи – РКСМ, далее РЛКСМ – Российский ленинский коммунистический союз молодежи, затем ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи). Руководитель антирелигиозной политики в СССР в те годы Емельян Ярославский считал

³⁶⁴ Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)–ВКП(б) 1922–1929 / сост. В.В. Лобанов. Москва, 2014. С. 44.

³⁶⁵ Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920–1930 гг. Санкт-Петербург, 1999. С. 127.

³⁶⁶ Рольф М. Советские массовые праздники / [пер. с нем. В.Т. Алтухова]. Москва, 2009. С. 116.

комсомольцев «...настоящими разрушителями религиозного быта, борцами за безрелигиозный быт»³⁶⁷. О включенности комсомольских организаций в реализацию антирелигиозной политики сообщали корреспонденции, опубликованные на страницах периодической печати. Первое заседание комиссии по проведению комсомольского Рождества в Самаре состоялось 24 ноября 1922 года. В ее состав вошли Г. Котов и П. Войкин. На заседании приняли решение: «В вечерний день Рождества устроить антирелигиозный карнавал, вовлекая в него учащихся партийных и профессиональных школ, вузов и прочих учебных учреждений, а также и остальные союзные массы»³⁶⁸. Комсомольское Рождество в Самарской губернии проводили с 29 ноября 1922 года по 6 января 1923 года. В губернской газете ежедневно публиковались статьи на антирелигиозные темы. 7 января 1923 года в газете «Коммуна» появилась страничка «Комсомольское Рождество». Предполагалось изготовить 1300 штук стеновых лозунгов к Рождеству, а также издать брошюру по истории Рождества³⁶⁹. В газете «Коммуна» было опубликовано пять агитационных и девять пропагандистских статей на антирелигиозные темы. В газете «Голос Молодежи» появились четыре агитационные и две пропагандистские статьи, библиографические указатели о христианстве и Рождестве, хоровая и красная коляда³⁷⁰. Из Москвы были присланы методические материалы: пьесы, стихотворения и брошюры.

Кроме того, сведения об антирождественских мероприятиях публиковались на страницах еженедельного органа Самарского Губернского комитета РКСМ – газеты «Голос Молодежи». Инициаторы проведения праздника «Комсомольское Рождество» стремились провести его на всей территории Самарской губернии, что было отчетливо видно по газетным статьям. Например, антирелигиозный вечер накануне Рождества был

³⁶⁷ Антирелигиозное воспитание в школе / под ред. А.Т. Лукачевского. Москва, 1929. С. 9.

³⁶⁸ Там же. С. 94.

³⁶⁹ СОГАСПИ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 363. Л. 64.

³⁷⁰ Шмелев С.А. Красное «комсомольское рождество» и проблема формирования нового быта в начале 1920-х. С. 94.

проведен на станции Безенчук Самаро-Златоустовской железной дороги, в котором принимала участие большая часть беспартийной молодежи³⁷¹. На празднике обсуждали темы комсомольского Рождества и положение современной женщины. Также были заслушаны другие выступления на следующие темы: «О значении комсомольского Рождества»; «Возникновение христианства»; «Религия и коммунизм». После этого состоялся диспут о Христе и была проведена живая беседа на злобу дня, в которой принимала участие вся беспартийная молодежь. Антирелигиозный вечер состоялся и в Бузулуке: «С вечера, как только раздался призывной деповский гудок, к рабочему клубу потянулись рабочие, служащие, – главным образом молодежь. Вначале участники вечера заслушали лекцию Степанова на тему: “Наука и религия”, в которой он раскрыл сущность религии. Затем участникам вечера была представлена пьеса “Адский трест”, «потом демонстрация, выступления кружка и в заключение танцы»³⁷². Праздник «Комсомольское Рождество» был проведен в Кинеле: «К 10 часам вечера в Народный дом (Нардом) начинает стекаться публика, которой собралось уже около 500 человек. К этому времени там уже все приготовлено, т. е. была сделана церковь в рост человека и вынесена на площадь, где были зажжены плашки с мазутом, а в Нардоме были развешены антирелигиозные лозунги и карикатуры. В 12 часов ночи вечер был открыт вступительным словом секретаря и «Интернационалом». Первым номером программы вечера был доклад «Совместима ли религия с наукой». ... На этом мероприятии звучали приветствия комсомолу за ту громадную и ответственную работу, которую он взял на себя в борьбе с религиозным дурманом. Следующим номером было действие на улице. Там среди площади на возвышении стояла церковь. Здесь была произнесена речь об одурманивании умов народа Церковью. После нее церковь поджигалась со всех сторон. Одновременно на другом конце

³⁷¹ Протасова А.В. Молодежь в дискурсе антирелигиозной пропаганды 1920-х гг. (на материалах Самарской губернии) // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10, № 4. С. 167.

³⁷² Там же.

площади был разведен костер, куда после сожжения церкви и переместилось все действие. Там пионеры отряда К. Либкнехта перед костром давали торжественное обещание.

Однако справиться с таким масштабным мероприятием в одиночку комсомол не мог, поэтому периодическая печать губернии призывала население региона включиться в проведение антирелигиозных мероприятий. Рождество имело значение не только для комсомола и молодежи, но и для всех советских и пролетарских организаций взрослых. Очень большое значение имеет участие персонажей из литераторов, театральных работников, научных работников, музыкантов. К участию в антирелигиозных мероприятиях привлекались войсковые части армии. По замыслу организаторов, армейские соединения могли выставить своих ряженых, организовывать свои оркестры, лозунги и плакаты, а также выступить со своими факелами и красноармейскими песнями, желательно переложенными на рождественские мотивы. Профсоюзы также призывались к участию в карнавалах со своими ряжеными, плакатами. В клубах предприятий организовывались встречи «Рождества»³⁷³. В антирелигиозных праздниках принимали участие учащиеся и студенты. В репертуар студенческих хоровых коллективов входили народные русские песни, частично переложенные на святочные мотивы (см. Приложение 1).

Культотдел Губернского совета профессиональных союзов (ГСПС), Культотдел Дорожного комитета профсоюза (Дорпрофсожа), администрация завода № 15, а также Губово предоставляли в распоряжение комсомола на время праздника свои театры и имеющиеся у них костюмы и бутафорию. Губздрав подготовил для проведения «Рождества» фейерверки и бенгальские огни. Коммунальный отдел (Коммуноотдел) и Электрический отдел

³⁷³ Бочарова А.В. Идеологическая модернизация религиозной повседневности советского города (на примере Самары) // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект): сборник материалов междунар. науч. конф. / под общ.ред. проф. В.А. Веремченко. Санкт-Петербург, 2018. С. 383-388.

обеспечивали освещение площадей Ильинской, Воскресенской и Соборной, на которых проводились мероприятия. Коммуноотдел построил на Воскресенской площади из камней площадку и грот. Наконец, в помощь активистам шла периодическая печать. Празднование Рождества освещалось на страницах губернских газет «Коммуна», «Крестьянская правда»³⁷⁴.

Вторым по значимости новым «красным» праздником была комсомольская Пасха, которая проводилась в Самарской губернии 7, 8 и 9 апреля 1923 года³⁷⁵. Антираелигиозные вечера и карнавалы признавались основными формами проведения этого праздника. Воскресный карнавал состоялся в первый день Пасхи на Ильинской площади в 3 часа дня. На Ульяновской площади трубачи возвещали начало празднования, а оркестр играл гимн. На площади была представлена особая инсценировка – разыгрывался обряд празднования рождения Бога – Агии, при этом пел хор. По окончании исполнения обряда карнавал переходил на Воскресенскую площадь, где на специально изготовленной из камней площадке демонстрировалось рождение Будды. С площади карнавал уже при свете факелов и звезд шел к собору, где проходил митинг-парад: торжественное сжигание макетов церкви, попа, муллы, будды и др. Далее участники слушали антирелигиозный доклад. С Соборной площади карнавал двигался по Советской улице до площади Революции. Участники процессии несли плакаты, поясняющие сущность праздника, на повозках и санях сидели боги и прочие ряженые. С площади Революции карнавал расходился по районам и театрам, в которых вечером устраивались грандиозные антирелигиозные постановки³⁷⁶. Праздник должен был проводиться и в уездах, но там решили карнавал не устраивать³⁷⁷, так как инициаторы проведения праздника

³⁷⁴ Коммуна. 1923. 3 января. С. 3.

³⁷⁵ Бочарова А.В. Традиции и инновации в повседневной религиозной жизни 1920-х гг. // Новый век: человек, общество, история глазами молодых: межвуз. сб. науч. тр. молодых ученых, аспирантов и студентов / под ред. А.В. Баранова. Саратов, 2017. № 16. С. 100–107.

³⁷⁶ СОГАСПИ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 363. Л. 68.

³⁷⁷ Там же. Д. 140. Л. 50.

учитывали особую ментальность и более высокий уровень религиозности. Проведение данного мероприятия могло вызвать недовольство местного населения. Однако в настоящее время исследователи приходят к выводу, что любые формы массовых праздников в деревне приводили к пьянству и погромам, чего власти старались избегать. «Что касается празднования аналогичных советских праздников в деревне, то они, как, впрочем, и традиционные религиозные, служили поводом для обильных возлияний и традиционного веселья с драками стенка на стенку»³⁷⁸.

В целом эффективность этих форм антирелигиозной пропаганды была невысокой. По мнению специалиста по истории молодежных движений в России А.А. Слезина, комсомольская организация сформировала «представление о постыдности самого знания ценностных идеалов прошлого, стимулируя радикализм и перманентное расширение сферы борьбы с “пережитками”»³⁷⁹. Поэтому была осознана целесообразность отказаться от активного внедрения и проведения демонстраций и шествий, очерняющих религиозные праздники, и перейти к другим формам и методам работы. Итак, партия отказалась от простой дискредитации религии и решила активизировать просветительскую работу среди населения путем трансляции основ естественных наук, что должно было ускорить логический отказ от религиозности. Речь шла о доступном изложении законов природы и истории. Так, Р. Гинзбург пишет, что рабочих наиболее часто волновали вопросы «...происхождения человека и земли, происхождения религии, происхождения праздников и обрядов...»³⁸⁰. Переход к более глубокой и проработанной антирелигиозной пропаганде, затрагивающей изучение явлений природы и человеческой жизни, также можно проследить на страницах периодической печати Самарской губернии: «...в первый раз наше

³⁷⁸ Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России:1917–1932 гг. Москва, 2010. С. 164.

³⁷⁹ Слезин А.А. За «новую веру» ...

³⁸⁰ Антирелигиозное воспитание в школе / под ред. А.Т. Лукачевского. Москва, 1929. С. 8.

“комсомольское рождество” проводилось к демонстрациям, с широкими карнавалами, с уличными шествиями и т. д. Мы тогда в те времена не столько разрушали религиозное суеверие и языческие обычаи, сколько показывали населению наш организованный кружок безбожников. Естественно, что мы должны были вслед за показной стороной нашего безверия заняться всерьез и надолго глубокой антирелигиозной пропагандой, основанной на тщательном и глубоком изучении явлений природы и человеческой жизни... массам молодежи и сельскому населению... дать вместо оглушающих его демонстраций против бога и вместо голых лозунгов простое ясное понятие о том, что крестьянин поможет сам себе, своему хозяйству, если будет вместо молитвы знать законы природы и ее явления»³⁸¹. Вообще внедрение индустриально-технического образования при умелом преподавании со стороны советских учителей могло, по мнению большевиков, дать крупный антирелигиозный эффект путем «разъяснения независимости промышленно-технических процессов от сверхъестественных сил, например, сколько бы молебнов ни случалось, испорченная машина без исправления ее человеческими руками действовать не будет»³⁸². В прочих областях профессионального образования, например, в области низшего производственного образования, советская власть не исключала возможность использования особенностей работы в целях антирелигиозной пропаганды. В пример ставили школы кройки и шитья, обуславливая это тем, что «даже самая святая вера не научит человека одевать себя и бороться с изменчивостью времен года»³⁸³.

На страницах еженедельной газеты Самарского Губкома РКСМ «Голос Молодежи» часто публиковались статьи, посвященные раскрытию тех или иных законов природы, стихийных явлений и прочих вопросов, которые до этого часто понимались с религиозным подтекстом. Например, появились

³⁸¹ Голос Молодежи. Понедельник. 1924. 29 сентября. № 103. С. 1.

³⁸² СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2454. Л. 52.

³⁸³ Там же. Л. 53.

статьи о происхождении молнии и грома³⁸⁴. Также советские активисты пытались установить генетическую связь между языческими богами и их «аналогами» в традиционных конфессиях, чтобы доказать однотипность объяснения природных явлений через божественное понимание. Илья пророк приравнивался к Перуну-громовержцу. Так акцент решили сделать на языческих праздниках. Например, в планах работы коллективов пропагандистов Самарской губернии значился день Ильи-пророка, который традиционно отмечался 15 августа. В этот день деревенским ячейкам предписывалось ознакомить население с основами естествознания, чтобы наглядно развеять миф об Илье. В этой связи проводились беседы с населением на тему «Колесница Ильи»³⁸⁵. Коллективы пропагандистов на каждом заседании должны были выяснять, как относятся различные слои деревни к религии, попу, антирелигиозной пропаганде и как проводить комсомольское Рождество³⁸⁶.

Стремясь отвлечь население от религии, власть, опираясь на Союз безбожников, комсомол, профсоюзные организации, насаждала новые традиции и вводила новые праздники, прикрывая их флером религиозности. Но кроме традиционных праздников власть инициировала новые. Например, с 4 по 20 октября 1924 г. по Самарской губернии и 19 октября в Самаре проводился «Праздник урожая», который отмечался в те годы на всей территории СССР в один из воскресных дней октября³⁸⁷. Цель этого праздника состояла в подведении итогов сельского хозяйства в каждом уезде, а также в пропаганде сельскохозяйственных культур. Другой праздник «День леса», ставил своей задачей «агитацию и пропаганду за деревонасаждение, охрану лесов, городских садов, очистку садов и лесов...»³⁸⁸ Эти новые праздничные практики советской власти становились своеобразными

³⁸⁴ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2454. Л. 3.

³⁸⁵ Там же. Д. 458. Л. 17.

³⁸⁶ Там же. Л. 65.

³⁸⁷ Там же. Д. 467. Л. 3.

³⁸⁸ Там же. Д. 468. Л. 1.

эталоны воздействия на народную религиозность, так как рассматривались властью как «...специфическая черта народной культуры и как частные культовые практики, закрепившиеся в бытовом поведении народов»³⁸⁹. С точки зрения партийной идеологии народная религиозность была результатом отсталости: образование и просвещение должны были снять «завесу суеверия с очей масс и просветить их светом разума»³⁹⁰. Однако именно тот факт, что повседневная религиозная жизнь основной части православного христианства была тесно связана с народными языческими поверьями и традициями, становилось решающим фактором использования партией фольклорных традиций. Этот метод так же, как и другие антирелигиозные формы работы, не дал эффективных результатов. Тем не менее он оставался в качестве инструмента антирелигиозной пропаганды.

Традиционные обряды, связанные с проведением церковных праздников, были не единственными, которые подвергались деструкции в исследуемый период. С установлением советской власти изменения произошли и в Институте брака. Новое правовое пространство семейных отношений регламентировал декрет СНК от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния»³⁹¹. Декрет (Кодекс) 1918 г. предписывал: «Акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью, отделами записи браков и рождений»³⁹². Следствием издания Декрета стало изъятие у религиозных организаций функции регистрации актов гражданского состояния.

³⁸⁹ Мурзин А.А. Народная религиозность как феномен культуры: монография. Москва, 2017. С. 8.

³⁹⁰ Смолкин В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма / пер. с англ. О.Б. Леонтьевой; науч. ред. М.Ю. Смирнов. Москва, 2021. С. 93.

³⁹¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР [Электронный ресурс] // Исторические материалы. С. 161–163. Режим доступа: <https://istmat.org/node/27646> (дата обращения: 07.11.2022).

³⁹² Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории акад. наук СССР. Москва, 1957.

1 февраля 1918 года был открыт первый в России ЗАГС в Петрограде³⁹³. Но декреты, определявшие новый порядок в системе заключения браков, не могли отменить из повседневной жизни граждан такой важный традиционный обряд, как венчание. До революции данное таинство служило обязательным ритуалом в церковно-брачных отношениях, и представить свадьбу без обряда венчания в церкви, мечети или синагоге не представлялось возможным. С утверждением власти большевиков и отделением Церкви от государства, а особенно с началом формирования безбожия в массах, требовалось срочно запретить венчание, очернить его как буржуазный пережиток. Однако полностью отменить обряд венчания из социокультурного пространства российского общества в силу живучести этой традиции было невозможно.

Тогда власть решила сохранить основу венчания для внедрения в практику повседневной жизни «красные свадьбы», которые по мнению коммунистических идеологов, «...явились органической частью формирующихся коммунистических обрядов перехода...»³⁹⁴. Инициатива по их созданию и внедрению в практику повседневности принадлежала комсомолу. Как и в случае с кощунственными «комсомольскими пасхой и рождеством» – антирелигиозными кампаниями 1922–1925 годов, – властные структуры придерживались политики лояльного нейтралитета, возложив ответственность за «красное бракосочетание» на молодежную коммунистическую организацию³⁹⁵. Самарская периодическая печать в 1920-е гг. пестрила заголовками о проведении новых свадебных обрядов. Например, 12 октября 1924 г. в клубе состоялась советская свадьба некого

³⁹³ Соколов А.В. Государство и Православная церковь в России, февраль 1917 – январь 1918 гг.: дис. ... д-ра. ист. наук. Санкт-Петербург, 2014. С. 724–725.

³⁹⁴ Лебина Н.Б. Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР – оттепель. Москва, 2017. С. 51.

³⁹⁵ Ее же. Черно-белые красные свадьбы [Электронный ресурс] // Теория моды. 2014. Т. 2, № 32. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/teoriya_mody/32_tm_2_2014/article/10940/?ysclid=laburvlotg391188966 (дата обращения: 22.10.2022).

комсомольца Жижирина³⁹⁶. Изменения в порядке регистрации и оформлении процессов, связанных с переходными периодами в жизни каждого человека, таких как рождение, заключение брака и смерть, сопровождались трансформацией их обрядной составляющей, что коренным образом меняло жизнь граждан Советской России.

Еще одним ключевым обрядом, исполнения которого строго придерживались граждане даже после всех возможных декретов и постановлений советской власти, было крещение. И если с исполнением рядовых христианских традиций, таких как посещение церковной службы, наличие икон в домах и квартирах, власть еще могла бороться, то обряд крещения долгое время оставался самым важным из всех пережитков дореволюционной христианской культуры. Но и здесь властью был поддержан пришедший на смену крещению обряд своеобразного приветствия нового гражданина, получивший название «октябрины», или «звездины». Как правило, новый советский обряд проводился во время сборов пионерских дружин или на собраниях в заводских клубах. Под звуки «Интернационала» родителей младенца поздравляли товарищи, дарили им марксистскую литературу, а малышу – красную картонную звездочку. Этот обряд получил название «озвездить» младенца³⁹⁷. Но если обряд крещения был связан с водой, то обряд «звездин» с огнем. Именно поэтому при проведении этого обряда родители подносили ребенка к чаше с огнем³⁹⁸. Президиум Самарского Губсовета Союза безбожников рекомендовал проводить «октябрины» при участии неорганизованного населения, там, где старый быт еще крепко держится. Самарский комсомолец Михаил Азаров-Гай вспоминал о том, что в Самаре первые «октябрины» состоялись в мае 1924 г. в Народном доме трубочного

³⁹⁶ Коммуна. 1924. 24 октября. С. 2.

³⁹⁷ Жидкова Е. Советская гражданская обрядность как альтернатива обрядности религиозной // Государство, религия, церковь в России за рубежом. 2012. № 3–4. С. 411.

³⁹⁸ Орлик М.А., Воловык В.И., Довбуш М.Д., Заковых М.М., Перунов В.А.. Советские традиции, праздники и обряды: опыт, проблемы, рекомендации. Москва, 1986. С. 329.

завода³⁹⁹. «Октябрины» были проведены и в селе Черновка Кинель-Черкасского района 7 ноября, в день празднования десятой годовщины Октябрьской революции. Л.И. Воронов «октябрил» новорожденную девочку. Все были заинтересованы: «...первые октябрины в Нардоме! Вышло очень торжественно и интересно. Бурно приветствовал президиум “Октябрину”, как назвал отец девочку. Председатель президиума взял [на руки. – Прим. авт.] ребенка, сказал горячую речь, в которой подчеркнул, что очень рад тому, что наш союз пополнился новым членом, который будет жить по-новому. Далее он передал ребенка пионеру, который тут же зачислил его членом юной пионерской организации. Затем ребенок был передан родителю, который в кратком слове объяснил, что вверяет своего ребенка на воспитание обществу, и передал его председателю президиума»⁴⁰⁰. При проведении других «октябрин» девочку называли Надеждой в честь Надежды Крупской. Новорожденной подарили книгу Емельяна Ярославского «Жизнь и деятельность Ленина»⁴⁰¹. Новый обряд проводился в райкомах партии, заводских клубах. Так, беспартийный рабочий Филлипов просил провести «октябрины» его ребенка при райкоме⁴⁰². Тройные «октябрины» были проведены 11 октября 1924 г. при Заводском клубе Берсоловского завода в г. Троицке⁴⁰³.

Изменения произошли и при проведении обрядов смерти людей и погребения, что нашло отражение в декретах советской власти. Изучение советской смертности, заключающееся в анализе изменения государственной политики в отношении смерти и погребения, а также в появлении новых похоронных практик, является важным для реконструкции полной картины реформированного советского общества. Регистрация смертей отныне должна была проводиться светскими властями и проходить через органы ЗАГС. Декрет

³⁹⁹ Жидкова Е. Советская гражданская обрядность как альтернатива обрядности религиозной. С. 411.

⁴⁰⁰ ЦГАСО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 21. Л. 32 об.

⁴⁰¹ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8776. Л. 43.

⁴⁰² Там же. Д. 1185. Л. 14.

⁴⁰³ Коммуна. 1924. 24 октября. № 1757. С. 2.

1918 г. предписывал: «Акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью, отделами записи браков и рождений»⁴⁰⁴. Одним из самых важных для реформирования похоронных практик стал декрет «О кладбищах и похоронах» от 7 декабря 1918 г.⁴⁰⁵ Ключевой особенностью данного документа стало установление одинаковых похорон для всех категорий населения, так как были отменены разряды мест погребений, все кладбища и прочие места захоронений были переданы под контроль местных Советов.

Изменения в повседневных практиках организации похорон можно условно разделить на частные и общественные. Если частные процессии в основном сохраняли в 1920-е гг. церковную составляющую и в целом процент обращений в ЗАГС для проведения гражданских похорон составлял на 1927 г. лишь 40,4 % по Самарской губернии⁴⁰⁶, то общественные похороны, имеющие политическую окраску, были организованы по-новому. В качестве примера можно привести организацию таких похоронных процессий в с. Пестровка в 1928 г. (см. Приложение 4), в Б. Черниговской волости в 1929 г. (см. Приложение 5) и в с. Кинель-Черкассы (см. Приложение 6). Изменение мортальных практик можно проследить во время похорон жертв крестьянского восстания в Сызранском уезде в марте 1919 г.⁴⁰⁷, которое относится к крупнейшему крестьянскому восстанию эпохи военного коммунизма, в исторической литературе получившему название «чапанной войны»⁴⁰⁸. Восстания были направлены против политической и продовольственной

⁴⁰⁴ Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории акад. наук СССР. Москва, 1957.

⁴⁰⁵ Декрет СНК РСФСР от 07.12.1918 «О кладбищах и похоронах» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17275#GRw5SQTiijQkuEe4> (дата обращения: 19.12.2022).

⁴⁰⁶ ЦГАСО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 21. Л. 33 об.

⁴⁰⁷ СОГАСПИ. Ф. 141. Оп. 1. Д. 8. Л. 104.

⁴⁰⁸ Ерофеев, В. Чапанная война. 1919 год [Электронный ресурс] // Ерофеев В. Историческая Самара. Режим доступа: <https://xn---7sbbaazuatxpyidedi7gqh.xn--p1ai/%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B3/%D1%81%D0%B0%D0%BC%D0%B0%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5-%D1%82%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D1%8B-%D1%85%D1%85-%D0%B2%D0%B5%D0%BA%D0%B0/1919-%D0%B3%D0%BE%D0%B4.html> (дата обращения: 19.12.2022).

диктатуры, продразверстки и охватили значительную часть Среднего Поволжья: «Товарищи братья-красноармейцы! Мы, восставшие труженики, кормильцы всего населения России, крестьяне – обращаемся к Вам с заявлением, что мы восстали не против Советской власти, но восстали против диктатуры засилия коммунистов – тиранов и грабителей...»⁴⁰⁹.

В Сызрани на похоронной процессии Смирново-Смирницкой присутствовал оркестр, исполком коммунистического военного отряда, «военный отряд Сызранского Уездпродкома. По обеим сторонам гроба стояли три служащих Отдела по Народному образованию, а за гробом шли дети столовой имени Луначарского... Стоит заметить, что при заседании комиссии по похоронам уделялось внимание и внешним атрибутам похоронной процессии. Например, Смирницкой от Отдела Народного образования был заказан венок с лентой, на которой находилась надпись: “Борцу Пролетарской Революции товарищу Смирницкой, погибшей за торжество великой идеи коммунизма”»⁴¹⁰. За детьми поперек улицы шла цепь служащих уже упомянутого отдела по Народному образованию в составе шести человек и несла «стяг», или попросту флаг. В это же время состоялись похороны товарища Тарасова. Третий из описываемых покойников был воспитанником Вольмарской учительской семинарии Пугун и др. Далее в шествии следовали остальные гробы, около которых стояли лица от всевозможных организаций, к которым принадлежали павшие в восстании. В похоронной процессии принимали участие самые юные граждане Советской России, как, например, воспитанники детского сада, учащиеся I и II ступени с учителями, Союз учителей интернационалистов, Союз молодежи III Интернационала. В похоронах приняли участие профессиональные союзы, рабочие тоннеля, железнодорожники, воинские части. Во время проведения гражданской панихиды, которая состоялась в

⁴⁰⁹ Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922: документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. Москва, 2002. С. 105.

⁴¹⁰ СОГАСПИ. Ф. 141. Оп. 1. Д. 8. Л. 105.

Кузнецком садике, выступили с речами представители партии, учителей-интернационалистов, воспитанников Вольмарской учительской семинарии, представитель I коммунистического отряда⁴¹¹.

Стоит отметить, что новые советские мортальные практики возникли не на пустом месте. Впервые светские похоронные практики применялись в период Первой русской революции 1905–1907 гг. Об этих практиках есть свидетельства в воспоминаниях С.Г. Арсенова о расстреле казаками демонстрации 13 октября 1905 г. и о похоронах убитого во время этой демонстрации участника И.В. Карасева⁴¹². Согласно документу, И.В. Карасев принимал непосредственное участие в демонстрации, затем был ранен и умер в больнице. Товарищи погибшего планировали похоронить его без участия священников. Но семья погибшего не согласилась, а потому обряд решили проводить по стандартному церковному образцу. Религиозные практики были окрашены революционным флером: «...в минут 15 десятого решили выносить, по настоянию жены, с пением революционных песен понесли в Вознесенский собор, поставили в церкви...»⁴¹³. В церковь народ принес массу венков и знамен со всевозможными надписями, такими как: «Жертве царского самодержавия», «Жертве царя деспота, безвременно погибшему от царских палачей тов. Карасеву». Сочетание церковной и революционной практик являлось странным смешением традиций и инноваций и уже в начале XX века имело место быть даже в провинциальном городе: «...часов в 11 процедура окончилась, и товарища Карасева понесли на руках... шествие тронулось с пением революционных песен. Попы впереди, венки, красные знамена, четырехтысячная толпа вся пела... толпа без остановки пела революционные песни, заглушая пение шедших попов...»⁴¹⁴.

Таким образом, изменения, начавшиеся с принятием и реализацией ряда законов, касающихся организации похорон, существенным образом

⁴¹¹ СОГАСПИ. Ф. 141. Оп. 1. Д. 8. Л. 105.

⁴¹² Там же. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 153. Л. 5.

⁴¹³ Там же. Л. 6.

⁴¹⁴ Там же.

оказали влияние на трансформацию повседневных практик советских граждан. В первое десятилетие советской власти частные похороны были еще сильно связаны с религией и ее традициями, однако общественные погребальные обряды стали практически полностью светскими. «Десакрализация похорон, вывод их из сферы ответственности религиозных институтов в сферу социальной и даже санитарной ответственности государства сопровождались – и во многом обуславливались – ревизией представлений о человеке, связанной с доминированием материалистического мировоззрения и отчасти спровоцированной такой ревизией десемантизацией смерти...»⁴¹⁵.

Сведения о реализации новых декретов содержатся в материалах ЗАГС. Так, в 1924 г. органы ЗАГС зарегистрировали 5258 человек новорожденных, из которых 3877 приняли обряд крещения, что составило 73,6 %. К 1927 г. этот показатель был 72,4 %. Таким образом, большая масса людей продолжала исполнять религиозные обряды. Но данные о заключении брака свидетельствуют о снижении показателя по венчанию молодоженов в церкви. Брак регистрировали 67,9 % человек, а обряд венчания прошли 32,1 %. Что касается похорон, то в 1927 г. лишь 40,4 % обращались в ЗАГС для проведения гражданских похорон⁴¹⁶.

Реализация властью антирелигиозных мероприятий способствовала тому, что часть священнослужителей по разным мотивам стала отказываться от веры. Некоторые отказывались от веры из-за страха репрессий, на другую часть оказывала влияние антирелигиозная пропаганда, и, наконец, некоторые священники меняли вектор своей жизни, избирая другую профессиональную деятельность, что, по их мнению, должно обеспечить дальнейшую успешную карьеру. В рассказе М.М. Зощенко «Исповедь» священник, слушая старушку, которая рассказывала про своего сына-безбожника, начинает задавать

⁴¹⁵ Соколова А. Новому человеку – новая смерть? Похоронная культура раннего СССР. Москва, 2022. С. 281.

⁴¹⁶ ЦГАСО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 21. Л. 33 об.

вопросы, интересоваться происхождением религии, сомневаться в истинности веры: «Может, matka, конечно, и Бога нету – химия все...»⁴¹⁷. А священник села Н. Арабутского, Ананьев выступал в день Рождества среди допризывников и подробно раскрыл перед ними всю картину религиозного обмана. Он призывал их не верить попам, затемняющим разум человеческий⁴¹⁸. В целом образы попа/муллы и других представителей духовенства в 1920-е гг. получили критическую оценку в периодической печати, художественной литературе, в изобразительном искусстве. В художественной литературе многими авторами предпринимались попытки в сатирической форме осмеять священнослужителей. Одним из мастеров данного творчества являлся М.М. Зощенко, рассказы которого высмеивали попов и их деятельность. Например, в рассказе «Шумел камыш»⁴¹⁹ автор представляет публике пьяного священника во время отпевания умершей старухи, а в рассказе «Живые люди»⁴²⁰ рассказывает о молодом попе, который за неимением жилищной площади поселился в самом храме и даже водил туда вдовушку. В периодической печати также публиковались заметки и рассказы о священнослужителях. Например, в газете «Коммуна» в 1923 г. был опубликован рассказ некоего Виклога под названием «Нюркин грех». Сюжет повествует о неприличном поведении батюшки и стыдобу, которую пришлось испытать девушке. В конце рассказа поп после интимных отношений отправляется благословлять народ⁴²¹. В изобразительном искусстве многими художниками предпринимались попытки нарисовать отрицательный образ духовного лица, зачастую это воспроизводилось на страницах журналов в форме небольших рисунков. Издательство «Советский художник» на страницах журнала «Безбожники»⁴²² сравнивало православных попов и мулл, дополняя картинки едкими комментариями. Антирелигиозная

⁴¹⁷ Зощенко М.М. Избранное: рассказы. Москва, 2003. С. 323.

⁴¹⁸ Коммуна. 1923. 7 апреля. С. 3.

⁴¹⁹ Зощенко М.М. Избранное: рассказы. С. 751.

⁴²⁰ Там же. С. 758.

⁴²¹ Коммуна. 1923. 8 апреля. С. 3.

⁴²² Абрамов Г.М. Безбожники. Рассказы. Москва, 1985.

тематика присутствовала в работах известных художников-современников 1920–гг.: А. Дейнека делал рисунки для журнала «Безбожник»; Д. Моор создавал плакаты: «Я – безбожник»; антирелигиозная тематика представлена и в творчестве С. Адливанкина, Б. Антоновского, В. Косминского, М. Черемных и других.

Советская власть старалась максимально использовать время, людей и пространства для трансляции новой идеологии. Одними из таких площадок стали антирелигиозные музеи, которые были созданы на основе артефактов краеведческих, этнографических музеев. Их экспозиции должны были раскрыть советскому народу всю правду о религиозных предрассудках и способствовать созданию сети антирелигиозных музеев, это началось в период перехода от насильственного искоренения религиозности к периоду изучения религии в научном формате в конце 1920-х – начале 1930-х гг. В середине 1920-х гг. четко наметился процесс идеологизации музейной деятельности, что обусловило появление сети антирелигиозных музеев⁴²³. Власть ставила цель использовать эти музеи в качестве инструментов атеистической пропаганды, превратив их в центры изучения религии. Крупнейшим музеем в СССР стал музей религии в Ленинграде (Санкт-Петербурге), открытый в 1932 г. В Самаре антирелигиозный музей был создан в 1925 г. Самарским губернским бюро Союза безбожников⁴²⁴. В 1927 г., работая при клубе безбожников, он перешел в ведение отдела народного образования исполкома Самарского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов⁴²⁵. В 1930 г. музей был перемещен в здание закрытой властью лютеранской кирхи, куда было передано около 1000 экспонатов церковной старины (иконы, предметы утвари). Позже, в 1945 г. многие артефакты из антирелигиозного музея были

⁴²³ Иванушкина С.А. Формирование музейной сети Самарской губернии в 1918–1928 годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С.4.

⁴²⁴ Пархоменко Л.А. Коллекция икон Самарского (Куйбышевского) антирелигиозного музея // Вестник МГХПА. 2012. № 2–1. С. 112.

⁴²⁵ Там же. С. 113.

переданы в фонды краеведческого музея (Приложения 7, 8, 9). Все они имели большую историческую ценность, так как были созданы в XIX в.

О содержании экспозиции музея можно судить по плану работы антирелигиозного музея отдела народного образования исполкома Куйбышевского областного совета депутатов трудящихся г. Куйбышева от 5 октября 1940 г. Так как в архивных материалах отсутствуют сведения о работе музея в 1920-х и 1930-х гг., данный документ стал единственным источником, позволяющим воссоздать работу данного учреждения, узнать содержание его экспозиций и анализировать впечатления посетителей. Музей работал ежедневно с 9.00 и до 20.30⁴²⁶. Основными задачами музея на тот период становились: реконструкция представленной экспозиции за счет включения в нее нового краеведческого материала с тем, чтобы показать реакционную сущность религиозных верований народов Среднего Поволжья и существенно расширить число посетителей музея. В музее были созданы отделы, каждый из которых отвечал за определенную работу. Естественно-научный отдел разрабатывал такие темы: «Наука и религия о вселенной», «Мифология и астрология», «История борьбы с религией», «Земля», «Естественный отбор по Дарвину», «Доказательства эволюционного развития», «Обезьяны и ископаемый человек»⁴²⁷. Раздел «Наука и религия о Вселенной» занимался проблемами, касающимися различных областей физики. Так, в плане работы музея предлагалось дополнить экспозицию портретами Кеплера, Ньютона, Гершеля; установить демонстрацию действия спектрального анализа и щит с динамичной выставкой «Звездная карта», показывающий годовое изменение фаз лунного цикла. Раздел «Мифология и астрология» в основном был представлен картинами с расширенными этикетками (сведениями об объекте), раскрывающими темы потопа, творения мира, ада и т. п. Раздел «Земля» содержал сведения о строении Земли; оболочки литосферы, атмосферы и стратосферы. Раздел

⁴²⁶ ЦГАСО. Ф. Р-4375. Оп. 1. Д. 9. Л. 4.

⁴²⁷ Там же. Д. 6. Л. 1.

«Доказательства эволюционного развития» должен был пролить свет на анатомическое строение животных и человека. В плане на 1940 г. предполагалось разработать и установить экспонаты по строению нервной системы человека в сравнении с другими живыми существами, экспонаты по строению органов чувств, а также выделить эмбриологические доказательства и биографический фактор. Среди прочих экспонатов по вышеперечисленным разделам можно назвать чучела животных, отражающих витрину темы «среда и организмы», выполненных местными охотниками; плоды и злаки, представленные в теме «искусственного отбора»⁴²⁸. Научно-исследовательский отдел занимался командировками, разработкой антирелигиозных статей и лекций, организовывал лектории. В мае-июне 1940 г. командировки проводились по Куйбышевской области для сбора материалов по итогам развития сельского хозяйства и последующего оформления соответствующей экспозиции в музее. На ноябрь и декабрь 1940 г. были запланированы поездки в Институт мозга в Ленинграде. Также научно-исследовательский отдел должен был в конце 1940 г. организовать лекторий с проведением опытов и демонстраций, разработать методический путеводитель по музею⁴²⁹.

Большое значение приобретали экспозиции, связанные с историей религии, церкви и атеизма, так как они включали в себя сразу несколько отделов, каждый из которых дополнительно делился на соответствующие разделы. Исторический отдел содержал разделы, касающиеся мировой истории религии. Так, выделялись следующие разделы: «Происхождение христианства», «Религия Древнего Египта», «Дорелигиозный период первобытных людей», «Религия древних народов Куйбышевской области»⁴³⁰. Экспозиция отдела «Религия и атеизм в истории народов СССР» должна была знакомить посетителей с историей религии в России. В тематических

⁴²⁸ ЦГАСО. Ф. Р-4375. Оп. 1. Д. 9. Л. 2 об.

⁴²⁹ Там же. Л. 2.

⁴³⁰ Там же. Л. 4.

экспозициях использовался хронологический метод: «Крещение Руси», «Церковь и крепостное право в России», «Нравы и интересы духовенства в России», «Старообрядчество», «Атеизм в России XVIII–XIX вв.», «Реакционная роль духовенства в годы Русско-японской войны», «Роль Церкви в империалистической войне 1914 г.», «Роль Церкви в февральской революции» и т. п.⁴³¹ Материалы экспозиций постоянно обновлялись за счет включения документальных источников, выявленных в областном архиве г. Самары и архивах г. Сызрани, г. Ульяновска. Власть ставила перед музейными работниками задачу: «...развертывание научно-исследовательской и собирательной работы, которая, обогащая реакционную роль религии, в особенности местными, создала бы условия для повышения теоретического, идейного уровня экспозиции музея». Далее по итогам этой работы предполагалось подготовить оригинальные исследовательские работы по следующим темам: 1) «Роль церкви в колонизации Среднего Поволжья»; 2) «Реакционная роль Самарского духовенства в годы Русско-японской войны и Первой русской революции»⁴³². Стоит отметить, что наибольший интерес среди данных архивных материалов представляет переписка местного епископа Самарской губернии с «Союзом русского народа». Результат этой работы был представлен в статье «Нравы и быт самарского духовенства» в областном журнале «Коммунист». Для сбора материалов предлагалось организовать командировки в г. Горький (Нижний Новгород), а также посетить Ульяновск, Сызрань, Елховку, Сергиевск и другие близлежащие города области. Важным пунктом отмечалось создание при музее группы корреспондентов из безбожников, живущих в различных районах области и группы актива безбожников в Куйбышеве. Разделы, касающиеся истории, в основном были представлены картинами, иллюстрациями, текстами. Также выставлялись скульптурные группы, фотографии.

⁴³¹ ЦГАСО. Ф. Р-4375. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

⁴³² Там же. Л. 2 об.

Отдел Социалистического строительства занимался созданием экспозиции по истории взаимоотношений религии и государства после установления советской власти и включал несколько разделов: «Октябрьская революция и отделение Церкви от государства», «Гражданская война и контрреволюционная роль духовенства», «Борьба церковников против социалистического строительства», и др.⁴³³ Также предлагалось разработать новые разделы, возникающие по мере распространения той или иной идеологической нагрузки. Например, новый раздел «Советская наука – самая передовая в мире», должен был демонстрировать тему «Куйбышевский гидроузел – величайшее сооружение 3-й Сталинской пятилетки». Еще в одном новом разделе «Победа социализма в СССР» предлагалось представить макеты «старой» и «новой» деревни⁴³⁴.

Важным показателем деятельности музея по антирелигиозной пропаганде среди населения являются сведения о количестве посетителей, количестве проведенных экскурсий и других форм массовой работы. В 1940 г. музей запланировал провести 900 экскурсий общей численностью 25 тыс. человек, в которых должны были принять участие 60 тыс. человек⁴³⁵. Посетители могли приобрести путеводители, каждый из которых предназначался для определенной профессиональной и возрастной группы: для рабочих и служащих; для студентов вузов и техникумов; для учащихся школ. Практиковалась разработка одиночных маршрутов по музею. В 1940 г. работники музея должны были прочитать на предприятиях области и колхозах 200 антирелигиозных лекций; организовать работу лектория в музее, подготовить тематические экскурсии для трансляции по радио; проводить антирелигиозные выставки на швейных фабриках № 1 и № 2,

⁴³³ ЦГАСО. Ф. Р-4375. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

⁴³⁴ Там же. Л. 3 об.

⁴³⁵ Там же.

в клубе Промкооперации; организовать постоянную передвижную выставку. Музей вел учет впечатлений и пожеланий посетителей⁴³⁶.

Антирелигиозный музей запланировал в октябре-декабре 1940 г. организовать посещение музея 27 тыс. человек, из них 17 тыс. человек в составе организованных экскурсий и 10 тыс. человек в одиночном порядке. Также планировалось прочесть 30 антирелигиозных лекций и бесед, обслужить с помощью передвижной выставки 3 швейные фабрики⁴³⁷. Кроме проведения экскурсий, оформления экспозиций и прочих дел, затрагивающих музейное дело, с помощью данной организации велась массовая политико-просветительная работа. Музей издал афиши, которые распространялись на предприятиях и в школах. Сотрудники музея публиковали информацию о своих мероприятиях в местных газетах, выступали с сообщениями на городских совещаниях агитаторов, учителей.

Всего в 1940 г. музей посетило 67 604 чел. Для 16104 чел. было организовано 350 экскурсий, в которых приняли участие 4676 рабочих и служащих; 2375 военнослужащих; 6641 школьников⁴³⁸. Сотрудники музея прочитали на предприятиях, в колхозах и в школах Куйбышевской области 225 антирелигиозных лекций, на которых присутствовало 20 391 человек. В отзывах посетителей музея содержались оценки качества проводимых мероприятий. Так, преподаватели-историки писали: «Экскурсия историков – преподавателей школ г. Куйбышева в количестве 23-х человек осмотрела и прослушала экскурсии по всем разделам музея. Их впечатления говорят о том, что экспозиции дают полный и глубокий материал о происхождении и классовой сущности религии, показывают борьбу основоположников Марксизма-Ленинизма и передовых представителей науки с религией. Музей дает богатый и конкретный материал для практической работы в школе»⁴³⁹. А вот впечатления от экскурсии Грищенко, работника связи, от 26 ноября

⁴³⁶ ЦГАСО. Ф. Р-4375. Оп. 1. Д. 6. Л. 3 об.

⁴³⁷ ЦГАСО. Ф. Р-4375. Оп. 1. Д. 6. Л. 5 об.

⁴³⁸ Там же. Л. 3, Л. 5.

⁴³⁹ Там же. Д. 9. Л. 5.

1940 г.: «Я углубил свои знания»⁴⁴⁰. Эти и другие отзывы являются значимым показателем эффективности форм антирелигиозной пропаганды. Во-первых, они выступают в качестве инструментов контроля и слежки. Отдел политпросвета и методическая партийная ячейка создали специальный комитет для изучения этих книг, чтобы определить, усваивает ли население официальный нарратив о советских социалистических преобразованиях. Во-вторых, они были значимым инструментом «социалистической критики»⁴⁴¹.

Стоит отметить, что, несмотря на все попытки советской власти превратить антирелигиозные музеи в центры распространения естественно-научных знаний о мире и человеке и использовать для этих целей исторические музеи с краеведческими материалами, во многом они оставались местом хранения множества церковных атрибутов. Музей порой становился местом паломничества верующих, так как размещал в себе предметы церковной утвари, которые изымались в закрытых храмах. К тому же почти все музеи занимали помещения бывших религиозных зданий, а значит, вызывали трепет в душах богобоязненных и верующих посетителей. «И несмотря на огромный интерес со стороны советской общественности, подобные музеи вряд ли достигали ожидаемого эффекта, оставаясь преимущественно богословско-археологическими кунсткамерами»⁴⁴². Так, в антирелигиозном музее г. Куйбышева в тематическом разделе «Церковь – крепостник на службе помещиков и царизма» были выставлены литографические лубки, целебник, другие предметы культа⁴⁴³.

Инерционная привязанность большей части молодежи к религиозным традициям сохранялась практически на всей территории страны. Об этом

⁴⁴⁰ ЦГАСО. Ф. Р-4375. Оп. 1. Д. 9. Л. 5.

⁴⁴¹ Хирш Ф. Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза /авториз. пер. с англ. Р. Ибатуллина. Москва, 2022. С. 291.

⁴⁴² Пименов В.Ю. Антирелигиозный музей как инструмент формирования атеистического сознания в советской России // SCIENCES OF EUROPE. HISTORICAL SCIENCES. 2017. 22 (22). С. 5.

⁴⁴³ ЦГАСО. Ф. Р-4375. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.

свидетельствуют и статистические данные. В 1920–1930-е гг. твердо верующих и колеблющихся среди молодежи насчитывалось в группе от 7 до 13 лет 40 %, 14–19 лет – 20 %, 20–29 лет – 15 %⁴⁴⁴. Опросы красноармейцев также сообщали о наличии противоречивой ситуации: из 2587 человек только 28 % сохраняли религиозность, но число верующих достигало 40 %. Среди сельской молодежи в 1922–1923 гг. только 37,4 % юношей и 28,5 % девушек не исполняли религиозных обрядов, что соответствовало высокому уровню религиозности в советской деревне.

Таким образом, в 1920-е гг. в Самарской губернии велась планомерная и всесторонняя антирелигиозная работа, направленная против всех религиозных конфессий. Кроме партийных организаций и властных структур в борьбу с религией включились Комсомольская организация и Союз воинствующих безбожников, а также представители творческой интеллигенции и простые граждане, которые принимали участие в организации и проведении антирелигиозных мероприятий. В Самарской губернии проводились лекции, доклады на антирелигиозные темы, создавались музеи и проводились антирождественские, антипасхальные и антиуразинские компании. Новации внедрялись в обряды рождения и смерти, на смену крещению пришли октябрины, на смену венчанию – гражданский брак. В повседневной культуре советского общества происходили коренные изменения, которые реально подвергали трансформации традиционные нормы жизни населения Самарской губернии.

Новый этап реализации антирелигиозной политики начался в 1929 году, когда стали применяться репрессивные меры к любым проявлениям религиозности, это же время называют годом великого перелома в вероисповедальной политике государства. Одним из таких действий властей, направленных на ужесточение контроля за религией, стало постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях

⁴⁴⁴ Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи / пер. с англ. С. Чачко; науч. ред. А. Щербенок. Москва, 2017. С. 13.

по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», которое предписывало: «...Срочно пересмотреть законодательство о религиозных объединениях в духе полного исключения какой бы то ни было возможности превращения руководящих органов этих объединений (церковные советы, сектантские общины и проч.) в опорные пункты кулачества, лишенчества и вообще антисоветских элементов...»⁴⁴⁵. В этой связи был издан приказ ОГПУ от 2 февраля 1930 г. № 44/ 21 «О ликвидации кулачества как класса». В этом документе сектанты квалифицировались как вредные элементы, по которым ОГПУ необходимо проводить специальные мероприятия: «...Кулаки – активные члены церковных советов, всякого рода религиозных, сектантских общин и групп, активно проявляющие себя...»⁴⁴⁶. Реализуя эти законодательные акты, антирелигиозные мероприятия стали проводиться в коллективах и на предприятиях страны.

Пасхальные дни по всей стране были объявлены ударными днями большевистского сева⁴⁴⁷. В ударный период использовались меры по укреплению трудовой дисциплины – недопущению прогулов в пасхальные дни, проводились смотры ударнических и социалистических соревнований среди безбожников и общая работа по раскрытию «сущности религии» для верующих масс. «Волжская коммуна» призывала рабочих объявить Пасху днем ударничества по всему краю, и многие предприятия поспешили сообщить о своей причастности к данной линии. Безбожники завода № 42 в Самаре объявили дни Пасхи днями штурма по ликвидации прорывов на предприятии, вызвали на соревнования другие цеха завода и добились полного отсутствия прогулов⁴⁴⁸. Работники склада № 26 Самарского

⁴⁴⁵ О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации [Электронный ресурс]: постановление Политбюро ЦК ВКП(б) 30 января 1930 г. Режим доступа: <http://istmat.info/node/30863> (дата обращения: 03.10.2019).

⁴⁴⁶ Приказ Объединенного Государственного политического Управления: № 44/21 2 февраля 1930 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/300202.htm> (дата обращения: 19.05.2019).

⁴⁴⁷ Правда. 1931. 12 апреля. № 101. С. 1.

⁴⁴⁸ СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 20. Д. 880. Л. 94.

маслозавода кондитерской фабрики «Коммунар» в первый день Пасхи, совпавший по иронии судьбы с выходным днем, отработали целую смену в пользу зарубежных братских организаций и для построения дирижабля «Безбожник»⁴⁴⁹. Швейники перенесли празднование Пасхи и объявили ее днем смотра готовности к обороне страны⁴⁵⁰. Подобные решения принимали крестьяне. Колхозники и единоличники села Старая Сахча и население районного центра Мелекес написали отказ от празднования Пасхи в пользу большевистского сева и завершения сплошной коллективизации⁴⁵¹. Оренбургские колхозницы Манцерева, Генина и Лапыгина объявили себя ударницами по сортировке семян картофеля в пасхальные дни⁴⁵². Члены городского колхоза «Красный Восток», рабочие пригородного совхоза, и единоличники села Боборыкина Кузнецкого района решили работать в праздничные дни, заявляя, что «...весной один день – год кормит. Поэтому поповские праздники в двойне вредны...»⁴⁵³.

Таким образом, к концу 1920-х гг. общая линия в антирелигиозной пропаганде начинала идти в одном русле с процессами коллективизации, индустриализации и курса на выполнение и перевыполнение планов. Об этом свидетельствуют как содержание, так и заголовки газетных статей. В 1930–1931 гг. упор в антирелигиозных статьях был сделан на связь с экономикой. Например, газетная статья «Колокола на индустриализацию», опубликованная в январе 1930 г., призывала к использованию церковных колоколов в промышленных нуждах, подчеркивая, что «...колокола всех церквей могут дать 333 тыс. тонн ценного цветного металла...»⁴⁵⁴. Аналогичные призывы к промышленному использованию колоколов

⁴⁴⁹ СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 20. Д. 880. Л. 95.

⁴⁵⁰ Волжская коммуна. 1931. 6 апреля. № 83. С. 4.

⁴⁵¹ Там же. 12 апреля. № 89. С. 4.

⁴⁵² Там же.

⁴⁵³ Вместо поповской пасхи – большевистский сев // Волжская коммуна. 1931. 23 апреля. № 92. С. 1.

⁴⁵⁴ Волжская коммуна. 1930. 3 января. № 2. С. 4.

встречаются и в других выпусках «Волжской коммуны»⁴⁵⁵. Нередко церковные храмы переделывали в сыпные пункты, мастерские, артели и склады. Были призывы использовать религиозные здания в качестве социальных и культурных объектов, таких как клубы, школы, детские ясли. Стоит отметить, что на страницах периодической печати призывы к использованию религиозных объектов и зданий для нужд города освещались как требования трудящихся самых различных сфер деятельности. Слушатели курсов кройки и шитья при клубе союза рабис, рабочие и служащие артелей, общие собрания школ рабочей молодежи и т. п. постановляли, требовали и приветствовали передачи «всего религиозного на пользу социалистическому строительству»⁴⁵⁶.

Во время религиозных праздников власть призывала трудящиеся массы не только подвести итоги социалистических соревнований, но и сплотиться вокруг партии. В то же время во всех лозунгах транслировалась сведения о разлагающей роли религии. Одновременно в лозунгах содержались призывы провести смотр безбожных ударных бригад и цехов на предприятиях во время Рождества, Пасхи и других церковных праздников.

Итоги антирождественской кампании были подведены на страницах «Волжской коммуны». Так, в 1930–1931 гг.: Средне-Волжский Союз воинствующих безбожников увеличил численность с 121 000 до 130 000 чел., сократилось число прогулов с 1500 до 241, было проведено 263 научных лекций, 1784 доклада, 968 художественных вечеров и 6 лыжных пробегов; выпущено 11 радиогазет и организовано 18 музейных выставок. Антирелигиозные музеи посетили 2 740 000 человек⁴⁵⁷. По мнению Средне-Волжского союза безбожников, в ходе проведения антирождественской кампании были выполнены хозяйственно-политические задачи партии и советской власти.

⁴⁵⁵ Волжская коммуна. 1930. 3 января. № 2. С. 4.

⁴⁵⁶ Там же. 7 января. № 5. С. 4.

⁴⁵⁷ СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 20. Д. 880. Л. 99.

В период антирождественной кампании выполнили свою работу 54 бригады по снегонакоплению, 9 бригад по ремонту сельскохозяйственного инвентаря, посылались бригады на подготовку к весенним полевым работам. На ряде производств были организованы ударные бригады по выполнению важных производственных проблем: в Сызрани безбожницы провели 3 субботника по починке мешков тары, а в Кинельском районе были направлены три бригады на лесозаготовки⁴⁵⁸. В рождественский день 1930 г. «Волжская коммуна» сообщала своим читателям об антирелигиозном походе 600 комсомольцев в ряд сел Средневолжского края⁴⁵⁹. Другой выпуск газеты содержал отчет об «антирелигиозной вылазке» коммунальников и строителей Самары в село Торновое, где они провели для крестьян митинг, на котором был заслушан доклад и устроен фейерверк⁴⁶⁰. Власть, используя религиозные праздники для своих целей, не только боролась с религией в обществе, но и пыталась внедрить новую советскую обрядность в культурно-массовую работу. И по мере реализации модернизационных процессов в экономической сфере в прогандистско-агитационной деятельности стали превалировать марксистско-ленинские идеологемы. Наряду с проведением антирождественских и антипасхальных кампаний Средне-Волжский Союз безбожников рекомендовал всем своим организациям сосредоточить свое внимание на праздновании Международного дня трудящегося 1 мая. При подготовке и проведении Первоя основное внимание уделялось выполнению актуальных задач партии и рабочего класса – реализации пятилетнего плана социалистического строительства в 4 года.

В 1930-е гг. советское правительство перешло от использования сатирических приемов пропаганды при проведении религиозных праздников к пропаганде достижений советского народа в коллективизации и индустриализации. Политическая установка на проведение антипасхальной

⁴⁵⁸ СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 20. Д. 880. Л. 103–104.

⁴⁵⁹ Волжская коммуна. 1930. 7 января. № 6. С. 4.

⁴⁶⁰ Там же. 10 января. № 8. С. 4.

кампании транслировала в 1931 г. газета «Правда». При этом подчеркивалось, что мероприятия, направленные против празднования этого религиозного праздника, должны проводиться с «особой резкостью». По существу, в «Правде» был зафиксирован новый этап в реализации антирелигиозных мероприятий. Борьба с религиозными предрассудками, напрямую связывалась с показателями промышленности и сельского хозяйства. К началу 1930-х гг. наблюдался значительный рост безбожия в крае, о чем свидетельствует постановление крайкома ВКП (б) от 13 марта 1931 г.⁴⁶¹ Согласно документу, численность членов Союза воинствующих безбожников выросла в четыре раза и составила 125 тыс. членов. По краю насчитывалось 2147 ячеек СВБ и 5170 активистов-пропагандистов, из которых в сельских местностях работало 4850 человек⁴⁶².

В 1928 г. состоялся 1-й областной съезд безбожников Средне-Волжской области. Член президиума Самарского губернского Совета Союза безбожников В. Дружицкий сообщал в статье, опубликованной в газете «Коммунист», сведения о том, что все еще функционируют 2518 церквей, 725 мечетей и 482 сектантских молитвенных дома; 2755 попов, 1350 мулл и 780 сектантов-проповедников. И далее следовал вывод: «целая армия»⁴⁶³.

Съезд рекомендовал обратить особое внимание на работу среди женщин и молодежи. С этой целью приступить к организации женских религиозных кружков, сестричества, кружков христианской молодежи и усилить работу среди детей. Основным недостатком во всей «безбожной работе» стала «недооценка важности этой работы, поправки разным религиозным группам со стороны советских, профессиональных и общественных организаций...»⁴⁶⁴. Съезд подчеркнул большую роль в реализации антирелигиозной политики советской печати. Был разрешен вопрос об издании еженедельной областной антирелигиозной газеты. Съезд

⁴⁶¹ Коммунист. Сентябрь 1929. № 17–18. С. 60.

⁴⁶² Там же.

⁴⁶³ Там же.

⁴⁶⁴ Там же. С. 49.

постановил организовать тракторную колонну «Безбожник» в составе трех тракторов, а также создать добровольческий батальон «Безбожник». Одной из важнейших задач СБ съезд считал «создание и укрепление теснейших связей в работе с коммунистической партией, профсоюзами, комсомолом, делегатскими собраниями работниц и крестьянок, кооперацией, политпросветительными и другими организациями и учреждениями»⁴⁶⁵.

Съезд особое внимание уделил выявлению недостатков в работе Союза безбожников: работа среди отсталых слоев населения, отсутствие регулярной связи между окружными центрами и низовыми ячейками, дефицит финансов. В целом, по словам В. Дружицкого: «...антирелигиозная работа должна рассматриваться как одна из форм классовой борьбы, как важная политическая работа, под этим углом зрения должна быть перестроена вся работа СБ. Важнейшей задачей должна быть мобилизация нарастающих безбожных настроений рабочих, бедноты, батрачества и части середняцких слоев крестьянства...»⁴⁶⁶. Он призывал обратить внимание на работу в колхозах и совхозах, тракторных колоннах, создавая в них опорные пункты антирелигиозной работы. Важным компонентом в антирелигиозной работе стал призыв съезда к внедрению в крестьянский быт новых революционно-бытовых праздников «Первой борозды», «Дня леса», «Дня урожая», «Дня кооперации». Традиционно съезд призывал привлекать к антирелигиозной работе учителей, врачей, агрономов. Особое внимание уделять работе среди женщин. Таким образом, в начале второго десятилетия советской власти, все советские граждане должны были выполнять не только свои профессиональные функции, следуя ускоряющимся темпам индустриализации, но и нести на себе роль активного пропагандиста новой идеологии. «Безбожник-рабочий должен быть образцовым рабочим у станка... деревенский безбожник должен быть культурным земледельцем, красноармеец-безбожник должен быть примером боевой политической

⁴⁶⁵ Коммунист. Сентябрь 1929. № 17–18. С. 51.

⁴⁶⁶ Там же. С. 50.

подготовки, инициатором и участником мероприятий по социалистическому переустройству...»⁴⁶⁷.

Деятельность Самарского губернского Совета Союза Безбожников (Союза воинствующих безбожников с 1929 г.) в 1920-е гг. в Самарской губернии была достаточно активной на протяжении указанного периода, однако она характеризовалась слабой слаженностью в работе между ячейками и отсутствием четкого плана, необходимого для реализации антирелигиозной пропаганды с учетом провинциальных особенностей региона. Работа членов президиума Самарского губернского Совета Союза безбожников заключалась в распространении безбожия среди населения губернии, для чего оформлялись командировки по всей Самарской губернии и Средневолжскому краю. Несмотря на это, на всем протяжении первого десятилетия советской власти по всей территории губернии проводилась масса антирелигиозных мероприятий, которые были организованы с помощью Комсомольской организации, других общественных организаций и неравнодушных граждан. Появление новых советских обрядов, массовые демонстрации и диспуты, театрализованные постановки и лекции должны были внедрять в повседневную культуру населения новую идеологию безбожия и постепенно заменить собой религию в обществе. Также стоит отметить, что внедрение антирелигиозной работы среди разных конфессий губернии шло различными методами, что должно было позволить советскому руководству наладить особые взаимоотношения с национальными меньшинствами указанного региона. Таким образом, работа государственных и общественных организаций по утверждению антирелигиозной пропаганды в Самарской губернии и Средневолжском крае, несмотря на все противоречия, проводилась с использованием всех возможных инструментов, что позволило советскому руководству к середине – концу 1930-х гг. практически полностью взять под контроль религию и ее организационную структуру.

⁴⁶⁷ Коммунист. Сентябрь 1929. № 17–18. С. 50–51.

2.2. Религиозная работа духовенства в условиях антирелигиозной пропаганды

Духовенство различных конфессий на всем протяжении истории России оказывало большое влияние на свою паству, так или иначе транслируя в их религиозную и повседневную жизнь необходимые устои, которые должны были воспитывать прихожан в рамках традиционной веры. Любой представитель духовенства был обязан стать «защитником» простого населения от бед и катаклизмов, от неожиданных и нежелательных событий с помощью молитв, проповедей. Несомненно, его роль была велика в обычной повседневной жизни, так как значимые для каждого человека события всегда сопровождалась совершением ритуальных религиозных обрядов. В их число можно отнести рождение, вступление в брак, рождение детей и смерть. С началом революционных преобразований ответственность за все эти обряды взяло на себя государство, а в представителях духовенства большевики начали видеть оплот контрреволюции и сопротивления. Советская власть стремилась внедрить в сознание населения атеистические идеологемы, а религиозные организации, а вместе с ними, и священнослужители оказывали противодействие и уходили в подполье, стремясь выстоять в новых политических условиях. В то же время у верующих порой возникали претензии к бездействию некоторых представителей Церкви. Особенно ярким примером служит анонимное «письмо верующего» в адрес священника Самарской губернии, которое показывает степень доверия прихожан к своим священнослужителям, которые несут ответственность за сохранение религиозности. Судя по тексту письма, наполненного речевыми оборотами, а также острой критикой священнослужителя, автор рьяно ратовал за борьбу с безбожниками, возлагая эту миссию исключительно на представителей Церкви:

«Мне думается, что вы, будучи монахом, не чужды, все-таки присматриваетесь, что делается в мире. Вы, вероятно, читаете газеты –

это хорошо. Так вот, если Вы не сторонитесь реальной жизни, если читаете корреспонденции, то Вы должны видеть, что делается вокруг церкви, во что намерены превратить религию и еще верующих людей, особенно крестьянство. Не секрет, что основываются целые общества безбожников, целью своей которые ставят научно обоснованно и решительно, как говорится, всерьез бороться с религией, с ее предрассудками. Эти общества свою пропаганду намерены перекинуть в деревни, чтобы окончательно обезвредить крестьянскую массу. И несмотря на то, что атеистическое общество намерено так активно выступить в борьбе с религией, духовенство вообще, ни Вы в частности, как говорится, почиваете на лаврах. Ясно, что если есть действие, то должно быть и противодействие – это закон природы. Само собой, понятно, что, если нападают – необходимо защищаться. Если хотят уничтожить, убить религию, кому-то необходимо поддержать ее. А чье дело это как не Ваше, кто поддержать обязан, как не вы. Это Ваш долг, ваша нравственная обязанность. Вы есть пастух, а известно, что пастухи на востоке всегда впереди своих овец, они знали их, они защищали их от хищных зверей с риском даже для своей жизни, и овцы видели эту любовь своих пастухов и знали их даже по голосу. Ваших овец расхищали и думают окончательно пожрать, неужели Вы и тогда преспокойно будете отсиживаться и с успокоенной совестью будете смотреть, как морально умирает Ваше стадо. Стыд и позор да покроет Вас! Какие же вы пастухи... От вас и Ваших священников овцы Ваши не слышат успокаивающего, укрепляющего, поддерживающего голоса. Вы должны, Ваш долг не бояться великих мира сего, даже если бы была и опасность Вашей жизни... Вы и Ваши попы, аки рабы, безгласны, а еще жалуетесь, вот падает религия, народ не ходят в церковь, большевики обижают церковь. Нет, неправда, Вы сами виноваты, Вы бездельны, Вы ленивы, Вы трусливы, Вы слишком платите дорогой ценой за Ваше благополучие. Последующее поколение проклянет Вас... Вам пишет человек еще верующий, человек, который сильно скорбит,

который от глубины сердца обеспокоен за существование церкви, религии и за все порядочное...»⁴⁶⁸.

Итак, основной удар советское руководство направило на религиозные организации и духовенство: «...воинствующие атеисты считали себя бойцами, сражающимися на религиозном фронте, и их первостепенная задача состояла в том, чтобы расшатывать авторитет религии среди населения, подрывая влияние церкви и разоблачая духовенство»⁴⁶⁹.

Власть правомерно считала, что религиозная пропаганда была не менее активной, чем ее антирелигиозный аналог. Так, на съездах Союза безбожников (Союза воинствующих безбожников с 1929 г.) постоянно обсуждался вопрос об усилении антирелигиозной работы среди религиозных организаций: «...все религиозники тоже вырабатывают соответствующие формы и методы работы против нас, также приспособляются, приурочивают их к нашим мероприятиям и хозяйственно-политическим кампаниям...»⁴⁷⁰. В этой связи интерес вызывает выступление товарища Гуленкова из ВЛКСМ о проблемах антирелигиозной работы по Самарской губернии за 1926 г. Он докладывал, что «...церковники, сектанты хитроумно расставляют свои тенеты, чтобы привлечь на свою сторону молодежь...»⁴⁷¹. В частности, в селах Каменка и в Оренбурге сектанты и церковники организовывали кружки рукоделия, музыки, пения, проводили экскурсии. Предпринимались попытки организовывать красные уголки для сектантов, а один поп-баптист «...организовал бапсомол и христомол в противовес комсомолу...»⁴⁷². Партийное руководство, по словам Гуленкова, имело зафиксированные факты сектантской работы в крае, когда религиозные элементы проникали в советское общество. Так, в Пензенском музыкальном

⁴⁶⁸ Самарский Епархиальный церковно-исторический музей. Документы XX век. 1920-е – 1930-е гг. Церковно-историческая тематика. КП 1602.

⁴⁶⁹ Смолкин В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма / пер. с англ. О.Б. Леонтьевой; науч. ред. М.Ю. Смирнов. Москва, 2021. С. 93.

⁴⁷⁰ СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 20. Д. 880. Л. 33.

⁴⁷¹ Там же. Л. 48.

⁴⁷² Там же.

техникуме состоялся выпуск «певчих и дьячков», что, по мнению докладчика, было совершенно не нужно «нашему классу», и в этом он усматривал влияние сектантства. Гуленков привел сведения о том, что сектанты организовывали вечера и прогулки, раздавали пригласительные билеты, и молодежь охотно включалась в эти развлечения.

Власть и партия возлагали большие надежды на участие молодежи в антирелигиозных мероприятиях, так как комсомольские и школьные организации умели «...своевременно реагировать на ту или иную вылазку врагов...»⁴⁷³. Религиозная работа велась в крае достаточно активно и даже жестоко. Так, в двух районах края в вербное воскресенье выстрелами из обрезов были убиты лучшие активисты-колхозники. В Бугурусланском районе в пасхальный день был подожжен дом одного из руководителей колхоза, в котором погибло 4 детей. Во время антирелигиозной инсценировки в третьей мастерской завода № 42 в Самаре был подожжен рабочий 9-й мастерской, игравший роль попа. Он получил серьезные ожоги. Также удалось пресечь попытку сорвать свежую антипасхальную газету в первый день ее появления, а на макаронном заводе в Самаре «религиозники» попытались избить посланного Горсоветом СвБ докладчика⁴⁷⁴.

Формы открытой агитации «религиозников», по мнению советского руководства, были более представлены в деревнях, расположенных вблизи к крупным базарным центрам: «...базар, этот рынок имеет большое значение в использовании его церковниками... для распределения различного рода слухов, небылиц...»⁴⁷⁵. После каждого базарного дня, по мнению активистов из СБ, в селах распространялись слухи, какие-либо небылицы или откровенное вранье: «...на такую-то станцию приехали китайцы, там сменили всех, председателя арестовали... дело к краху советской власти. Поэтому в колхоз не ходите... если пойдете, они вам что-то плохое

⁴⁷³ СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 20. Д. 880. Л. 51.

⁴⁷⁴ Там же. Л. 96.

⁴⁷⁵ Там же. Л. 31.

сделают...»⁴⁷⁶. Особо отмечалось влияние «церковников» на женщин. В своих беседах с женщинами они, говоря о предстоящих бедах, призывали их подумать о благополучии семьи и детей: «...Вот война будет, ваших мужей возьмут в первую очередь. Колхозы на паек вас посадят. Детей, и тех от вас отбирать будут, колхозников скоро вешать будут»⁴⁷⁷. Кроме методов агитации и пропаганды использовался и алкоголь. Это сопоставление было не случайно, упоминание горячительных напитков советское руководство тесно связывало с проведением религиозных обрядов, подчеркивая: «Алкоголь и религия всегда служили средством эксплуатации трудящихся. Веками длившееся господство помещиков и буржуазии... так глубоко вкоренило в трудящиеся массы тягу к дурману религии и алкоголя, что великое рабоче-крестьянское наступление против векового угнетения и рабства не смогло в короткий срок окончательно уничтожить эти болезненные привычки»⁴⁷⁸. Так, в колхозе «Гигант» Чапаевского района «религиозники» споили 8 бедняков. Им предлагали написать заявления о выходе из колхоза⁴⁷⁹.

Активисты СБ (СВБ) пытались ослабить связи между священнослужителями и народом во время массовых говений, исповедей и причащений в период Великого поста. Более всего партию и безбожников волновала исповедь, так как именно она являлась эффективной мерой религиозной пропаганды. Партийное руководство Спасского района Средневолжского края в 1930 г. было обеспокоено тем, что христианское духовенство через проповеди внушало народу о падении 11 апреля господства большевиков, ровно в 12 ночи начнется расправа над безбожниками и большевиками⁴⁸⁰. К числу эффективных форм противодействия Церкви антирелигиозной политике СБ (СВБ) правомерно

⁴⁷⁶ СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 20. Д. 880. Л. 32.

⁴⁷⁷ Коммунист. Январь 1930. № 1. С. 30.

⁴⁷⁸ Слезин А.А. За «новую веру»...

⁴⁷⁹ Там же.

⁴⁸⁰ СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 20. Д. 880. Л. 96.

относились длительные церковные службы и стремление священнослужителей и церковных старост увеличить число прихожан и религиозных общин. Так, бывший садовник князя Оболенского, по сообщениям краевой прессы, «навербовал до 200 человек в религиозную общину»⁴⁸¹.

Кроме открытых форм религиозной пропаганды религиозные организации распространяли листовки, брошюры и прочую печатную продукцию, которую периодически изымали при обысках. Одна из листовок «Что должен знать православный христианин? (староцерковник)» была отобрана 3 апреля 1932 г. при обыске гражданина М. Анисимова⁴⁸². В ней давались рекомендации о том какие должны быть взаимоотношения верующих с органами власти (Приложение 10).

Отметим, что в условиях активизации проведения антирелигиозной политики во второй половине 1920-х гг. в Самарской губернии не все представители духовенства отказывались от своей деятельности. Были случаи, когда они маскировали ее. Многие священники, муллы и прочие члены религиозных организаций продолжали выполнять свои духовные функции. Они призывали верующих граждан продолжать сохранять традиции, отвергать новшества и тем самым оказывали огромное влияние на население. В информационных сводках ОГПУ за 1923–1927 гг. содержатся многочисленные примеры такого сопротивления, что свидетельствует как о массовости данного явления, так и о страхе большевиков перед священнослужителями – «народными миссионерами»⁴⁸³.

Большая часть сводок содержит сведения о единичных случаях выступления священнослужителей, которые носили форму проповедей и

⁴⁸¹ Волжская коммуна. 1930. 5 января. № 4. С. 4.

⁴⁸² Самарский Епархиальный церковно-исторический музей. Документы XX век. 1920-е – 1930-е гг. Церковно-историческая тематика. КП 1605.

⁴⁸³ Кабытов П.С. Протасова А.В. Религиозные практики духовенства в дискурсе реализации антирелигиозной политики в середине 1920-х гг. (на материалах Самарской губернии) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 550–555.

нравоучений. Сведения о таких происшествиях находим в сообщениях сводки № 12 с 22 по 39 апреля 1924 г. Священники Троицкого района Пугачевского уезда в селах Васильевка, Мордовские Липяги и Преображенка подчеркивали в своих речах «безбожность» советской власти, заявляя, что «существующая власть ведет к гибели как духовно, так и материально»⁴⁸⁴. Также в уже представленном Пугачевском уезде в с. Дмитриевка подчеркивалось тотальное доверие местных крестьян к местному священнику, который, пользуясь своим положением, выступал против Волостного исполнительного комитета (ВИКа) и стремился выгнать его представителей из помещения, которое предполагалось отдать под религиозную школу⁴⁸⁵. Другая информационная сводка №29 с 13 по 20 мая 1924 г. сообщала о распространении религиозной пропаганды монашками в Бузулукском уезде⁴⁸⁶.

Антисоветская деятельность представителей духовенства была представлена в случаях поминания членов царской семьи. Священник с. Б. Исаклы Березовской волости Пугачевского уезда Смирнов во время богослужения поминал императора Николая II и его ближайших родственников, сообщает нам информационная сводка №4 с 22 по 31 января 1925 г.⁴⁸⁷ Кроме того, этот же священник позволил выступать в его приходе совершенно постороннему человеку, некому гражданину Бананову с проповедью, в которой последний призывал прихожан не пускать своих детей в народные дома, школы и клубы. Проведя опросы крестьян по этому инциденту, уездный уполномоченный ГО ОГПУ по Пугачевскому уезду арестовал священника Смирнова и привлек его к уголовной ответственности по статье 73 (Инфосводка №17 с 8 по 16 мая 1925 г.). Такие же проповеди читал священник села Бурдыгина Сухоринской волости Бузулукского уезда,

⁴⁸⁴ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Л. 42.

⁴⁸⁵ Там же. Л. 55.

⁴⁸⁶ Там же. Л. 115 об.

⁴⁸⁷ Там же. Д. 1708. Л. 18.

который неоднократно был замечен в агитации против Коммунистической партии и ее членов. Во время богослужения он выступил с речью, в которой произнес: «Православные, не попадайте под влияние коммунистов и не слушайте их, ибо они – последователи евреев, идут против бога, а также не ходите в Народом, где витает “дух сатаны” и не пускайте туда своих детей...»⁴⁸⁸. Стоит отметить, что высказывания священника оказали влияние на процент посещаемости крестьянами демонстрации первого мая (Инфосводка №21 с 8 по 18 июня 1926 г.). Весьма похожи были суждения священника П.К. Потрясенского в с. Верхе-Санчелеево Сангелевской волости Самарского уезда. Он призывал граждан оградить своих детей от вступления в комсомол, а также запрещал им посещать Народный дом так как «весь комсомол – шайка хулиганов, если у кого и имеются дети комсомольцы, то их надо взять обратно...»⁴⁸⁹. Речи Потрясенского оказывали большое влияние на паству, многие родители после этого заставляли своих детей уходить из Комсомольской организации. Подобной агитации занимался попечитель церковного совета гр. Полозов (Инфосводка №9 с 8 по 15 марта 1925 г.).

Создание негативного образа коммунистов было одним из действенных излюбленных инструментов религиозной пропаганды представителей духовенства. Священник села Ст. Ибряйкина Аверкинской волости с амвона призывал «православных» верить в бога, говоря, что «Бог есть»⁴⁹⁰. Открыто противопоставляя верующих и коммунистов, он называл последних «хулиганами»: «...Вот, например, солнышко сотворено Богом, есть неверующие, которые говорят, что «бога нет», это не люди, а хулиганы, верующий человек никогда не хулиганит и плохого не делает, боится бога и греха...»⁴⁹¹ (Инфосводка № 20 с 25 по 31 мая 1926 г.). Соответствующие речи

⁴⁸⁸ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2062. Л. 16.

⁴⁸⁹ Там же. Д. 1708. Л. 95.

⁴⁹⁰ Там же. Д. 2062. Л. 10.

⁴⁹¹ Там же. Л. 9.

население слышало и от его сына, псаломщика в этом же селе, который высказывался против коммунистов, говоря «нам не нужен Ленин...»⁴⁹².

ОГПУ взяло под свой контроль не только православное христианство, но и другие конфессии, представители которых активно боролись против безбожия. Исламское духовенство одним из первых стало пытаться оградить своих прихожан от антирелигиозной компании, используя при этом аналогичные православию формы и методы. О дурном влиянии советских школ на детей говорили в своих проповедях муллы д. Бакаево Сок-Кармалинской волости Бугурусланского уезда Хабибуллин Шамгардин и Абдрахманов Абдул. Собирая верующих в мечети и у себя по домам, они агитировали население оградить юное поколение от безбожия и нравственного упадка. Кроме того, муллы призывали «выбирать в советы коммунистов и демобилизованных красноармейцев, ибо они отступили от религии»⁴⁹³ (Инфосводка №18 с 16 по 23 мая 1925 г.). Выступления мулл против советских школ сопровождались с попытками открывать религиозные школы, где дети изучали традиции ислама. Мухтасиб г. Мелекесса, гражданин Губайдуллин, агитировал открывать такие учебные заведения на собрании крестьянок в деревне Теплый стан Елховской волости 15 марта 1925 г. На мероприятии присутствовало 400 человек, и мулла призывал крестьян принять участие: «...в борьбе за религию, кто против Корана, тот против представителей культа вообще... крепко стоять за религию с оружием, борясь с неверующими...»⁴⁹⁴.

К открытой борьбе против коммунистов и советской власти призывал мулла с. Андреевка Мелекесского уезда Сафендинов Шакир. Информационная сводка №17 с 8 по 16 мая 1925 г. сообщала, что каждую неделю по четвергам Сафендинов собирал в мечети женщин и внушал им, что на этом свете не нужно трудиться, а думать надо о небесных благах. Брат

⁴⁹² СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2062. Л. 9.

⁴⁹³ Там же. Д. 1707. Л. 8.

⁴⁹⁴ Там же. Д. 1708. Л. 96.

Сафендинова – это мулла в деревне Уразгельдино, как и его брат, также агитировал население против советской власти. Кроме того, он приехал в деревню Лобатовку, где призывал «мусульман принять религиозные клятвы об отдаче всех своих сил на борьбу за религию ислама и против всех, кто не верует»⁴⁹⁵. Сафендинов Шакир также осуждал мусульманских учителей за их работу на большевиков, а само руководство страны в непосильных налогах на верующих: «...мусульманское учительство продает религию Ислама соввласти за какие-то 12 рублей. Соввласть накладывает непосильные налоги на верующих граждан за содержание муллов, мечетей и т. п., чего при старом режиме не было»⁴⁹⁶. Подобные высказывания власти фиксировали у муллы Мафтахутдинова из д. Тюгальбуги. Выступая во время празднования Сабантуя в деревне Сантимир Малыклинской волости Мелекесского уезда 22 мая 1925 г., он призывал присутствующих вести открытую борьбу против коммунистов и совслужащих, которые «бросают в религиозное духовенство грязью»⁴⁹⁷. В том же духе Мафтахутдинов агитировал и в мечети, что порождало отрицательное отношение крестьян к существующему строю (Инфосводка № 21 с 8 по 16 июня 1925 г.).

Кроме открытого и непосредственного влияния духовенства на верующее население информационные сводки содержат значительный пласт сведений, касающихся косвенного влияния священнослужителей разных конфессий на население. Например, информационная сводка №5 с 1 по 7 февраля 1925 г. сообщала, что в с. Филипповка Утевской волости в 1924 г. был организован политический кружок, который вел борьбу с местным попом Павловым за Народный дом. В конце концов, поп был выселен и дом был отдан избе-читальне. После этого вышеуказанный священник стал действовать через молодого парня из той же деревни – некоего Прокофьева, посоветовав ему стать селькором. После получения должности последний,

⁴⁹⁵ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1707. Л. 8.

⁴⁹⁶ Там же.

⁴⁹⁷ Там же. Л. 56 об.

начал всячески срывать работу избы-читальни. Когда же его попытались образумить, Прокофьев заявил, что в случае притеснения со стороны администрации он будет расценивать этот факт как покушение на должностное лицо⁴⁹⁸. Священник действовал через третье лицо, пытаясь вернуть себе дом, и, судя по беспокойству ОГПУ, влияние его на селькора было сильное.

Советская власть не могла не заметить огромную силу священнослужителей в религиозной пропаганде и их влияние на простых граждан. Любой повседневный обряд так или иначе был еще связан с религией, и новые советские ритуалы не могли в полной мере противостоять веками укорененным традициям. Порой дело доходило до абсурда. Так как многие крестьяне жили за чертой бедности, оплатить работу священника им было не всегда под силу, но крепкие устои и общественное мнение требовали решения проблемы. Информационная сводка №5 с 7 по 22 февраля 1925 г. сообщала о подобном случае. Так, в с. Старая Тепловка Сухореченской волости Бузулукского уезда местный поп Голубев за запись в поминание умершего предложил гражданке Исламовой за отсутствием денег у последней состричь ее волосы и принести ему. Исламова согласилась это сделать⁴⁹⁹ (Инфосводка №6 с 7 по 22 февраля 1925 г.).

Более того, когда верующий человек вступал в полемику со священником, то он мог стать «изгоем» среди пока еще религиозного общества. Например, священник с. Баклановка Бузулукского уезда при обходе верующих граждан по домам с молебном на Пасху увидел у одного гражданина Милентьева в доме около иконы карикатуру на попов, опубликованную журналом «Безбожник». Рядом с ней находился портрет В.И. Ленина. Священник возмутился, сорвал портреты и бросил на пол. Затем он спросил Милентьева: «Ты разве коммунист? Если еще раз узнаю об

⁴⁹⁸ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1708. Л. 25 об.

⁴⁹⁹ Там же. Д. 1389. Л. 45.

этом, то к вам больше ходить не стану»⁵⁰⁰ (Инфосводка № 18 с 16 по 23 мая 1925 г.). Другая информационная инфосводка № 19 с 24 по 31 мая 1925 г. сообщала, что в селе Скворцовка Лобазинской волости Бузулукского уезда священник местной церкви Миронов в конце апреля во время молебна на дому у гражданки Родионовой стал искать у ее сына крест на шее. Когда же Родионова попыталась противостоять этому, то Миронов в грубой форме заявил: «...я знаю, что делаю и имею на это право»⁵⁰¹. Далее в сводке сообщалось, что Миронов часто запугивал крестьян тем, что не будет причащать тех, кто будет воспитывать детей в советском духе. В итоге он был привлечен СГО ОГПУ к судебной ответственности.

Анализ информационных сводок позволяет выявить влияние духовенства на население в период кризисных явлений. В неурожайный 1924 год «темные личности среди таковых сеют разнообразные слухи религиозного толка»⁵⁰². Так, в информационной сводке № 18 с 10 по 17 июня 1924 г. крестьяне в период засухи стали проводить обряд призыва дождя: «Духовенство, пользуясь отсутствием дождя, сообщалось в сводке, играет на “религиозной струнке темного крестьянства”, упрекая в этом безбожников-коммунистов. В целом ряде деревень проводятся молебны, дабы Бог дал дождя. В этих кампаниях принимают участие старики и старухи, молодежь относится отрицательно. В некоторых деревнях власти запрещали молебствовать, но по партийной линии дано распоряжение не притеснять их в этом отношении»⁵⁰³. В селе Красовка Марьевской волости верующие крестьяне молились за хороший урожай: «Мы стоим перед голодом как в 1921 году, одна надежда на Бога, мы все в его руках; позабыли Бога, послушались дурных людей и попали в соблазн не соблюдать законов...»⁵⁰⁴ (Инфосводка № 22 с 13 по 21 июля 1924 г.). Всплеск настроений у крестьян

⁵⁰⁰ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Л. 32.

⁵⁰¹ Там же. Л. 43.

⁵⁰² Там же. Л. 88.

⁵⁰³ Там же. Л. 66.

⁵⁰⁴ Там же. Л. 87.

произошел из-за дефицита сахара в Мелекесском уезде. Сразу же среди населения стали распространяться слухи о том, что скоро прекратится торговля всеми ходовыми товарами по причине промышленного кризиса. Сотрудники ОГПУ возлагали ответственность за распространение слухов на попов и церковных старост. Особенно ярко этот процесс шел в с. Сосновом Ставропольской волости с подачи священника Дмитриева⁵⁰⁵ (Инфосводка № 30 с 21 по 28 сентября 1924 г.).

В то же время отметим тенденцию к росту атеистических настроений в крестьянской среде. Изменения религиозного настроения были связаны с попытками населения «отмолить» дождливую погоду и пережить засуху. Так, в конце мая 1926 г. в Тростянской волости Самарского уезда не было дождей и у крестьян возникли опасения за урожай. По инициативе некоторых стариков крестьянами были организованы крестные ходы. Через два дня пошли проливные дожди, да к тому же почти каждый день. Крестьяне, видя это, возмущенно стали роптать, что «...мол, молили Бога, чтобы он дал дождя, а он рад стараться и льет, видно придется снова идти отмаливать, чтобы прекратил, а то, пожалуй, переборщит, плохо будет...»⁵⁰⁶. Составители сводки информировали о снижении уровня религиозности среди населения данного уезда. По их мнению, это свидетельствовало о том, что при «неудачном» прошествии события, отмаливаемого у Бога, общество во многом могло отвернуться от веры, так же как и от священника, уличенного в открытой лжи (Инфосводка № 27 с 28 июля – 6 августа 1926 г.).

Значительный интерес представляет блок информационных сводок, в которых фиксируется историческая информация о распространении смуты и паники среди верующих граждан. Так, в городе Пугачеве в период с 13–21 июля 1924 г. № 22 архиерей Павел под видом чисто семейных и узко-церковных дел выезжал по селам и в сельских церквях во время проповеди

⁵⁰⁵ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Л. 118.

⁵⁰⁶ Там же. Д. 2062. Л. 98.

умышленно сеял среди населения панику⁵⁰⁷. В сводках приводились описания случаев, в которых повествуется о том, что священники говорили о скором «конце света, или говорили о «плохой вести или событии». В другой инфосводке № 21 с 8 по 16 июня 1925 г. описывался случай, когда 3 июня среди населения в селе Ибряйкине Средне-Аверкинской волости Бугурусланского уезда распространились слухи о том, что 6 июня село Ибряйкино должно провалиться сквозь землю. Сведения об этом грядущем катаклизме вызвали панику среди стариков и старух. Но это предсказание не сбылось, и тогда все успокоились, а слухи прекратились⁵⁰⁸. Та же сводка сообщала о распространении слухов накануне праздника Троицы. В Таллинском монастыре Бузулукского уезда перед празднованием Троицы разнесся слух, что «якобы Богом вблизи монастыря была брошена записка с предупреждением, что в субботу под первый день Троицы пойдет каменный и огненный дождь, который побьет и пожжет людей, неугодных богу». Об этом чуде сообщали крестьянам монашки данного монастыря, которые поехали по селам. Одна из них побывала в поселках Осиновском, Бренчаниновка и в селе Воздвиженки, где собирала женщин и стариков и передавала им сведения об этом письме. Религиозное население было встревожено, начало топить баню, мыться и одевать чистое белье, а некоторые даже прекратили всякую работу. Принятые сотрудниками ОГПУ к задержанию меры оказались тщетными, так как монашки сумели скрыться⁵⁰⁹.

Известия о предстоящих «бедах» сообщал крестьянам села Наумовки Пригородской волости священник Соловьев. Он после богослужения 31 июня с амвона произнес проповедь, в которой заявил: «Вы, христиане, под Троицу вымойтесь, иначе на праздник у нас в селе, или же в селе Троицкое, что-нибудь случится»⁵¹⁰. Это сообщение Соловьева посеяло панические настроения среди верующих, и они «стали готовить себя к смерти:

⁵⁰⁷ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Л. 87.

⁵⁰⁸ Там же. Д. 1707. Л. 9.

⁵⁰⁹ Там же.

⁵¹⁰ Там же.

мылись в бане и одевали чистое белье. В праздник Троицы в селе как раз была гроза, и попу после этого стали верить еще больше». Соловьев, по сообщениям сводки, имел большое влияние на детей и родителей, запрещал родителям пускать их в школу, петь частушки из журнала «Безбожник». Накануне Троицы священник Средне–Аверкинской волости Бугурусланского уезда Рябов Василий, распространял среди верующих граждан слухи о предстоящем накануне Троицы светопреставлении. Это предсказание и разразившаяся в этот день гроза перепугали крестьян. Они стали собираться у родственников и молиться богу, чтобы он предотвратил беду. «Сам Рябов тоже сделал вид, что молится Богу, и советовал крестьянам, также усиленно молиться»⁵¹¹. В информационных сводках есть описания совершенно невероятных событий, якобы произошедших в различных областях губернии. Например, в с. Чекалинка Бугурусланского уезда якобы демобилизованный красноармеец заставил свою жену истопить баню иконами за неимением дров, после чего стал париться, и к этой чудодейственной бане якобы никто не мог подойти⁵¹². А в Мелекесском уезде одна коммунистка «прилипла к стулу» (Инфосводка № 22 13–21 июля 1924 г.).

Повседневные религиозные практики духовенства все-таки дали свои плоды. Даже к началу 1930-х религиозное мышление у большей части населения России оставалось достаточно сильным, что можно наблюдать из казуса с мумией, которую прокуратора, Уголовный розыск и Городской совет Средневолжского края выставили в доме Санитарно-просветительской работы (Санпросвета) для всеобщего обозрения в научных целях. Мумифицированный труп был найден под одной из церквей, разрушенных, как было понято из источника, в эти годы. Из доклада... следовало, что сразу же по городу поползли слухи, что «коммунисты открыли мощи», и к месту нахождения злосчастной мумии стали стекаться многочисленные паломники. Более того, ключ от Санпросвета пропал, а у двери кладовки каждую ночь

⁵¹¹ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1707. Л. 91.

⁵¹² Там же. Д. 1389. Л. 118.

стали дежурить монахини с целью похитить эту мумию. В итоге Оренбургский сельский райком ВКП(б) увидел в этом все признаки антисоветской и религиозной деятельности, и спустя некоторое время мумию убрали⁵¹³. Стоит отметить, что религия продолжала являться неотъемлемой частью жизни простого советского крестьянина. В деревнях и селах Советской России, в колхозах, совхозах, и на МТС хронология и порядок сельскохозяйственного года по-прежнему производился согласно церковному календарю. В докладах (СБ) СВБ отмечалось, что крестьяне обозначают важные хозяйственные этапы названием христианских святых: «до Петрова дня – вспахать, до Ильина – заборонить, до Спаса – посеять и т. д.»⁵¹⁴. Одновременно с этим партия постепенно закрепляло в обществе ежегодные социалистические праздники и ритуалы, так как «...регулярная повторяемость способствует закреплению этого события в календаре, а также кристаллизации его в сознании социума и в последующей трансляции через поколения...»⁵¹⁵.

Не только православные христиане и мусульмане искали пути для борьбы с безбожниками и их деятельностью. Сектанты вели большую религиозную работу по привлечению в свои ряды советских граждан. Материалы съездов сектантов различного толка в 1925–1926 гг. наглядно показывают способы данной работы. Например, они устраивали недели евангелизации через вербовку в какое-либо сообщество. Также настаивали на том, чтобы советская власть разрешила им расклеивать религиозные лозунги и проводить проповеди, причем не только в молельных домах, но и в городских театрах. Советская власть была недовольна проповедниками, перемещающимися по стране и выступающими также в Самарской губернии.

Одной из уникальных идей было проведение музыкально-духовных концертов с приглашением лучших сил не только из сектантов, но и из

⁵¹³ СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 20. Д. 880. Л. 150.

⁵¹⁴ Там же. Л. 168.

⁵¹⁵ Деканова М.К. Трансформация российской праздничной культуры в конце XIX – первой трети XX в.: центр и провинция: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2009.

государственной оперы. Итоги религиозной работы не заставили себя ждать. На Трубочном заводе в течение 1926 г. было завербовано 54 человека, а также еще 100 рабочих и сотрудников железной дороги⁵¹⁶. Религиозная работа производилась и среди молодежи и женщин. Например, в селе Радовка Бугурусланского уезда некий Мокей Щекачев, именовавший себя «христосом», имел несколько сожительниц и вступал с ними в половую связь. Женщин он выдавал за духовных жен и сестер и так сильно умел убеждать, что эти женщины и сами верили в это⁵¹⁷. По данным советского руководства, в Самаре проводился специальный юношеский сектантский съезд. Также существовал некий «Кружок любви» – художественный клуб по интересам⁵¹⁸.

Сложные взаимоотношения советского руководства и сектантства осложнялись тем, что в какой-то степени сектанты поддерживали советскую власть, и отнести данные религиозные организации в разряд контрреволюционных было затруднительно. Например, адвентисты 7 дня в 1926 г. были противниками вступления членов общин в ряды Красной армии, однако после Всероссийского съезда изменили свое мнение и призывали всех членов своей секты состоять в рядах красноармейцев и даже носить оружие. У баптистов можно было найти плакат, на котором изображалась женщина-сектантка в красноармейском шлеме. Несение военной службы является обязанностью каждого гражданина мужского пола в России независимо от рода деятельности, личностных или религиозных убеждений. Воинская повинность как всеобщая обязанность утвердилась в Российской империи 13 января 1874 г. уставом Александра II⁵¹⁹, и ее преобразования совершились лишь в 1918 г. Принципы отказа от военной службы «по совести», т. е. по религиозным убеждениям, открыто проявились в

⁵¹⁶ СОГАСПИ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1137. Л. 6.

⁵¹⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1700. Л. 11.

⁵¹⁸ Там же. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1137. Л. 10 об.

⁵¹⁹ Всеобщая воинская повинность: Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prilib.ru/item/405861> (дата обращения: 07.11.2022).

Российской империи в конце XIX в., когда стало транслироваться в идеях Л.Н. Толстого, который проповедовал идеи ненасилия, самосовершенствования и т. п. Однако его последователи – «толстовцы», развили идеи пацифизма и придали им особый характер, пытались соединить идеи пацифистского движения с народными традициями русской культуры, при этом преобразовать «практики пассивного сопротивления и несотрудничества сектантов и крестьян в политическую технологию, осознанный, целенаправленный, честный и открытый социальный протест»⁵²⁰. Идеи «толстовцев» оказали сильное влияние на религиозных сектантов, в том числе на баптистов, евангельских христиан, духоборов: «В отчетах обер-прокурора Синода начиная с 1898 года постоянно констатируются факты влияния “лжеучения” Толстого на сектантство и даже на православное население»⁵²¹.

Религиозные сектанты, в отличие от «толстовцев», не так принципиально отстаивали свои интересы, предпочитая излишнюю честность хитростям. В целях сохранения своих религиозных принципов сектанты зачастую обманом получали заветную замену службы, не видя в этом ничего плохого. Во время Первой мировой войны баптисты и евангельские христиане представляли собой наиболее многочисленную в Российской империи «группу отказников по мотивам религиозных убеждений»⁵²².

В Советской России привлечение граждан на военную службу регламентировалось декретом СНК от 15 января 1918 г. «О создании Рабоче-

⁵²⁰ Гордеева И.А. Отказы от военной службы и формирование пацифистского движения в России в конце XIX – начале XX века // RUSSIAN PEASANT STUDIES. 2018. Т. 3, № 4. С. 99.

⁵²¹ Пругавин А.С. О Льве Толстом и толстовцах: Очерки, воспоминания, материалы. Москва, 1911. С. 193.

⁵²² Гордеева И.А. Отказы от военной службы и формирование пацифистского движения в России... С. 89.

Крестьянской Красной Армии»⁵²³. Документ декларировал добровольный набор служащих, что, конечно, не решало вопросов по полному укомплектованию Красной армии. Поэтому к маю 1918 г. было издано постановление ВЦИК «О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию»⁵²⁴. 28 сентября 1922 г. был издан очередной декрет ВЦИК и СНК «Об обязательной воинской повинности граждан РСФСР»⁵²⁵. Согласно декрету, военную службу должны нести все граждане мужского пола. Но нетрудовые и лишенные политических прав граждане должны были проходить службу в особом порядке⁵²⁶. После образования СССР был принят закон «Об обязательной военной службе»⁵²⁷ от 18 сентября 1925 г., регулирующий несение военной службы в советском государстве, в котором были определены льготы по семейному положению, по получению высшего образования. Наконец, освобождение от воинской повинности по религиозным убеждениям было законодательно закреплено в правовой структуре СССР законом от 13 августа 1930 г., где упоминались и религиозные секты: «Гражданам, принадлежащим к религиозным сектам, учение которых запрещает ношение оружия, отбывание военной службы может быть заменено выполнением иных обязанностей...»⁵²⁸.

⁵²³ О создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии: декрет Совета Народных Комиссаров [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/rkka.htm> (дата обращения: 07.11.2022)

⁵²⁴ О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную армию: Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета [Электронный ресурс] // Хронос. Режим доступа: http://www.hrono.ru/libris/lib_1/dekret_rkka.html (дата обращения: 07.11.2022).

⁵²⁵ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1922 г. [Электронный ресурс]. Москва, 1950. Режим доступа: <https://znanium.com/read?id=165653> (дата обращения: 10.11.2022).

⁵²⁶ Шагаев В.А. Правовые основы комплектования Красной Армии в 20-е гг. XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 351. С. 118.

⁵²⁷ Закон «Об обязательной военной службе» от 18 сентября 1925 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=5637#1TTURNTKBoTSvJg4> (дата обращения: 17.11.2022)

⁵²⁸ Закон об обязательной военной службе от 13 августа 1930 г. [Электронный ресурс] // Исторические материалы. Режим доступа: <http://rkka.ru/docs/all/z130830.htm> (дата обращения: 07.11.2022).

В первые годы советской власти в вопросе об освобождении от воинской повинности советская власть поступала инновационно, стремясь привлечь сектантов на свою сторону. В октябре 1918 г. граждане, которые в силу своих убеждений не могли брать в руки оружие, получали право на прохождение санитарной службы. Немного позже, 4 января 1919 г., вышел декрет «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям», где утверждалось, как данный гражданин мог пройти военную службу: «Лицам, не могущим по своим религиозным убеждениям принимать участие в военной службе, предоставить право по решению Народного Суда заменить таковую на определенный срок призыва его сверстников санитарной службой, преимущественно в заразных госпиталях или иной соответствующей общепользуемой работой, по выбору самого призываемого...»⁵²⁹. «В подготовке этого документа принимали участие как большевики, так и представители религиозных меньшинств. Интересным положением этого декрета стало указание народным судам, чтобы при решении вопроса о возможности альтернативной службы была запрошена экспертиза Объединенного совета религиозных общин и групп (далее ОСРОГ)⁵³⁰.

Объединенный совет религиозных общин и групп был создан в октябре 1918 г. по инициативе активистов толстовского и других религиозных течений сектантов. Совет «...имел целью содействовать тому разумному, осторожному, не виданному при царском строе подходу высшей советской власти к лицам, по совести не приемлющим участия в военном деле...»⁵³¹. Также Совет занимался объединением верующих различных направлений

⁵²⁹ Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям: декрет Совета Народных Комиссаров [Электронный ресурс] // Исторические материалы. – Режим доступа: <http://istmat.info/node/37823> (дата обращения: 25.04.2019).

⁵³⁰ Савин А.И. Альтернативная гражданская служба в советской России в 1920–1930-е годы: нормативно-правовое поле и практическая организация // Институты гражданского общества в Сибири (XX – начало XXI в.). Новосибирск, 2009. С. 74–75.

⁵³¹ Цит. по: Гетель Е.И. Объединенный Совет религиозных общин и групп как одно из проявлений русского религиозного пацифизма // Долгий путь российского пацифизма. 1997. С. 303.

сектантства, устраивая лекции, собрания и съезды, решая самые различные вопросы. Создание ОСРОГа стало возможным из-за наличия личных взаимоотношений лидеров советского руководства и отдельных представителей сектантства, таких как «В.Д. Бонч-Бруевич и А.В. Луначарский, а также П.Г. Смидович и Н.К. Крупская»⁵³². Также большой авторитет имел и руководитель этого объединения, лидер движения «толстовцев» В.Г. Чертков.

По мнению П.В. Павлова, ОСРОГ уже с 1921 г. стал тяготиться обязанностью давать экспертизу по делам отказа от военной службы, и перекладывал свою работу на местных экспертов, которым не хватало компетенции и опыта квалифицированно выполнять возложенную на них работу: «Мы, как сектанты, в целом заинтересованы в том, чтобы экспертами являлись не случайные, но пользующиеся нашим доверием лица, действующие не только по мандатам сектантских организаций, но и их центральных органов. Лица эти должны получать свои мандаты на основании рекомендации местных сектантских организаций от центральных органов... будет служить ручательством за добросовестность показаний этого эксперта всего объединенного русского сектантства, а не отдельных, может быть, созданных на скорую руку в корыстных целях псевдосектантских групп»⁵³³.

При этом ОСРОГ мог и вовсе освободить человека от службы, если для этого были основания. Например, руководители сектантских общин могли освобождаться от военной службы без всякой замены. Такое решение было утверждено постановлением ВЦИК от 16 сентября 1921 г. «О пересмотре дел о лицах, осужденных за уклонение от воинской повинности по религиозным убеждениям»⁵³⁴. Согласно этому документу, право на упрощенное

⁵³² Цит. по: Гетель Е.И. Объединенный Совет религиозных общин и групп как одно из проявлений русского религиозного пацифизма. С. 302.

⁵³³ Цит. по: Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: документы и материалы: в 6 т. / отв. ред. А.К. Сорокин. Т. 1, кн. 4. № 128. Москва, 2018. С. 250–251.

⁵³⁴ О пересмотре дел о лицах, осужденных за уклонение от воинской повинности по религиозным убеждениям: декрет Всероссийского Центрального Исполнительного

освобождение от службы без необходимой альтернативы было предоставлено Народному суду, куда обращались с заявлением от общины: «...данное лицо является незаменимым работником в общине, и с взятием его на исполнение других гражданских обязанностей верующие лишаются возможности коллективно удовлетворять свои религиозные потребности...»⁵³⁵.

Советы были крайне недовольны исполнением этого декрета, так как под эгидой религиозных убеждений от службы стали отказываться совсем не верующие граждане. Потребовалось совсем немного времени, чтобы эти полномочия были отобраны у ОСРОГ другим декретом СНК РСФСР от 14 декабря 1920 г. «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям»⁵³⁶. В 1924 г. ОСРОГ был ликвидирован⁵³⁷. Отношение к военной службе среди сектантов было неоднозначным и изменялось ввиду окружающих их условий. Архивные материалы повествуют о гражданине Бондаренко, который после окончания электротехнического техникума отказался служить в Красной армии и был задержан на 2 месяца. Это произвело ошеломляющее впечатление на членов общин, и совместным решением было выявлено, что лучше жить в мире с советской властью⁵³⁸. Агитации с призывом проходить службу проводили и на сектантских съездах. На одном из таких член секты адвентистов 7 дня Свиридов из ЦК выступал с диаграммами и картами, рассказывая своим товарищам о том, что

Комитета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://istmat.org/node/46661> (дата обращения: 07.11.2022).

⁵³⁵ Цит. по: Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг. Т. 1, кн. 4. № 128. С. 251–252.

⁵³⁶ Кульчицкий А.Е. Миротворчество и пацифизм – осмысление культуры мира // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. Вып. 2.2. С. 1.

⁵³⁷ Сажин Б.Б. Стратегии политики советской власти в отношении отказов от воинской повинности по убеждениям в начале 1920-х гг. (на примере религиозного движения «неплательщиков») // Конфессиональная политика советского государства в 1920–1950-е годы: материалы XI Международной научной конференции. Великий Новгород, 11–13 октября 2018 г. Москва, 2019. С. 432.

⁵³⁸ СОГАСПИ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1137. Л. 9.

еще в древние времена христиане носили оружие, а значит, им, сектантам, можно служить в Красной армии⁵³⁹.

Вопрос о военной службе поднимался и на Всесоюзном съезде баптистов в 1923 г. В его решениях было рекомендовано обязательное выполнение государственных повинностей, а также поднят вопрос о воинской повинности, и все-таки по этому вопросу съезд не принял единогласного решения. Вместе с тем рекомендовались такие способы регулирования данной проблемы: замещение службы общественными работами, санитарной службой в армии и несением военной службы, которые не противоречили убеждениям конкретного баптиста⁵⁴⁰. Такие же идеи нашли отражение в декларации V съезда церкви адвентистов седьмого дня от 16 августа 1924 г.: «...Вероучение адвентистов седьмого дня чутко относится к свободе поступать так или иначе по сему вопросу, и каждый член, руководствуясь своими убеждениями, лично сам отвечает за отношение к военной службе, и съезд не препятствует таким членам нести строевую службу, когда их совесть им это позволяет...»⁵⁴¹. В первые годы существования советская власть пошла на уступки религиозным пацифистам и позволила заменить военную службу альтернативной. Но, это были временные меры, направленные на лояльное отношение сектантов к новому курсу на коммунизм. Вместе с тем процесс ухода от таких либеральных мер становился очевиден ввиду полной идеологической перестройки общества и развития антирелигиозной пропаганды.

Советскую власть поддерживали и евангельские христиане, которые в послании Высшего совета евангельских христиан в 1923 г. призывали своих братьев сотрудничать с советами: «...что касается советской власти, то наше отношение к ней должно быть построено, прежде всего, на прямом указании Слова Божия, повелевающего повиноваться существующей власти не из-за

⁵³⁹ СОГАСПИ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1137. Л. 9.

⁵⁴⁰ Цит. по: Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг. Т. 1, кн.4. № 262. С. 487.

⁵⁴¹ Там же. № 290. С. 509.

страха, но по чистой совести... до сведения Союза доходит, что со стороны некоторых наших братьев, проживающих в России, наблюдались случаи пропаганды отказа от военной службы, неплатежи налогов и т. п. ... Настоящим Высший совет евангельских христиан категорически осуждает такие действия и заявляет, что таких лиц он не будет считать своими членами... Мы призываем наших братьев работать искреннее и беспрекословно во всех советских учреждениях – военных и гражданских – Республики, а также нести военную службу в Красной армии...»⁵⁴².

Поддержка и признание государственной власти и необходимых повинностей обсуждались и на Всесоюзном съезде баптистов, который состоялся 9 декабря 1923 г.: «...Съезд подтверждает неизменно лояльное отношение к советскому правительству с момента его возникновения до сего времени и, признавая, что оно действительно искренне старается защищать интересы трудящихся...»⁵⁴³. Большая религиозная работа, проводимая сектами, была возможна из-за наличия платформы, которую предоставила советская власть этим религиозным объединениям еще в самом начале установления взаимоотношений. Сектам было предоставлено достаточное количество прав, что позже привело к некой обособленности сект и к построению внутренней организации наподобие советской. У власти вызывали опасения большое количество литературы, которую имели практически все секты. «Мы им разрешили официально печатать литературу, но теперь понимаем и не будем»⁵⁴⁴. Сектантские организации в основном существовали за счет получения помощи от заграничных единомышленников, а также за счет пожертвований прихожан. По данным архива, председатель Союза адвентистов 7 дня ездил в Америку и оттуда бесплатно привез около 50 тыс. экземпляров библии, денежный перевод на 25 000 руб. и ряд песнопений на русском языке. Также в этой связи следует

⁵⁴² Цит. по: Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг. Т. 1, кн. 4. № 251. С. 468–470.

⁵⁴³ Цит. по: Там же. Т. 1, кн. 4. № 262. С. 487.

⁵⁴⁴ СОГАСПИ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1137. Л. 9.

упомануть Всемирный союз евангелистских христиан, основанный в Ленинграде, с целью создания Интернационала сектантов. Председателем стал некий Проханов – бывший купец и, по данным советской власти, контрреволюционер. Бюджет каждой общины различался, но обычно показатели были высоки. Так, баланс общины Адвентистов 7 дня на 1926 г. в сумме по приходу выходил на 44 000 руб., а расход – на 39 000, что говорит об устойчивом финансовом положении сект. Этот факт подтверждает и то, что сектанты хотели заплатить за аренду городского театра 1000 руб.⁵⁴⁵ Однако сами сектанты опровергали такие заявления со стороны властей и всячески старались доказать отсутствие связей с иностранными организациями. В этом плане показательно письмо коллегии совета Всероссийского союза баптистов М. Гореву от 23 апреля 1923 г. Баптисты писали, что сектантские общины издавна находились на русской земле, боролись с несправедливостью царских законов и ущемлений и сами были в ответе за сохранение общин. «...Если сектанты не щадят свою жизнь, то неужели Вам не известно, что они не щадят и своих средств. Во всем мире труженики-члены баптистских общин собирают гроши на так называемое ведение миссии, и деньги богачей там, в этом море, являются ничтожным вкладом. Если бы заграничные братья и сестры присылали бы русским денежную помощь для пропаганды, то русские баптисты не стыдились бы и не побоялись бы в этом признаваться...»⁵⁴⁶.

Очевидно, что взаимоотношения сектантских организаций и советского руководства в Самарской губернии и Средневолжском крае 1920-х гг. развивались в соответствии с общей политикой советской власти в области религии. Ввиду того что указанный регион представляла собой пеструю картину различных христианских нетрадиционных религиозных

⁵⁴⁵ СОГАСПИ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1137. Л. 8 об.

⁵⁴⁶ Цит. по: Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг. Т. 1, кн. 4. № 226. С. 431.

объединений, политика советской власти по отношению к ним является типичной для провинции.

Сызрань как один из крупных городов, входящий в Самарскую губернию, а затем в Средневолжский край, в 1920-е гг. имела развитую духовную жизнь во всем ее многообразии. В городе действовали все традиционные религиозные конфессии, такие как православное христианство, ислам, католичество и протестантизм, а также сектантские образования, которые были представлены в городе и округе достаточно многообразно. В Сызрани секта баптистов насчитывала 60 членов, из которых большинство являлись латышами, в с. Безводовск община состояла из 25 человек, в латышском поселке «Смиттен» – 57 прихожан, в с. Трубетчина – 63 человека, в с. Батрацкие выселки – 25 человек, в с. Рептевка – около пяти прихожан. Существовали и одиночные баптисты в Шигонском районе – в селах Климовка, Левашевка. Другая секта – адвентистов седьмого дня, по архивным данным, она составляла в г. Сызрани 40 человек⁵⁴⁷, но численность прихожан сокращалась. Причинами были выявлены плохое руководство и тяжесть «десятины» в размере 10 %, которую были обязаны платить все прихожане. Общиной постников руководил проповедник Исаев. Она включала в себя 47 официальных членов, но многие из реальных прихожан, особенно зрелого возраста, были не зарегистрированы ввиду боязни преследования. Также община хлыстов существовала в с. Кузоватове и насчитывала 18 человек⁵⁴⁸. Анализ сектантских образований в различные годы показывает, что численность прихожан постепенно уменьшалась.

Сызранская организация Союза воинствующих безбожников имела сведения о состоянии культовых зданий сектантских образований и количества их проповедников. В 1929 г. старообрядцы-поповцы имели 4 молитвенных здания и 7 человек церковных служащих, старообрядцы-

⁵⁴⁷ СОГАСПИ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 397. Л. 59.

⁵⁴⁸ Там же. Л. 22.

беспоповцы занимали 12 молитвенных зданий и имели в штабе 19 пресвитеров. Баптисты составляли 4 группы и столько же проповедников, а христиане-постники и хлысты – по 1 проповеднику соответственно. Адвентисты 7 дня также обладали одним молитвенным домом и одним проповедником⁵⁴⁹. Сведения по сектам в Сызрани собирались на основе зарегистрированных данных, но на самом деле сектантских организаций в городе было больше. Сызранская ячейка организации Союза воинствующих безбожников, так же, как и самарская ячейка, организовывала массу агитационных кампаний по вовлечению граждан в свои ряды. Такие мероприятия проводились под лозунгом «каждый не верующий должен быть членом СВБ» и, по архивным данным, позволили увеличить состав сызранской ячейки до 5500 человек. Интересным фактом является указание на большую роль молодых женщин, активно вступавших в СВБ в связи с сильным влиянием на них пропаганды⁵⁵⁰.

Наряду с активными действиями пропаганды Союза безбожников (Союза воинствующих безбожников) не менее интенсивную работу проводили церковники и сектанты. В одном из отчетов организации СВ (СВБ) указывалось, что данные религиозные группы проводят работу по срыву коллективизации. Также говорилось о том, что проповедники и попы произносят проповеди о страшной взаимосвязи между проводимой коллективизацией и созданием колхозов с концом света. Причиной было названо повсеместное закрытие церквей и молельных домов, а потому было сказано, что без веры в Бога мир существовать не будет. Отмечалось, что общины стали проводить перерегистрацию своих членов и после проверки, вычеркивать всех, кто уже успел записаться в колхозы. Ситуация с колхозами на самом деле была напряженной. Религиозный фактор, влияющий на выход из колхозов, играл не последнюю роль в общей ситуации выходов по краю, сочетаясь при этом с другими объективными

⁵⁴⁹ СОГАСПИ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 397. Л. 8.

⁵⁵⁰ Там же. Л. 10.

причинами. Так, по сообщениям спецсводки № 28 ПП ОГПУ по Средневолжскому краю о массовых выходах из колхозов и откликах деревни на объявленные льготы колхозам, общее число вышедших из колхозов на 10 апреля 1930 г. составляет 359 409 хозяйств. Сравнивая эти данные с предыдущей сводкой от 1 апреля, можно обнаружить, что всего за 8 дней число выбывших хозяйств равнялось 118 516. Наиболее пораженными территориями края стали Мордовская область с 64,1 % выхода, Ульяновский округ с 72,1 %, Кузнецкий – 67,7 %, Сызранский – 52,5 % и Оренбургский – 43,8 %⁵⁵¹. На 1 июня 1932 г. по Средневолжскому краю вышло из колхозов более 1,5 тыс. хозяйств⁵⁵².

Интересная ситуация, связанная с данным фактом, возникла в г. Усинске. Там в период рождественских празднеств у одной бывшей дамы легкого поведения (дословно проститутки) обновилась икона. После этого женщина стала говорить жителям села: «...я была неверующая безбожница и хотела записаться в колхоз, а теперь уверовала, и пусть что хотят со мной, то и делают, а в колхоз я не пойду»⁵⁵³. Сектанты стали распускать слухи о скором пришествии Христа для совершения суда над нечистыми. Ими также особенно проповедовалось учение Л.Н. Толстого «О непротивленчестве злу», «О задачах человечества в совершенствовании» и прочие сочинения.

Сектанты пользовались и другими методами воздействия на население. В газете «Коммунистический быт» Новоспасского района была опубликована заметка о «химической атаке» в антирождественский вечер. Суть этого инцидента заключалась в том, что в разгар антирелигиозного праздника неизвестными в клуб был пущен странный газ, в результате чего несколько девушек были госпитализированы в больницу. После этого среди

⁵⁵¹ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. / Т. 1. 1918–1922 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. Москва, 2000. С. 282.

⁵⁵² Там же. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 2. 1932–1934 гг. / под ред. А. Береловича, Л. В. Данилова. Москва, 2005. С. 119.

⁵⁵³ СОГАСПИ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 397. Л. 19.

граждан пошел слух о жесткой Божьей каре за неверие и борьбу с ним⁵⁵⁴. Стоит отметить, что этот случай, по зафиксированным данным, оказал большое влияние на всех жителей близлежащих сел. В ходе борьбы с безбожниками в губернии наметилось сближение церковников с сектантами. Так, в марте 1929 г. состоялось объединенное собрание всех сект Шигонского района под председательством местного попа Писарева. В это же время в Сызрани состоялось объединенное заседание живоцерковников и сектантов под председательством епископа Расторгуева, на котором обсуждался вопрос о создании единого фронта для борьбы с безбожниками⁵⁵⁵. Стоит отметить, что для усиления религиозного влияния на население церковники и сектанты использовали подпольные методы пропаганды. Так, помощник проповедника секты адвентистов седьмого дня работал кондуктором в Сызрани, где и проповедовал слово Божие населению, а молитвенный дом данной секты был переведен в рабочий район. Также ряд баптистов, пользуясь служебным положением, проповедовали слово Божие на железнодорожных станциях и заводах⁵⁵⁶. Таким образом, сектантство в г. Сызрани и его округе на 1929 г. было представлено достаточно широко. Несмотря на антирелигиозную пропаганду по всей стране, сектантские образования еще открыто существовали в условиях советской действительности и даже пытались сопротивляться безбожникам, распространяя религиозную пропаганду на население.

2.3. Практики «обновления икон» в частной жизни верующего населения

В борьбе за сохранение религиозности верующее население Советской России использовало различные средства. Наряду с протестами против закрытия храмов и церквей, изъятия церковной утвари народ продолжал

⁵⁵⁴ СОГАСПИ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 397. Л. 20.

⁵⁵⁵ Там же. Л. 58.

⁵⁵⁶ Там же.

следовать старым традициям народной религиозности – специфическим чертам народной культуры и частным культовым практикам, закрепившимся в бытовом поведении народов⁵⁵⁷. Ярким примером в данном отношении стали массовые случаи обновления священных образов. Они сопровождались различными странными явлениями, такими как вспышки света, мироточение, особое свечение и т. п., что заставляло людей с особой благодатью относиться к «чудесным» иконам и поклоняться им. Первые известные случаи «обновления икон» известны еще в конце XVIII – начале XIX в., преимущественно на территории Украины. Однако к середине XIX в. они стали обыденными явлениями в Центральной России. Один из первых случаев был описан в 1842 г.⁵⁵⁸, после чего данное явление распространилось практически по всем губерниям Российской империи, вызывая большой интерес у населения. «Обновления» часто сопровождались паломничеством. К местам происшествия стекались не только местные жители, но и интересующиеся со всех окрестных сел и деревень, многие из которых шли по несколько дней, дабы приклониться к иконе. Не вызывает сомнений отрицательное отношение высшего православного духовенства к данным явлениям, так как еще в начале XVIII в. они отвергали такие иконы и даже изымали их у обладателей⁵⁵⁹.

В середине 1920-х гг. и в Самарской губернии наблюдалась масса таких случаев «обновления». Об этом нам свидетельствуют информационные сводки Самарского губернского отдела ОГПУ за 1925 г. Процесс обновления начался в феврале, о чем свидетельствует информационная сводка № 7 с 23 февраля по 1 марта 1925 г. Так, в с. Борском у гражданина Антимонова Михаила 18 февраля обновились 3 иконы. Проведенным обследованием экспертной комиссии под председательством помощника прокурора по

⁵⁵⁷ Мурзин А.А. Народная религиозность как феномен культуры. Москва, 2017.

⁵⁵⁸ Бутов И.С., Томин Н.В. Нарративы, связанные с обновлениями и мироточениями икон, в Российской империи до революции 1917 г. // Кант. 2022. № 1 (42). С. 106.

⁵⁵⁹ Там же. С. 107.

Бузулукскому уезду тов. Баркова установлено, что «обновление» произошло тщательной промывкой стекол на иконах. Комиссия постановила иконы изъять, а дело передать народному следователю для расследования и привлечения к ответственности. Также в этот период получены сведения об еще одном обновлении у одного гражданина 28 февраля⁵⁶⁰, что вызвало озабоченность у местных властей. В с. Богдановка Неплюевской волости у председателя сельсовета Ледовского в марте обновились две иконы. Для разоблачения этой махинации из Бузулука была направлена комиссия⁵⁶¹ (Инфосводка № 8 с 1 по 7 марта 1925 г.).

Особенно ярко волна обновлений прокатилась по Бузулукскому уезду. В инфосводке № 17 с 8 по 16 мая 1925 г. отмечалось, что обновление икон там принимало эпидемический характер. С 6 февраля по 4 мая было обнаружено 5 случаев обновления икон. Начало обновления было положено в д. Н. Ключевке Неплюевской волости. Затем обновление перешло в волости, расположенные рядом с Неплюевской, и даже в Бугурусланский уезд. Для расследования каждого случая в отдельности создавались экспертные комиссии, которые раскрывали обман в присутствии представителей от верующих и духовенства⁵⁶². Благодаря участвовавшим случаям с обновлениями икон массовое паломничество прекратилось. Исключение составили иконы гражданина Стрельникова Е., куда шло много поклонников. Изъять иконы, за исключением одной, не представилось возможным, так как крестьяне не соглашались сдать иконы не как святыни, а как вещь, за что они платили деньги. В июньской инфосводке с 1 по 8 июня 1925 г. № 20 сообщалось о распространении случаев обновления икон по Бузулукскому уезду. Так, ОГПУ подчеркивало: «Иконы обновляются в большинстве случаев у нетрудового элемента, торговцев и бывших держателей предприятий, а также и у зажиточных крестьян. Всего на

⁵⁶⁰ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1708. Л. 70.

⁵⁶¹ Там же. Л. 79 об.

⁵⁶² Там же. Д. 1707. Л. 15.

указанный период «обновилось» 133 иконы, из них по уезду 117 и в самом г. Бузулуке – 16 икон. Волна обновления продолжилась. Так, например, 26 мая обновилась икона в с. Грачевка у гражданина Кадушкина С. (бывшего члена РКП(б)). Созданной экспертной комиссией установлено, что в иконы втиралась специальная масса, а также иконы «подвергались тщательной и осторожной чистке различными кислотами, благодаря которым иконы и приобретали обновленческий вид»⁵⁶³. По делам обновления икон велось строгое следствие. Также обновления произошли в с. Коноваловка Борской волости Бузулукского уезда у гражданин Корнеева Т. и Евдокимова А. и в с. Токмачевка у гр. Прасоловой⁵⁶⁴ (Инфосводка № 19 с 24 по 31 мая 1925 г.). В с. Степановские выселки Байтуганской волости Бугурусланского уезда у местного жителя Родионова обновилась икона. К месту происшествия стало стекаться масса народа, преимущественно стариков и старух. «Побывал на обновлении и священник с. Ступановка, который в присутствии граждан уверял, что икона действительно обновилась, и запугивал, что эта икона – преддверие скорого конца мира» (Инфосводка № 25 с 15 по 31 июля 1925 г.)⁵⁶⁵.

Советская власть боролась с проявлениями народной религиозности и старалась научными объяснениями опровергнуть процесс обновления икон. Так, 24 мая 1925 г. в церкви после богослужения местным священником Металловым присутствующим была прочитана проповедь, в которой содержалась антисоветская агитация. Священник сказал: «...братие не слушайте вождей, которые везде и всюду пишут и агитируют, что нет бога, они вас, православных, ведут к гибели, остерегайтесь всех агитаторов и безбожников. Власть нас притесняет, ибо не разрешает совершать богослужения перед благодатью божьей – чудо обновленными иконами»⁵⁶⁶. В Дмитриевской волости Самарской губернии появилась икона

⁵⁶³ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1707. Л. 44.

⁵⁶⁴ Там же.

⁵⁶⁵ Там же. Л. 90.

⁵⁶⁶ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1707. Л. 51.

«чудотворная», изменяющая цвет лица. Созданная комиссия от Губернского исполнительного комитета (ГИКа) с представительством члена Губотдела по раскрытию шантажа установила, что появление радужных цветов на ризе иконы есть не что иное, как естественный результат окисления металла ризы⁵⁶⁷ (Инфосводка № 20 с 1 по 8 июня 1925 г.). Дела по раскрытию обновлений икон рассматривались в суде. В инфосводке № 21 с 8 по 16 июня 1925 г. говорилось о том, что 9 июня в г. Бугуруслане «обновилось» 4 иконы. В тот же день была созвана специальная экспертная комиссия из представителей различных заинтересованных организаций. 10 июня состоялся судебный процесс в ходе, которого демонстрировался процесс обновления икон. Крестьяне заполнили зал суда. Стоит отметить, что данные меры, применяемые властью, проводились для пресечения в корне всех этих вводивших в заблуждение масс чудес, что вызывало со стороны священнослужителей озлобление и недовольство, так как, по их мнению, обновленные иконы есть «нисхождение благодати божьей»⁵⁶⁸. В этих чудесах они видели поддержку своей религиозной деятельности.

Население сел и деревень, охваченное «пандемией» обновления икон, всегда с интересом воспринимало данные явления, но их действия в основном ограничивались преклонениями к образам, молитвами. Однако были и случаи выступлений отдельных граждан, явно направленных на поддержку религии и вызывавших у ОГПУ опасения, что нашло отражение в их сводках. Так, инфосводка № 22 с 16 по 30 июня 1925 г. содержит следующую информацию. Во время обновления иконы в с. Любимовка у гражданина Гребенникова к нему пришел его односельчанин Гаврилов. Войдя в дом он, в присутствии всей публики взял в руки обновленную икону и стал ее целовать. При этом уверял присутствующих, что это чудо, данное Богом: «...коммунисты не могли нас запачкать, а также и вся РКП(б)... я

⁵⁶⁷ Там же.

⁵⁶⁸ Там же. Л. 50.

учился 17 лет, видел много ученых, и все они верят в Бога»⁵⁶⁹. Были и случаи, когда обновления случались настолько часто, что люди переставали в них верить. Или они происходили совершенно открыто, что вызывало недоверие публики. 4 июля в с. Троцком в базарный день у одного из зажиточных крестьян «обновилась» икона. Он вышел на улицу и начал оповещать всех об этом. На его крики собралась целая толпа, в которой начались всякие толки и пересуды. В этот же день «обновления» произошли и в других домах. Так, в течение 4 часов обновилось до 200 икон. Это явление дошло до того, что публике надоело ходить из двора во двор, и в конце концов она начала уже иронически относиться к этим «обновлениям», совершенно бессмысленным, например, «одна женщина выбежала на улицу и кричит, что у нее «обновилась» икона, а когда был произведен осмотр, то оказалось, что в действительности ничего подобного нет, иконы стоят все старые и запыленные. На другой день, по примеру с. Троцкого, начали происходить «обновления» икон и в других селах, но, как говорят сами крестьяне, весьма неудачно. Местными властями в противовес этому мер никаких не принималось,

2 июля в с. Сосновка Аманакской волости Бугурусланского уезда у гражданки Мамыкиной Прасковьи «обновилась» бумажная икона. Было установлено, что икону вымыла дочь Мамыкиной, не сообщив об этом матери (Инфосводка № 24 с 7 по 14 июля 1925 г.)⁵⁷⁰. Аналогичное явление произошло 19 июня на Абдулинском заводе Аманакской волости у гражданки Купцовой, у которойновились две иконы. Приехавшая комиссия из-за неопытности ее членов не смогла объяснить крестьянам это явление⁵⁷¹. В с. Степовские выселки Байтуганской волости Бугурусланского уезда у гражданина Родионова Михаила и в деревне Михайловка у

⁵⁶⁹ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1707. Л. 65.

⁵⁷⁰ Там же. Л. 50.

⁵⁷¹ Там же. Л. 84.

гражданина Андрианова 11 июля «обновились» иконы⁵⁷². Многие крестьяне относились к этому доверчиво. Было предложено Волостному исполнительному комитету (ВИКу) создать комиссию для расследования. Выявлен и совсем уникальный случай, описывающий в деталях процесс обновления иконы силами нескольких людей согласно информационной сводке № 25 с 15 по 31 июля 1925 г. Священник с. Алтуховка Кинель-Черкасской волости Бугурусланского уезда Соколов совместно с заместителем председателя сельсовета Миньковым, церковным старостой Воронцовым и гражданином с. Алтуховка Федолиным в ночь с 8 на 9 мая при помощи врача И.И. Богородского обновили икону Николая «Чудотворца». Для обновления иконы врач использовал химические препараты, составленные врачом Богородским И.И. Одновременно с обновлением иконы священник Соколов решил произвести искусственное истечение крови из антиминос Иисуса Христа, но на это не соглашался регент церкви Сидоров С., который написал об этом в газету «Луч коммуны», одновременно он направил заявление помощнику прокурора по Бугурусланскому уезду, по всей видимости, пресекающему данные поступки. Комсомолец Кострикин сообщил о действиях Сидорова священнику Соколову и заместителю председателя сельсовета Минькову. Для того чтобы избавиться от Сидорова, Соколов подговорил Минькова созвать общее собрание и на нем убрать регента Сидорова из с. Алтуховка в 24 часа. Он предлагал убить или же избить его. Для избияния Соколовым был нанят за пять рублей уголовник Колчиков, который Сидорова избил. Подчеркивалось, что Соколов пользуется среди населения авторитетом и последние всецело находятся под его влиянием⁵⁷³. Анализируя массовые случаи проявления народной религиозности, можно заключить, что традиционное народное сознание в деревнях и городах Самарской губернии использовало имплицитные практики сопротивления новому атеистическому миру

⁵⁷² СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1707. Л. 84.

⁵⁷³ Там же. Л. 90.

советской страны через «обновления икон», позволяющие «чудом» спасти душу от безбожия, подобно тому, как люди Петровской эпохи носили под новым мундиром вериги.

Кроме особого отношения к священным предметам, церковной утвари и прочих вещей, народная религиозность также выражалась в особом отношении к неофициальным представителям Церкви – всевозможным старцам, святым, юродивым. Большой интерес в этом отношении представляет уголовный процесс 1928–1929 гг., именуемый «Делом Вавилого Дола», носящий оттенок как народной религиозности, так и отголосок репрессивных действий в отношении священнослужителей. Оно было квалифицировано советской властью как раскрытие контрреволюционной организации, созданной служителями культа, однако, по сути, было преступлением, а точнее, убийством, совершенным на религиозно-фанатической почве. Сам факт бытового убийства был хорошо вписан в модель раскрытия контрреволюционной деятельности священнослужителей Вавилова Дола – природного памятника, служащего местом паломничества верующих, находившегося в современной топонимике «южнее села Марьевка Пестравского района Самарской области». Место характеризуется наличием святых источников со дна оврага, где в XIX в. был основан монастырь, и являлось местом притяжения богомольцев со всей страны.

Сам факт убийства произошел не в вышеупомянутом месте, а на Горно-Шишканском хуторе Большеглушицкого района, которого в данный момент не существует. Если кратко описывать сам случай, то убийство было совершено группой лиц во главе с крестьянкой Прасковьей Шубиной, а также ее мужем и ближайшими знакомыми в состоянии религиозного экстаза после того, как деревню посетил старец отец Кондратий, пришедший в деревню незадолго до убийства и устраивавший «моления». Жертвой религиозного фанатизма стала старая крестьянка из соседнего села Макрида Нещадова, которая ходила к вышеупомянутой Прасковье Шубиной на

молитву, так как после ухода отца Кондратия из деревни она стала местной святой. Сначала группа лиц жестокого избивали старушку, совершали изуверские действия и всячески глумились над женщиной, после чего она скончалась. Дело вызвало небывалый резонанс в обществе, а само расследование шло практически год. Валерий Ерофеев, автор статьи по делу Вавилова Дола, исследовавший это преступление по материалам архива Самарского областного суда, приводит выдержки из протоколов допросов участников и очевидцев тех событий, которые навевают ужас. Так, например, показания Сологубова Ефима Ивановича – односельчанина убийц – показывают степень фанатизма и жестокости, с которой была убита гражданка Нецадова: «16-го июня с. г. я, работая в степи, узнал, что Шубина свое имущество раздает гр-нам с крестом в руках, говоря, что оно нам теперь не нужно, т. к. наступает конец света. Узнав об этом, я пошел в пос. посмотреть, что там творится... Увидел следующую страшную картину: на улице перед землянкой Шубиных лежит какая-то женщина, обнаженная до талии вся в крови, голова ее чем-то завернута, и на голове совершенно обнаженная с медным большим крестом в руке сидит Шубина Прасковья, а Шубин Василий бьет эту женщину ногой по всем местам тела... Я стал говорить: “Что вы наделали!”, на что они, т. е. Шубины, ответили, что убили сатану... После этого Шубина всех, кроме нас троих, ввела к себе во двор, обещая им, что за содеянное они все вместе с ней попадут в рай».

Значительный интерес представляют показания отца Кондратия, которого также считали в качестве подозреваемого, хотя тот уже не находился в деревне. Свою деятельность он описывал как странствование, которое дает ему средства к существованию, хлеб и постель в каждой деревне. «Когда я прихожу в какое-либо село, то религиозные крестьяне собираются молиться. Я в чашку опускаю свой крест со словами “господи благослови”. Я даю эту воду как святую, и присутствующие начинают пить, чтобы изгнать бесов. В это время женщины начинают кричать и дерутся за меня, называют меня спасителем, целуют мне ноги и лапти, тогда я им даю

пить воды, и они успокаиваются. Я в эту историю не верю, а также я и не верю ни в каких бесов. Я притворяюсь святым для того, чтобы мне больше дали... Когда я прихожу в село, то мне женщины предлагают их лечить. Я их заставляю топить баню и мыть меня. Когда в баню ходим вдвоем, а иногда ходим я и несколько женщин, в бане они раздевают меня, моют и парят, воду, которая течет с меня, они собирают, пьют и хранят как святую. Когда я был моложе, то в бане с женщинами имел часто половые сношения, а теперь реже, так как уже становлюсь слабосильным. В данное время я удовлетворяюсь лишь тем, что женщин щупаю за половые органы и за другие части тела. В бане я лечу женщин крестом и разными камнями, отвожу то место, где болит. Все это я делаю для того, чтобы лучше кормили, поили и больше давали... Когда я у кого-либо ночую, то ложусь с молодыми девочками лет по четырнадцати или по пятнадцати, родители против этого не возражают, думают, что со святым отцом поспать есть святое дело. Я, когда лягу с девочками, то я их щупаю за все части тела, целую их и этим удовлетворяюсь, но половых актов с ними не совершаю. Иногда я также ложусь спать с 10–12-летними девочками и с ними так же делаю, как и с 15–16-летними...»⁵⁷⁴.

Тут стоит отметить сильный уровень народной религиозности, который хорошо виден, по словам отца Кондратия. Представляясь старцем, Кондратий влиял на эмоциональное состояние верующих, подвигая их делать все вышеупомянутые вещи добровольно, что естественным образом беспокоило советскую власть, так как запретить официальные церковные службы было еще под силу, а вот искоренить народные формы религии и их обрядности было практически невозможно. А тем более, когда эти формы порождали преступления. На протяжении 1928–1929 гг., когда дело продолжало изучаться и расследоваться, была обнаружена связь старца

⁵⁷⁴ Ерофеев В. Дело Вавилова Дола [Электронный ресурс] // Ерофеев В. Историческая Самара. Режим доступа: <https://историческая-самара.рф/каталог/самара-криминальная/судебные-дела/дела-по-ук-рсфср-1926-1960-годов/дело-вавилова-дола.html> (дата обращения: 20.10.2022).

Кондратия с церковной общиной «Вавилова Дола», что и послужило трамплином для последующего обвинения священнослужителей этой церковной организации, что и вылилось в репрессивные действия по отношению к шестерым участникам церковной общины. Стоит отметить, что непосредственные убийцы признавались не вполне вменяемыми и получили весьма условные приговоры. После окончания судебного процесса все религиозные постройки в Вавиловом Доле были снесены НКВД. Данное расследование подводит нас к нескольким выводам. Во-первых, это наличие даже к концу 1920-х гг. сильного влияния народной религиозности на население. Действия старца Кондратия не вызывают большого удивления, если вспомнить о том, что люди, отлученные от Церкви, имеющие способность убеждать людей и влиять на их эмоциональное состояние сопровождали повседневную жизнь русского общества на протяжении всей ее истории. Описанные события указывают на силу убеждения одного человека, способного своей деятельностью спровоцировать даже уголовное преступление. Во-вторых, данные документы свидетельствуют об усилении в конце 1920-х гг. гонений на религию, что выразилось в перекалфикации этого дела с бытового убийства на преступление контрреволюционного характера.

Духовенство различных конфессий Самарской губернии и Средневолжского края на всем протяжении 1920–1930-х гг. пыталось отстаивать свои позиции, используя для этого различные методы. Сначала их тактика заключалась в попытках договориться с большевиками, пойти на вынужденные уступки и организовать свою работу в поставленных партией условиях. Затем с началом антирелигиозной пропаганды деятельность духовенства характеризовалась открытым сопротивлением советской власти, выступлениями перед верующим населением при проведении церковной службы, участием в диспутах наравне с коммунистами. Последний этап во взаимоотношениях властных структур и священнослужителей сложился в условиях репрессивных мер и был связан с подпольной деятельностью,

косвенным влиянием на сознание граждан с использованием их ограниченных представлений о мире и религии в целом и просто с попытками выжить. Верующее население на всем протяжении 1920–1930-х гг. активно поддерживало религиозные организации того или иного культа, боролось за сохранность религиозных зданий и возможность проводить обряды. Более того, с ужесточением мер в отношении религии, большая группа верующих также пыталась спрятать свое благочестие за фасадом нового советского быта, все чаще обращаясь к неортодоксальным формам вероучений, как, к примеру, паломничества, походы по следам различных старцев и проповедников, обновления икон. Все это говорит о высоком уровне религиозности населения Самарской губернии и Средневолжского края на всем протяжении указанного периода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Революционные события октября 1917 г. изменили все стороны жизни общества. Духовная сфера не стала исключением. С 1917 по 1930-е гг. в молодом советском государстве происходила трансформация духовной жизни народа, традиционная религиозная картина мира менялась на атеистическое мировоззрение строителей коммунизма. С самых первых месяцев нахождения у власти большевиками были опубликованы декреты, касающиеся отделения Церкви от государства и школы от Церкви. В этот период молодая советская власть находилась в неустойчивом положении из-за событий Гражданской войны, голода 1921–1922 гг., непризнания на мировой политической арене. Религия, как главный союзник прежней царской власти, становилась опасным врагом для повсеместного распространения идеологии марксизма и установления власти большевиков. Именно поэтому высшим руководством советской власти были положены все силы на понижение роли религиозных институтов в жизни общества, на обличение духовенства и искоренение традиционных религиозных обрядов.

Русская православная церковь ввиду своего особого положения государственной религии в дореволюционной России оставалась самым главным предметом опасения большевиков и их самым сильным соперником. На всем протяжении 1920–1930-х гг. Русская православная церковь боролась за свои права. С 1917 по 1922 г. ее целью были установление главенствующего положения религии в государстве, осуждение начала антирелигиозной деятельности государства, и борьба за неприкосновенность духовенства. С 1922 г. в стране начинается массовый голод, и с этого момента набирает обороты антирелигиозная деятельность государства. Кампания по изъятию церковных ценностей в пользу голодающих постепенно перерастает в организованное антирелигиозное движение, оказывается идеологическое давление на все слои населения.

Антирелигиозная политика в Самарской губернии и Средневолжском крае в 1920-е гг.-1930-е гг. являлась типичной для провинциального региона, совмещая в себе курс на развитие в обществе безбожного мировоззрения и развития марксистской идеологии. По всей стране начинает проводиться антирелигиозная пропаганда, оказывается идеологическое давление на все слои населения. С 1925 г. появляется одна из главных организаций по распространению новых традиций – Союз безбожников, ставившая перед собой амбициозные задачи по превращению советского общества в полностью атеистическое. Деятельность этой организации в 1920-е гг. в Самарской губернии была достаточно активной на протяжении указанного периода, однако она характеризовалась слабой слаженностью в работе между ячейками и отсутствием четкого плана, необходимого для реализации антирелигиозной пропаганды с учетом провинциальных особенностей региона. Несмотря на это, на всем протяжении первого десятилетия советской власти по всей территории губернии проводилась масса антирелигиозных мероприятий. В основном все мероприятия были организованы с помощью Комсомольской организации, служащей главным оплотом антирелигиозной политики в регионе. Антирелигиозная политика старалась охватить все категории населения страны, особое значение было уделено атеистическому воспитанию детей и школьников. Под особый контроль были взяты Красная армия, рабочие и студенты.

В рамках антирелигиозной политики советской власти использовались различные средства, заключающиеся в создании отрицательного образа религии в глазах общества. Сатирические приемы высмеивания традиционных религиозных праздников, образов духовенства стали первыми методами борьбы советского руководства в рамках проводимой безбожной политики в начале 1920-х гг. Подчеркивалась отсталость религиозных представлений, что подкреплялось проведением тематических лекций, митингов и диспутов с участием лекторов. Большое значение имели театрализованные представления, которые в наглядной форме должны были

доносить до публики реакционную роль религии в советском обществе и показывать путь к просвещению и образованию на основе новой идеологии. Советская власть старалась использовать все возможные средства на пути реализации проводимого курса, подключая к своей работе органы печати, художников, представителей культуры и искусства. Также в этой работе был задействован антирелигиозный музей, открытый в Самаре в 1925 г. одним из первых в стране. В его экспозицию были включены многочисленные разделы, содержащие предметы культа, плакаты, таблицы и другие экспонаты. Антирелигиозный музей стал площадкой для проведения познавательных лекций, экскурсий.

Реализация антирелигиозной политики в Самарской губернии (Средневолжском крае) в ранний советский период в целом велась в рамках общероссийских тенденций, однако имела и ряд своеобразных черт, так как Самарская губерния являлась многонациональным и многоконфессиональным провинциальным регионом. С начала 1920-х в городе началось открытое противостояние советской власти и Самарской епархии православных христиан, которое усугублялось возросшей ролью обновленчества в губернском центре. Русская Православная церковь в Самарской губернии была представлена сторонниками патриарха Тихона и сторонниками «живой» Церкви – обновленцами. Политика советской власти по отношению к религиозным культам национальных меньшинств в Самарской губернии – представителей конфессий мусульман, иудеев, католиков, протестантов – была направлена на сближение в послереволюционные годы, однако постепенно переросла в открытое противостояние. Стоит заметить, что большевистское руководство старалось действовать в отношении представителей данных культов осторожно и более сдержанно, чем в отношении Русской православной церкви. Такое отношение объяснялось попыткой сохранить мирные отношения с национальными меньшинствами, что было необходимо в условиях Гражданской войны и первых лет установления советской власти. Также

среди прочих факторов подчеркивалась отсталость некоторых сел и деревень, где жили представители национальных меньшинств, например, татары и башкиры, что требовало разработки особых инструкций при организации безбожной работы с ними. Однако к концу 1920-х гг. они также стали объектом более жесткой антирелигиозной политики и были вынуждены пытаться сохранять свои устои в рамках частных практик.

В Самарской губернии (Средневолжском крае) религиозные организации различных культов оказывали большое сопротивление проводимой антирелигиозной политике. Русская православная церковь в основном действовала с помощью духовенства и деятельности отдельных священников, проводящих работу с населением. Муллы, руководители религиозных общин и другие представители религиозных объединений организовывали мероприятия, направленные на популяризацию религиозных вероучений, религиозного образования, а также противопоставляли религиозные традиции новым бытовым практикам, внедряемым советским правительством. Вся эта религиозная работа в губернии оказывала негативное влияние на проведение антирелигиозной политики в регионе и вызывала недовольство руководителей партии. Нетрадиционные религиозные объединения христианского толка (сектантские организации) представляли, с точки зрения руководства страны, большую угрозу для проведения антирелигиозной работы, так как имели четко организованную иерархическую структуру, реализовывали религиозную политику на всем протяжении 1920-х гг. и имели хорошее материальное обеспечение. Политика советской власти, направленная по отношению к ним, синтезировала в себе основную линию антирелигиозной работы по стране в целом и особые методы, характерные для каждой отдельной организации.

На всем протяжении 1920-х гг. происходит постепенное внедрение новых советских ритуалов в общественное сознание граждан страны, заменяющих религиозные обряды. В советскую повседневность стали внедряться октябрины, заменяющие крещение; красные свадьбы, ставшие

альтернативой венчанию и никаху; красные похороны и другие советские нововведения. Этот период характеризуется смешением двух дискурсов и наличием в обществе как новых, так и старых бытовых практик. 1920-е гг. в Самарской губернии (Средневолжском крае) характеризуются высокой религиозностью большей части населения Советской России, несмотря на все предпринятые руководством меры. В обществе господствовали суеверные представления об устройстве природы, о мире и о советской власти, подкрепляемые проповедями священнослужителей и отдельных активно сопротивляющихся представителей паствы. Также большую роль в укоренении религии в обществе сыграло создание негативного образа коммунистов в глазах населения, что можно проследить по статистическим данным выхода людей из комсомола, из колхозов. В жизни общества того времени можно проследить проявления народной религиозности, спрятанные за фасадом атеистического поведения. В борьбе за сохранение религиозности верующее население Советской России использовало частные культовые практики, закрепившиеся в бытовом поведении разных народов. Примером таких явлений стали практики массового обновления икон, активно происходившие в Самарской губернии во второй половине 1920-х гг. и ставшие своеобразной эпидемией. Проследив историю взаимоотношений государства и религии в 1920-е гг., все же можно увидеть происходившие изменения в общественном сознании населения губернии. К 1927 г. в комсомольскую организацию вступало большое количество людей, атеизм и кружки безбожников стали чрезвычайно популярны. Регистрация брака через органы ЗАГС получила одобрение 68 % населения страны, 40 % предпочитали гражданские похороны отпеванию.

С конца 1920-х – начала 1930-х гг. антирелигиозная политика в Самарской губернии (Средневолжском крае) начала развиваться с учетом нового закона «О религиозных объединениях», ужесточающего положение всех религиозных организаций. Отделение религии от государства реализовывалось в рамках начавшихся процессов коллективизации и

индустриализации. Именно исходя из этих законодательных мер, антирелигиозная работа в 1930-е гг. была направлена на рабочий класс граждан СССР, и большое внимание уделялось борьбе с религией на производстве. Также к концу 1930-х гг. началось применение репрессивных мер в отношении духовенства, проводились аресты и конфискации имущества, прикрываемые законами об антисоветской деятельности, и принудительная передача культовых зданий под нужды городских властей. После этого закрытия религиозных учреждений разных конфессий приобрели массовый характер, что, однако, сопровождалось продолжением деятельности отдельно взятых церквей, синагог и других зданий, где советская власть встречала яростное противостояние верующих.

Таким образом, анализ взаимоотношений религии и государства с 1917 по конец 1930-х гг. показывает общее направление идеологической борьбы советского руководства за влияние на массовое сознание населения СССР в условиях строительства социализма. Религия, как пережиток прежних лет, была лишним звеном в новой общественной жизни и поэтому приняла на себя серьезные удары антирелигиозной кампании по дискредитации ее как важного общественного института. К концу 1930-х гг. государственный атеизм существенно повлиял на положение религии в Самарском регионе, затронув работу всех религиозных организаций. Однако религиозные организации и верующие продолжали бороться за сохранение своих прав, устоев и традиций, что говорит о противостоянии двух параллельных линий – антирелигиозной со стороны государства и религиозной со стороны религиозных организаций. Такое положение сохраняется вплоть до Великой Отечественной войны, когда условия военного времени изменили отношение большевиков к религиозным институтам. Это стало новым этапом в истории взаимоотношений власти и религии в Советской России, который требует отдельного изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. Неопубликованные источники

1. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО) [Текст]. – Ф. Р-20. Самарский губернский административный отдел исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, г. Самара. Оп. 1. Д. 21.

2. ЦГАСО [Текст]. – Ф. Р-796. Самарская губернская контрольная комиссия ВКП(б) рабоче-крестьянская инспекция, г. Самара. Оп. 4. Д. 10.

3. ЦГАСО [Текст]. – Ф. Р-828. Средне-Волжское краевое административное управление исполнительного комитета Средне-Волжского краевого Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, г. Самара. Оп. 3. Д. 31, 32, 33, 144.

4. ЦГАСО [Текст]. – Ф. Р-4375. Антирелигиозный музей Самарского отделения Союза воинствующих безбожников, с 1927 – Самарского краевого отдела народного образования, с 1928 – Средневолжского областного отдела народного образования, с 1935 – Куйбышевского краевого отдела народного образования, г. Куйбышев. Д. 6, 9.

5. Сызранский филиал Центрального государственного архива Самарской области (СФ ЦГАСО) [Текст]. – Ф. Р-139. Исполнительный комитет Сызранского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ОкрИК), г. Сызрань, Средне-Волжского края. Оп. 1. Д. 59, 135, 206.

6. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ) [Текст]. – Ф. 1. Самарский губернский комитет Всесоюзной коммунистической партии большевиков. г. Самара. Оп. 1. Д. 237. Д. 350, 458, 467, 468, 1185, 1389, 1700, 1706, 1707, 1708, 2062, 2115, 2115(a), 2123, 2454, 2479, 8776.

7. СОГАСПИ [Текст]. – Ф. 4. Второй городской районный комитет Всесоюзной Коммунистической партии большевиков, г. Самара. Оп. 1. Д. 140.

8. СОГАСПИ [Текст]. – Ф. 8. Сызранский окружной комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), г. Сызрань Средневолжского края. Оп. 1. Д. 397.

9. СОГАСПИ [Текст]. – Ф. 53. Самарский губернский комитет Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, г. Самара. Оп. 1. Д. 363, 1137.

10. СОГАСПИ [Текст]. – Ф. 141. Сызранский уездный комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), г. Сызрань. Оп. 1. Д. 8.

11. СОГАСПИ [Текст]. – Ф. 651. Партийный архив Самарского областного комитета Коммунистической партии Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, г. Самара. Оп. 12. Д. 3100, Д. 3424, Д. 2267.

12. СОГАСПИ [Текст]. – Ф. 1141. Куйбышевский краевой комитет Всесоюзной Коммунистической партии большевиков, г. Куйбышев. Оп. 20. Д. 880; Оп. 42. Д. 176.

13. Муниципальное казенное учреждение городского округа Тольятти «Тольяттинский архив» (Тольяттинский архив) [Текст]. – Ф. 83. Ставропольский уездный исполнительный комитет. Оп. 1. Д. 13.

14. Тольяттинский архив [Текст]. – Ф. 227. Отдел управления исполнительного комитета Ставропольского уездного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 75, Д. 154, Д. 196.

II. Опубликованные источники

Законодательные источники

15. К сектантам и старообрядцам, живущим в России и за границей [Электронный ресурс] // Вестник духовных христиан – молокан. – URL: http://molokan.narod.ru/v/v1925_1_5.html (дата обращения: 17.01.2020).

16. Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики [Электронный ресурс]: принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. – URL: <https://base.garant.ru/185478/> (дата обращения: 27.08.2023).

17. Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики [Электронный ресурс]: утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г. – URL: <https://base.garant.ru/185477/> (дата обращения: 27.08.2023).

18. Конституция Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс]: утверждена резолюцией II-го Съезда Советов Союза ССР от 31 января 1924 г.). – URL: <https://base.garant.ru/185480/> (дата обращения: 27.08.2023).

19. Конституция Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс]: утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.). – URL: <https://base.garant.ru/185479/9903d706745464d9fcec0b0ad12d9e32> (дата обращения: 02.06.2020).

20. О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния [Электронный ресурс]: декрет ВЦИК и СНК от 18.12.1917. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/17-12-18.htm> (дата обращения: 13.01.2023).

21. О кладбищах и похоронах [Электронный ресурс]: декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 07.12.1918. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17275#GRw5SQTiijQkuEe4> (дата обращения: 19.12.2022).

22. О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации [Электронный ресурс]: постановление Политбюро ЦК ВКП(б) 30 января 1930 г. – URL: <http://istmat.info/node/30863> (дата обращения: 03.10.2019).

23. О новом латинизированном алфавите народов арабской письменности Союза ССР [Электронный ресурс]: постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 07.08.1929. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=26173#K4bE3XTiNRFgpMhn> (дата обращения: 27.02.2023).

24. О пересмотре дел о лицах, осужденных за уклонение от воинской повинности по религиозным убеждениям [Электронный ресурс]: декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. – URL: <https://istmat.org/node/46661> (дата обращения: 07.11.2022).

25. О порядке проведения в жизнь Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви от 24.08.1918. [Электронный ресурс]: постановление Народного Комиссариата Юстиции РСФСР // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_347.htm (дата обращения: 12.05.2020).

26. О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную армию [Электронный ресурс]: постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета // Хронос. – URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_1/dekret_rkka.html (дата обращения: 07.11.2022).

27. О расторжении брака [Электронный ресурс]: декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров от 16 (29) декабря 1917. – URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/9758> (дата обращения: 25.07.2023).

28. О создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии [Электронный ресурс]: декрет Совета Народных Комиссаров. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/etext/DEKRET/rkka.htm> (дата обращения: 07.11.2022).

29. Об обязательной военной службе [Электронный ресурс]: закон от 18 сентября 1925 г. // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=5637#1TTURNTKBoTSvJg4> (дата обращения: 17.11.2022).

30. Об обязательной военной службе: закон от 13 августа 1930 г. [Электронный ресурс] // Исторические материалы. – URL: <http://rkka.ru/docs/all/z130830.htm> (дата обращения: 07.11.2022).

31. Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям [Электронный ресурс]: декрет Совета Народных Комиссаров // Исторические материалы. – URL: <http://istmat.info/node/37823> (дата обращения: 25.04.2019).

32. Об отделении церкви от государства и школы от церкви [Электронный ресурс]: декрет Совета Народных Комиссаров. – URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325> (дата обращения: 31.05.2020).

33. Приказ Объединенного Государственного политического Управления [Электронный ресурс]: №44/21 2 февраля 1930 г. –URL: <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/300202.htm> (дата обращения: 19.05.2019).

Сборники материалов и документов

34. Всеобщая воинская повинность [Электронный ресурс]: Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. – URL: <https://www.prilib.ru/item/405861> (дата обращения: 07.11.2022).

35. Голод в Средневолжском крае в 20–30-е годы XX века. Голод в Самарской губернии в 20-е годы XX века. – Т. 1: сб. документов. – Самара, 2014. – 514 с.

36. Двенадцатый съезд РКП (б) 17–23 апреля 1923 года. Стенографический отчет [Текст]. – Москва, 1968.

37. Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. [Текст] / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории акад. наук СССР. – Москва: Политиздат, 1957. – 640 с.

38. Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг. [Текст]: документы и материалы: в 6 т. / отв. ред. А.К. Сорокин. – Москва, 2018. – Т. 1, кн. 4. – № 128. – 670 с.

39. Послание Всероссийского общего союза евангельских христиан и баптистов. Март 1920 г. [Электронный ресурс] // Братский союз. – 1920. – № 1, март. – URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/83366-poslanie-vserossiyskogo-obschego-soyuza-evangelskih-hristian-i-baptistov-mart-1920-g#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 13.01.2023).

40. Послание святейшего патриарха Тихона от 19 января 1918 (с анафемой безбожникам [Электронный ресурс] // Азбука веры. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Tihon_Belavin/poslanie-patriarha-tihona-s-anafemoj-bezbozhnikom (дата обращения: 07.11.2022).

41. Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)–ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии). 1922–1929 гг. [Текст] / сост. В.В. Лобанов. – Москва: Изд-во ПСТГУ, 2014. – 381 с.

42. Следственное дело патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ [Текст]. – Москва, 2000. – 1016 с.

43. Собрание определений и постановлений священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. [Электронный ресурс] // Азбука веры. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/sobranie-opredelenij-i-dejaniya-svjashhennogo-sobora-pravoslavnoj-rossijskoj-tserkvi-1917-1918-gg (дата обращения: 07.11.2022).

44. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР [Электронный ресурс] // Исторические материалы. – URL: <https://istmat.org/node/27646> (дата обращения: 07.11.2022).

45. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1922 г. [Электронный ресурс]. – Москва, 1950. – URL: <https://znanium.com/read?id=165653> (дата обращения: 10.11.2022).

46. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства. РСФСР. 1929. № 35. Ст. 35 [Электронный ресурс] // История России 1917–1940. Хрестоматия / сост. В.А. Мазур [и др.]; под ред. М.Е. Главацкого. – Екатеринбург, 1993. – URL: <http://his95.narod.ru/doc22/52.htm> (дата обращения: 05.05.2019).

47. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) [Текст]: сб. док.: в 10 т. / Ин-т рос. истории РАН, Центр архив ФСБ РФ, Науч. совет РАН «История международных отношений и внешней политики России», Науч. совет РАН по истории соц. реформ, движений и революций, Комис. историков России и Финляндии, АН Финляндии, Фонд Дом наук о человеке (Франция); отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. – Москва: ИРИ РАН, 2001–2017.

48. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы [Текст]: в 4 т. – Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1. 1930–1931 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – 864 с.

49. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы [Текст]: в 4 т. – Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 2. 1932–1934 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. – 840 с.

50. Чельцов, Михаил. Воспоминания смертника о пережитом [Электронный ресурс] / Михаил Чельцов // Яков Кротов. История. – URL: http://krotov.info/libr_min/24_ch/el/zov_3.htm (дата обращения: 07.11.2022).

Воспоминания

48. Гиппиус, З.Н. Дневники, воспоминания. Варшавский дневник. [Электронный ресурс] / З.Н. Гиппиус. – URL: <https://gippius.com/doc/memory/varshavsky-dnevnik.html> (дата обращения: 05.11.2022).

49. Куявский, Е. Остаться верным [Текст] / Е. Куявский. – Санкт-Петербург, 2014.

50. Марцинковский, В.Ф. Записки верующего. Из истории религиозного движения в Советской России 1917–1923 [Текст] / В.Ф. Марцинковский. – Москва, 2016. – 271 с.

Периодическая печать

51. Баптист [Текст]. – 1928.

52. Волжская коммуна [Текст]. – 1930–1931.

53. Голос Молодежи [Текст]. – 1924.

54. Коммуна [Текст]. – 1923–1924.

55. Коммунист [Текст]. – 1929–1930.

56. Правда [Текст]. – 1931.

Музейные собрания

57. Самарский Епархиальный церковно-исторический музей. Документы XX века. 1920-е – 1930-е гг. Церковно-историческая тематика. КП-1602. КП-1605 [Текст].

58. Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина. КМК КП-14562, КП-14600, КП-14607/2 [Текст].

Изоиздания

59. Адливанкин С.Я. «Юные безбожники». 1930. Режим доступа: <https://forum.na-svyazi.ru/?showtopic=2799904&st=600> (дата обращения 27.08.2023). –Изображение (неподвижное; двухмерное): непосредственное.

60. Антоновский Б.И. В антирелигиозном музее. 1924 г. / «Яварда». Интернет – альманах Валерия Рублева. Режим доступа: https://yavarda.ru/pic_5019_0.html (дата обращения 27.08.2023). –Изображение (неподвижное; двухмерное): непосредственное.

61. Дейнека А. Иллюстрации к журналу «Безбожник у станка». Святые прозорливцы. 1925 г. // Музей изобразительных искусств Кузбасса Режим

доступа: <https://kuzbassizo.ru/albumc/detail.php?ID=98> (дата обращения 27.08.2023). –Изображение (неподвижное; двухмерное): непосредственное.

62. Моор Д.С. «Я – безбожник». Рекламный плакат. 1924 г. / Государственный исторический музей. Режим доступа: <https://catalog.shm.ru/entity/ОБЪЕКТ/5812861> (дата обращения 27.08.2023). – Изображение (неподвижное; двухмерное): непосредственное.

63. Соколов-Скаля П.П. Довольно надувательства. Плакат. Около 1930 г. / Государственный исторический музей. Режим доступа: <https://catalog.shm.ru/entity/ОБЪЕКТ/3166690?query=%D0%B1%D0%B5%D0%B7%D0%B1%D0%BE%D0%B6%D0%BD%D0%B8%D0%BA&index=4> (дата обращения 27.08.2023). – Изображение (неподвижное; двухмерное): непосредственное.

Справочная литература

64. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс] / Министерство культуры Российской Федерации. – URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/4175016 (дата обращения: 16.11.2020).

65. Большая советская Энциклопедия [Электронный ресурс]. – Москва: Советская энциклопедия, 1970. – Т. 24. – – 3-е изд. – URL: <http://bse.uaio.ru/BSE/2421.htm> (дата обращения: 20.11.2020).

66. Советские Конституции. Справочник [Текст]. – Москва, 1963. – 247 с.

67. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений [Электронный ресурс] / С.И. Ожегов; под ред. проф. Л.И. Скворцова. – Москва, 2012. – URL: <https://slovar.cc/rus/ojegov/615308.html> (дата обращения: 16.03.2021).

68. Философско-терминологический словарь [Электронный ресурс] / под ред. А.Ф. Малышевского. – URL: <https://terme.ru/termin/sekuljarizacija.html> (дата обращения: 16.03.2021).

69. 160 лет Самарской губернии (цифры и факты): научно-информационное издание [Текст] / Территориальный орган Федеральной службы гос. статистики по Самарской обл. (Самарастат); [Г.И. Чудилин и др.]. – Самара, 2011. – 196 с.

Художественная литература

70. Зощенко, М.М. Избранное: рассказы [Текст] / М.М. Зощенко. – Москва, 2003. – 320 с.

71. Яхина, Г.Ш. Зулехха открывает глаза [Текст] / Г.Ш. Яхина. – Москва, 2017. – 508 с.

III. Специальная литература

72. Абрамов, Г.М. Безбожники. Рассказы [Текст] / Г.М. Абрамов. – Москва, 1990. – 300 с.

73. Алексеева, С.И. Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856–1904 гг. [Текст] / С.И. Алексеева. – Санкт-Петербург, 2003. – 275 с.

74. Андреева, А.А. От бога ли закон Божий? [Электронный ресурс] / А.А. Андреева, Е.С. Элбакян // Независимая газета. – 2012. – 7 марта. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_religii/2012-03-07/7_zakon.html (дата обращения: 10.11.2022).

75. Антирелигиозное воспитание в школе [Текст] / под ред. А.Т. Лукачевского. – Москва: Безбожник, 1929. – 76 с.

76. Аншакова, Ю.Ю. Голод начала 1920-х и помощь голодающим в Самарской губернии [Текст] / Ю.Ю. Аншакова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – Т. 17, № 3. – С. 80–85.

77. Асад, Т. Возникновение секулярного: христианство, ислам, модерность [Текст] / Талал Асад; пер. с англ. Р. Сафронова, науч. ред. В. Золтухин. – Москва, 2020. – 376 с.

78. Атеизм в СССР: становление и развитие [Текст] / Г.В. Воронцов, В.И. Гараджа, С.Г. Денисов [и др.]; редкол.: А.Ф. Окулов (отв. ред.) [и др.]; Акад. обществ. наук при ЦК КПСС, Ин-т науч. атеизма. – Москва, 1986. – 235 с.
79. Атеизм в СССР: становление и развитие. Москва, 1986.
80. Атеизм, религия, современность [Текст]: сборник / ред. В.Н. Шердаков // Атеизм, религия и современность. – Ленинград, 1973.
81. Баллаев, А.Б. Проблема идеологии в творчестве Карла Маркса [Текст] / А.Б. Баллаев // История философии. – 1998. – С. 55–75.
82. Барсов, К. Русский протонародный мистицизм [Электронный ресурс] / К. Барсов // Христианское чтение. – 1869.– № 9. – С. 418–481. – URL: <https://www.xpa-spb.ru/libr/Barsov-NI/russkij-misticizm.pdf?ysclid=la72xqg4ex608085023> (дата обращения: 04.11.2022).
83. Белов, А.В. Адвентизм [Текст] / А.В. Белов. – Москва, 1973. – 239 с.
84. Бердяев, Н.А. Собрание сочинений. Т. 3. Типы религиозной мысли в России [Текст] / Н.А. Бердяев. – Париж, 1989. – 714 с.
85. Бонч-Бруевич, В.Д. Избранные сочинения [Текст] / В.Д. Бонч-Бруевич. – Москва, 1959. – 412 с.
86. Борунков, Ю.Ф. Особенности религиозного сознания [Текст] / Ю.Ф. Борунков. – Москва, 1972. – 48 с.
87. Бочарова, А.В. Социалистическая реконструкция религиозного сознания населения советского города в 1920-е годы (на примере Самары) [Текст] / А.В. Бочарова // Платоновские чтения: материалы и доклады XXIII Всероссийской конференции молодых историков. – Самара, 2018. – С. 128–131.
88. Бочарова, А.В. Традиции и инновации в повседневной религиозной жизни 1920-х гг. [Текст] / А.В. Бочарова // Новый век: человек, общество, история глазами молодых: межвуз. сб. науч. тр. молодых ученых, аспирантов и студентов / под ред. А.В. Баранова. – Саратов, 2017. – Выпуск 16. – С. 100–107.

89. Бочарова, А.В. Идеологическая модернизация религиозной повседневности советского города (на примере Самары) [Текст] / А.В. Бочарова // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект): сборник материалов междунар. науч. конф. / под общ. ред. проф. В.А. Веремченко. – Санкт-Петербург, 2018. – С. 383–388.

90. Брихничев, И. Патриарх Тихон и его церковь. [Текст] / И. Брихничев. – Москва, 1923. – 21 с.

91. Буткевич, Т.И. Обзор русских сект и их толков с изложением их происхождения, распространения и вероучения и с опровержением последнего [Текст] / Т.И. Буткевич. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Timofej_Butkevich/obzor-russkih-sekt-i-ih-tolkov (дата обращения: 10.11.2022).

92. Бутов, И.С. Нарративы, связанные с обновлениями и мироточениями икон, в Российской империи до революции 1917 г. [Текст] / И.С. Бутов, Н.В. Томин // Кант. – 2022. – № 1 (42). – С. 105–114.

93. Вестник духовных христиан – молокан [Электронный ресурс] // Духовные Христиане Молокане. – URL: <http://molokanin.ru/old/v/v.html> (дата обращения: 15.11.2022).

94. Гальперин, Б.И. Баптизм и его идеология [Текст] / Б.И. Гальперин. – Фрунзе, 1962. – 36 с.

95. Гордеева, И.А. Отказы от военной службы и формирование пацифистского движения в России в конце XIX – начале XX века [Текст] / И.А. Гордеева // RUSSIAN PEASANT STUDIES. – 2018. – Т. 3, № 4. – С. 78–104.

96. Гордиенко, Н.С. Эволюция русского православия (20-е – 80-е годы XX столетия) [Текст] / Н.С. Гордиенко. – Москва, 1984. – 64 с.

97. Грекулов, Е.Ф. Нравы русского духовенства [Текст] / Е.Ф. Грекулов. – Москва, 1928. – 96 с.

98. Гусева, Ю.Н. Ислам в Самарской области [Текст] / Ю.Н. Гусева. – Москва, 2007. – 112 с.

99. Гусева, Ю.Н. Российский мусульманин в XX веке (на материалах Среднего Поволжья) [Текст] / Ю.Н. Гусева. – Самара, 2013. – 218 с.

100. Давыдов Д.В, Алиев И.Э. Некоторые аспекты крестьянских свадебных традиций в татарской республике в 1920 гг. [Текст] / Д.В. Давыдов, И.Э. Алиев // Вестник Чувашского государственного института культуры и искусств. – 2018. – №13-2. – С.43-46.

101. Давыдов Д.В. Козлова О.В. Бытовая религиозность мусульман ТАССР в годы хрущевской антирелигиозной кампании [Текст] / Д.В. Давыдов, О.В. Козлова // Исламский фактор в истории Волго-Уральского региона. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 1100-летию принятия ислама в Волжской Булгарии. Чебоксары. – 2022. – С. 27-32.

102. Далгатов, А.Г. Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917 – конец 1930-х годов) [Текст] / А.Г. Далгатов, М.Ю. Крапивин, А.Я. Лейкина. – Санкт-Петербург, 2003. – 304 с.

103. Двинянинов, Н.Э. Сибирское церковное совещание 1918 года [Текст] / Н.Э. Двинянинов // Богословский сборник. – 2015. – № 10. – С. 171–199.

104. Долгий путь российского пацифизма. Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России [Текст] / под ред. Т.А. Павловой, П. Брока, Р.М. Илюхиной, Л. Клиппенштейна и А.О. Чубарьяна. – Москва, 1997. – 374 с.

105. Дружба народов на Самарской земле [Текст]. – Самара, 2015. – 399 с.

106. Евдокимова, А.Н. Роль Союза воинствующих безбожников в борьбе с православными праздниками в Чувашской республике в 20–30-е годы [Текст] / А.Н. Евдокимова // Историческая наука и образование: прошлое, настоящее и будущее. IV Смирновские чтения: сборник трудов

Всероссийской научной конференции / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. – Чебоксары, 2019. – С. 197–202.

107. Евдокимова, А.Н. Формы антирелигиозной деятельности союза воинствующих безбожников в чувашской республике в 20–30-е годы [Текст] / А.Н. Евдокимова, А.Л. Лянкина // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева): сборник трудов Всероссийской научной конференции с международным участием / ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова». – Чебоксары, 2019. – С. 172–177.

108. Ерофеев, В. Дело Вавилова Дола [Электронный ресурс] / В. Ерофеев // Ерофеев, В. Историческая Самара / В. Ерофеев. – URL: <https://историческая-самара.рф/каталог/самара-криминальная/судебные-дела/дела-по-ук-рсфср-1926-1960-годов/дело-вавилова-дола.html> (дата обращения: 20.10.2022).

109. Ерофеев, В. Чапанная война. 1919 год [Электронный ресурс] / В. Ерофеев // Ерофеев, В. Историческая Самара / В. Ерофеев. – URL: <https://историческая-самара.рф/каталог/самарские-тайны-хх-века/1919-год.html> (дата обращения: 19.12.2022).

110. Жидкова, Е. Советская гражданская обрядность как альтернатива обрядности религиозной [Текст] / Е. Жидкова // Государство, религия, церковь в России за рубежом. – 2012. – № 3–4. – С. 408–426.

111. Жиромская, В.Д. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года [Текст] / В.Д. Жиромская. – Москва, 1996. – 152 с.

112. Жоголев, А.Е. Новые мученики и исповедники Самарского края [Электронный ресурс] / А.Е. Жоголев. – Самара, 1996. – URL: http://newmartiros.blogspot.com/2013/04/blog-post_9876.html (дата обращения: 16.03.2023).

113. Зубов, С.Э. Самарское краеведение: религии и конфессии. Религии Самарской области. История и современность [Текст]: учеб. пособие / С.Э. Зубов, Л.В. Кузнецова, Н.М. Малкова, М.Г. Федоров. – Самара, 2008. – 152 с.

114. Дестивель, Иакинф. Поместный собор Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности [Электронный ресурс] / Иакинф Дестивель // Азбука веры. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/pomestnyj-sobor-rossijskoj-pravoslavnoj-tserkvi-1917-1918-godov-i-printsip-sobornosti (дата обращения: 07.11.2022).

115. «Ислам, имеющий мирную и добрую сущность»: дискурс о традиционном исламе в среде тюрок-мусульман европейской части России и Крыма [Текст]: коллективная монография / под ред. Р.И. Беккина. – Москва, 2021. – 280 с.

116. Кабытов, П.С. Религиозные практики духовенства в дискурсе реализации антирелигиозной политики в середине 1920-х гг. (на материалах Самарской губернии) [Текст] / П.С. Кабытов, А.В. Протасова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2022. – Т. 22, вып. 4. – С. 550–555.

117. Кашеваров, А.Н. Православная Российская Церковь и советское государство (1917–1922) [Текст] / А.Н. Кашеваров. – Москва, 2005. – 439 с.

118. Кириченко, М.Г. Государство и церковь. К истории ленинского декрета [Электронный ресурс] / М.Г. Кириченко // Наука и религия. – Москва, 1987. – № 4. – URL: <http://comstol.info/2012/08/obshhestvo/4412> (дата обращения: 20.05.2020).

119. Клибанов, А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем [Текст] / А.И. Клибанов. – Москва, 1973. – 256 с.

120. Кобзев, А.В. Институты мусульманской общины Симбирского – Ульяновского Поволжья в 1920–1930-е гг. [Текст] / А.В. Кобзев // *Minbar. Islamic Studies*. – 2019. – Т. 12, № 4. – С. 959–984.

121. Кобзев, А.В. «Как большевики проиграли антирелигиозную борьбу»: конфессиональная политика советского государства и мусульмане

Симбирской/Ульяновской губернии [Текст] / А.В. Кобзев // Ислам в современном мире. – 2015. – Т. 11, № 2. – С. 35–44.

122. Кобозева З.М. Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX – начало XX в.), или Рассказ о «душе с повинностями» [Текст] / З.М. Кобозева. Самара, 2013. – 615 с., 48 стр. илл.

123. Кобозева З.М., Протасова А.В. «Подумаем, подумаем, братцы»: народная религиозность до и после революции 1917 года (на примере Среднего Поволжья) [Текст] / З.М. Кобозева, А.В. Протасова // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26. № 1. С. 26-30.

124. Когнитивные науки и историческое познание [Текст]: коллективная монография / под общ. ред. О.В. Воробьевой, Г.И. Зверевой. – Москва, 2020. – 372 с.

125. Коновалов, Б.Н. Союз воинствующих безбожников [Текст] / Б.Н. Коновалов // Вопросы научного атеизма. – Москва, 1967. – С. 63–93.

126. Коновалов, Д.Г. Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве [Текст]: исслед. Д.Г. Коновалова / Д.Г. Коновалов. – Ч. 1. – Сергиев Посад: Тип. Св.-Тр. Сергиевой лавры, 1908. – 23 с.

127. Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. И Гражданской войны: национально-региональный аспект [Текст]: монография / редкол.: В.В. Кондрашин, В.А. Юрченков (отв. ред.) [и др.]; НИИ гуманитарн. наук при Правительстве Республики Мордовия. – Москва; Саранск, 2017. – 1048 с.

128. Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 [Текст]: документы и материалы / Ин-т рос. истории РАН, Междисциплинар. акад. центр соц. наук (Интерцентр), Федер. архив. служба России, Рос. гос. воен. архив, Рос. гос. архив соц.-полит. истории, Центр. архив Федер. службы безопасности России; под ред. В. Данилова и Т. Шанина. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. – 944 с.

129. Кобозева З.М. Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX – начало XX в.), или Рассказ о «душе с повинностями» [Текст]. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013. – 615 с., 48 стр. илл.

130. Кобозева З.М., Протасова А.В. «Подумаем, подумаем, братцы»: народная религиозность до и после революции 1917 года (на примере Среднего Поволжья) [Текст] // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2020. — Т. 26. № 1. — С. 26-30.

131. Конфессиональная политика советского государства в 1920–1950-е годы [Текст]: материалы XI Международной научной конференции. – Великий Новгород, 11–13 октября 2018 г. – Москва, 2019. – 525 с.

132. Крапивин, М.Ю. Не придуманная церковная история: Власть и церковь в Советской России (октябрь 1917 – конец 1930-х гг.) [Текст]: монография / М.Ю. Крапивин. – Волгоград, 1997. – 366 с.

133. Кривова, Н.А. Власть и церковь в 1922–1925 [Текст] / Н.А. Кривова. – Москва, 1999. – 247 с.

134. Кульчицкий, А.Е. Миротворчество и пацифизм – осмысление культуры мира [Текст] / А.Е. Кульчицкий // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – № 2.2. – С. 26–30.

135. Куявский, Е. Остаться верным / Е. Куявский. – Санкт-Петербург, 2014. – 581 с.

136. Куроедов, В.А. Религия и церковь в советском обществе [Текст] / В.А. Куроедов. – 2-е изд., доп. – Москва, 1984. – 256 с.

137. Кутепов, К. Секты хлыстов и скопцов [Текст] / К. Кутепов. – Казань, 1882. – 576 с.

138. Лебина, Н.Б. Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР – оттепель [Текст] / Н.Б. Лебина. – Москва, 2017. – 203 с.

139. Лебина, Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920–1930 гг. [Текст] / Н.Б. Лебина. – Санкт-Петербург, 1999. – 316 с.

140. Лебина, Н.Б. Черно-белые красные свадьбы [Электронный ресурс] / Н.Б. Лебина // Теория моды. – 2014. – Т. 2, № 32. – URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/teoriya_mody/32_tm_2_2014/article/10940/?ysclid=laburvlotg391188966 (дата обращения: 22.10.2022).

141. Ленин, В.И. Полн. собр. соч. [Текст] / В.И. Ленин. – 5-е изд. – Т. 12. – Москва, 1979. – 515 с.

142. Лившин, А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. [Текст] / А.Я. Лившин. – Москва, 2010. – 344 с.

143. Лисавцев, Э.И. Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР [Текст] / Э.И. Лисавцев. – Москва, 1975. – 321 с.

144. Лобанов, В.В. «Обновленческий» раскол в Русской православной церкви (1922–1946 гг.) [Текст] / В.В. Лобанов. – Санкт-Петербург, 2019. – 268 с.

145. Луначарский, А.В. Религия и социализм [Текст] / А.В. Луначарский. – Т. 1. – Санкт-Петербург: Шиповник, 1908. – URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/religiya-i-socializm-t-1/3-biologicheskoe-opredelenie-religii> (дата обращения: 22.12.2022).

146. Милюков, П.Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. [Текст] / П.Н. Милюков. – Т. 2, ч. 1. – Москва, 1994. – 416 с.

147. Минеева, Е.К. Национально-территориальная государственность как фактор развития народов России в 1917–1922 гг. (на примере Чувашского края) [Текст] / Е.К. Минеева // Регионология. – 2007. – № 2 (59). – С. 264–270.

148. Минеева, Е.К. Органы управления в условиях формирования автономии народов среднего Поволжья в 1917–1936 годах [Текст] / Е.К. Минеева // Вестник Чувашского университета. – 2007. – № 1. – С. 27–40.

149. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX века) [Текст] / Б.Н. Миронов. – Т. 2. – Санкт-Петербург, 2000. – 581 с.

150. Мистрюгов, П.А. Советская власть и Самарская епархия Русской православной церкви в 1918–1922 гг. [Текст] // Вестник СамГУ. – 2013. – № 8/1 (109). – С. 185–189.

151. Митрохин, Л.Н. Баптизм [Текст] / Л.Н. Митрохин. – 2-е изд. – Москва, 1974. – 264 с.

152. Мурзин, А.А. Народная религиозность как феномен культуры [Текст] / А.А. Мурзин. – Москва, 2017. – 144 с.

153. Набиев Р.А, Фатхуллин Р.А. Особенности мобилизации религиозного сознания мусульман в ходе Великой Отечественной войны [Текст] / Р.А. Набиев, Р.А. Фатхуллин // Социальное время. – 2020. – №3 (23). – С.118-128.

154. Никольский, Н.М. История русской церкви [Текст] / Н.М. Никольский. – Москва, 1983. – 448 с.

155. Одинцов, М.И. Государственно-церковные отношения в России. XX век. [Текст] / М.И. Одинцов. – Москва, 1994. – 171 с.

156. Одинцов, М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма 1917–1953 гг. [Текст] / М.И. Одинцов. – Москва, 2014. – 425 с.

157. Панченко, А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект [Текст] / А.А. Панченко. – Москва, 2002. – 544 с.

158. Пархоменко, Л.А. Коллекция икон Самарского (Куйбышевского) антирелигиозного музея [Текст] / Л.А. Пархоменко // Вестник МГХПА. – 2012. – № 2–1. – С. 112–122.

159. Персиц, И.М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР (1917–1919 гг.) [Текст] / И.И. Персиц. – Москва, 1958. – 198 с.

160. Пименов, В.Ю. Антирелигиозный музей как инструмент формирования атеистического сознания в советской России [Текст] / В.Ю. Пименов // SCIENCES OF EUROPE. HISTORICAL SCIENCES. – 2017. – V. 22 (22). – С. 3–6.
161. Плаксин, Р.Ю. Тихоновщина и ее крах [Текст] / Р.Ю. Плаксин. – Ленинград, 1987. – 208 с.
162. Подмарицын, А. Очерки истории Самарской епархии [Текст] / А. Подмарицын. – Самара, 2008. – 151 с.
163. Поляков, А.А. Диверсия под флагом помощи: повесть-хроника [Текст] / А.А. Поляков. – Москва, 1985. – 237 с.
164. Поспеловский, Д.В. Православная церковь в истории Руси, России и СССР [Текст] / Д. Поспеловский. – Москва, 1996. – 408 с.
165. Поспеловский, Д.В. Русская православная церковь в XX в. [Текст] / Д.В. Поспеловский. – Москва, 1995. – 509 с.
166. Поспеловский, Д.В. Тоталитаризм и вероисповедание [Текст] / Д.В. Поспеловский. – Москва, 2003. – 655 с.
167. Протасова, А.В. Молодежь в дискурсе антирелигиозной пропаганды 1920-х гг. (на материалах Самарской губернии) [Текст] // Самарский научный вестник. – 2021. – Т. 10, № 4. – 165–171 с.
168. Профессиональная идентичность и самосознание историка / под общ. ред. О.В. Воробьевой. – Москва, 2022. – 480 с.
169. Пругавин, А.С. О Льве Толстом и толстовцах: Очерки, воспоминания, материалы [Текст] / А.С. Пругавин. – Москва, 1911. – 323 с.
170. Путинцев, Ф.М. Сектантство и антирелигиозная пропаганда [Текст]: методическое пособие / Ф.М. Путинцев. – Москва, 1928. – 52 с.
171. Революция в деревне. Очерки [Текст] / под ред. В.Г. Тана-Богораза. – Москва; Ленинград, 1924.
172. Розанов, В.В. Апокалиптическая секта (хлысты и скопцы) [Электронный ресурс] / В.В. Розанов. – Москва, 2002. – URL:

http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1913_apok_sekta.shtml (дата обращения: 10.11.2022).

173. Рольф, М. Советские массовые праздники [Текст] / М. Рольф; [пер. с нем. В.Т. Алтухова]. – Москва, 2009. – 439 с.

174. Романов, В.В. Драма отечественного политического сыска: кадровые служащие, секретные агенты, архивы политической полиции Российской империи и внутренняя политика Советского государства [Текст]: в 3 ч. – Ч. II. Период создания основ социалистического общества / В.В. Романов, Г.В. Романова. – Ульяновск, 2019. – 325 с.

175. Росницкий, Н.А. Лицо деревни. По материалам обследования 28 волостей и 32 730 крестьянских хозяйств Пензенской губернии [Текст] / Н.А. Росницкий. – Москва; Ленинград, 1926. – 126 с.

176. Русская Православная Церковь, 988–1988. – Вып. 2: 1917–1988 г. – Москва, 1988.

177. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов [Текст] / сост. М.И. Одинцов. – Москва, 1999. – 332 с.

178. Савин, А.И. Альтернативная гражданская служба в советской России в 1920–1930-е годы: нормативно-правовое поле и практическая организация [Текст] / А.И. Савин // Институты гражданского общества в Сибири (XX – начало XXI в.) / отв. ред. В.И. Шишкин. – Новосибирск, 2009. – С. 71–93.

179. Савин, А.И. Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг. Документы и материалы [Текст] / А.И. Савин. – Новосибирск, 2004. – 427 с.

180. Савченко, И.А. Меннониты в Самарском крае [Текст] / И.А. Савченко // Самарский край в истории России: материалы межрегион. науч. конф. – Самара, 2007. – Вып. 3. – С. 89–90.

181. Самара. Разрушенный Кафедральный собор. 1934 г. [Электронный ресурс] // Бичуров, Г.В. Самара на открытках и фотографиях / Г.В. Бичуров. –

URL: http://oldsamara.samgtu.ru/part_2/page_10/html/sf-1934-08.html (дата обращения: 15.11.2022).

182. Самарская летопись: Очерки истории Самарского края с древнейших времен до наших дней [Текст]: в 3 кн. / под ред. П.С. Кабытова, Л.В. Храмкова. – Книга третья: Самарский край в XX веке (1918–1996 гг.). – Самара, 1997. – 264 с.

183. Самарский Иверский женский монастырь к 160-ю основания обители [Текст]. – Самара, 2010. – 120 с.

184. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. [Текст] / под ред. А.Г. Кравецкого, А.А. Плетневой. – Москва, 2000–2002. – 568 с.

185. Семья меннонитов Корнея Ивановича Вибе перед выселением. Александертальская колония, село Мариенталь, 1928 г. [Текст] // Музей истории Самарского края и муниципальных образований Самарской области. – URL: https://museum.samgd.ru/region/pamjatnye_daty/god_kultury_-_2014/144768 (дата обращения: 15.11.2022).

186. Слезин, А.А. За «новую веру». Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодежи РСФСР (1918–1929 гг.) [Электронный ресурс]: монография / А.А. Слезин. – URL: <https://monographies.ru/ru/book/section?id=2385> (дата обращения: 25.07.2023).

187. Слезин, А.А. Советское государство против религии: «оттепель» середины 1920-х годов [Текст] / А.А. Слезин // Юридические исследования. – 2013. – № 2. – С. 37–73. – URL: https://e-notabene.ru/lr/article_448.html (дата обращения: 10.11.2022).

188. Смолкин, В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма [Текст] / Виктория Смолкин; пер. с англ. О.Б. Леонтьевой, науч. ред. М.Ю. Смирнов. – Москва, 2021. – 552 с.

189. Смыкалин, А.С. Государственно-конфессиональные отношения в СССР. 1917–1930 г. [Текст] / А.С. Смыкалин // История права. – 2016. – № 5. – С. 17–23.

190. Советские традиции, праздники и обряды: опыт, проблемы, рекомендации [Текст] / сост. М. Д. Довбуш [и др.]. – Москва, 1986. – 333 с.

191. Соколова, А. Новому человеку – новая смерть? Похоронная культура раннего СССР [Текст] / А. Соколова. – Москва, 2022. – 456 с.

192. СССР: аграрная политика и региональные особенности ее реализации (1922–1991) [Текст] / отв. ред. О.А. Сухова. – Пенза, 2022. – 764 с.

193. Татары Самарского края: историко-этнографические и социально-экономические очерки [Текст] / под ред. Ш.Х. Галимова. – Самара, 2017. – 616 с.

194. Титлинов, Б.В. Новая церковь [Текст] / Б.В. Титлинов. – Москва; Петербург, 1923.

195. Тихомиров, Б. Баптизм и его политическая роль [Текст] / Б. Тихомиров. – 2-е изд. – Москва; Ленинград, 1929. – 62 с.

196. Уразманова, Р.К. Татарский вариант бытования исламских праздников (XIX – начало XXI в.) [Текст] / Р.К. Уразманова // Ислам в мультикультурном мире: материалы 1-го Казанского международного научного форума. – Казань, 2012. – С. 428–440.

197. Филиппова, Т. «Исход братьев»: переселение меннонитов из СССР в конце 1920-х гг. [Текст] / Т. Филиппова // Родина. – 2002. – № 10. – URL: http://krotov.info/lib_sec/21_f/fil/ippova.htm?ysclid=la701b0i8c157828894 (дата обращения: 06.11.2022).

198. Фирсов, С.Л. Власть и огонь: Церковь и советское государство: 1918 – начало 1940-х гг. [Текст]: очерки истории / С.Л. Фирсов. – Москва, 2014. – 470 с.

199. Хелльбек, Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи [Текст] / Й. Хелльбек; пер. с англ. С. Чачко; науч. ред. А. Щербенок. – Москва, 2017. – 424 с.

200. Хирш, Ф. Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза [Текст] / Франсин Хирш; авториз. пер. с англ. Р. Ибатуллина. – Москва, 2022. – 472 с.

201. Храмков, Л.В. Введение в Самарское краеведение [Текст] / Л.В. Храмков. – Самара, 2003. – 354 с.

202. Хрестоматия по истории России [Текст] / под ред. А.С. Орлова. – Москва, 2014. – 592 с.

203. Цыпин, В.А. История Русской Православной Церкви 1917–1997 гг. [Текст]: учеб. для православ. духов. семинарий / Протоиерей Владислав Цыпин. – Москва, 1994. – 251 с.

204. Черная книга: («Штурм небес»): сборник документ. данных, характеризующих борьбу советской коммунистической власти против всякой религии, против всех исповеданий и церквей [Электронный ресурс] / сост. А.А. Валентинов; с вводной ст. Петра Струве. – Париж, 1925. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/chnajaja-kniga-shturm-nebes (дата обращения: 10.11.2022).

205. Шагаев, В.А. Правовые основы комплектования Красной Армии в 20-е гг. XX в. [Текст] / В.А. Шагаев // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 351. – С. 118–120.

206. Шахнович, М.В. И. Ленин и проблемы атеизма: критика религии в трудах Ленина [Текст] / Акад. наук СССР. Музей истории религии и атеизма. – Москва; Ленинград, 1961. – 671 с.

207. Шишкин, А.А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской православной церкви [Текст] / А.А. Шишкин. – Казань, 1970. – 367 с.

208. Шмелев, С.А. Красное «комсомольское рождество» и проблема формирования нового быта в начале 1920-х. [Текст] / С.А. Шмелев // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – Т. 17, № 3. – С. 92–99.

209. Щапов, А.П. Сочинения [Электронный ресурс]: в 3 т. / А.П. Щапов. – Т. 1. – Санкт-Петербург, 1906. – URL: http://sergeyhry.narod.ru/txt/shapov_a_p/shapov_tI_17.htm (дата обращения: 10.11.2022).

210. Эткинд, А. Хлыст. Секты, литература и революция [Текст] / А. Эткинд. – Хельсинки, 1998. – 688 с.

211. Яблоков, И.Н. Религиоведение: учебное пособие [Текст] / И.Н. Яблоков. – Москва, 2004. – 317 с.

212. Якунин, В.Н. История Самарской Епархии [Текст] / В.Н. Якунин. – Тольятти, 2011. – 648 с.

213. Якунин, В.Н. Самарская епархия Русской православной церкви в 1917–1941 гг. [Текст] / В.Н. Якунин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2022. – № 4. – С. 62–78.

214. Anderson, John. Religion, State and Politics in the Soviet Union and Successor States [Text] / John Anderson. – Cambridge, 1994. – 236 p.

215. Schlögel, Karl. Sowjetische Jahrhundert. Archäologie einer untergegangenen Welt [Text] / Schlögel, Karl. – München, 2017.

Диссертации и авторефераты

216. Гагарина, И.Ю. Русское мистическое сектантство XVIII – начала XXI в.: исторический и социально-психологический аспекты [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук / И.Ю. Гагарина. – Москва, 2011.

217. Далгатова, А.Г. Политика Советского государства по отношению к неправославным вероисповеданиям: Октябрь 1917-го – конец 1930-х годов [Текст]: дис. ... д-ра. ист. наук / А.Г. Далгатова. – Санкт-Петербург, 2004.

218. Деканова, М.К. Трансформация российской праздничной культуры в конце XIX – первой трети XX в.: центр и провинция [Текст]: дис. ... канд. ист. наук / М.К. Деканова. – Самара, 2009.

219. Иванушкина, С.А. Формирование музейной сети Самарской губернии в 1918–1928 годы [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук / С.А. Иванушкина. – Самара, 2010.

220. Ильязова, Р.В. Антирелигиозная пропаганда в СССР в 1918–1941 гг. (по материалам Симбирского-Ульяновского края) [Текст]: дис. ... канд. ист. наук / Р.В. Ильязова. – Ульяновск, 2021.

221. Катькова, В.В. Старообрядчество Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX века [Текст]: дис. ... канд. ист. наук / В.В. Катькова. – Самара, 2010.

222. Кобзев, А.В. Мусульмане Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: Этноконфессиональный аспект [Текст]: автореф. ... дис. канд. ист. наук / А.В. Кобзев. – Ульяновск, 2002.

223. Корилов, Д.Г. Государство, церковь и сектантство в России во второй половине XIX – начале XX вв. [Текст]: автореферат дис. ... канд. ист. наук / Д.Г. Корилов. – Челябинск, 2011.

224. Набиев Р.А. Политика советского государства по отношению к религии и церкви в 20 – 30-е годы: (На материалах национальных республик Поволжья и Приуралья) [Текст]: дис... д-ра ист. наук / Р.А. Набиев. – Казань, 1992.

225. Соколов, А.В. Государство и Православная церковь в России, февраль 1917 – январь 1918 гг. [Текст]: дис. ... д-ра ист. наук / А.В. Соколов. – Санкт-Петербург, 2014.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Отрывок пьесы «Верная примета»⁵⁷⁵

Что поп, переходя дорогу, вам вредит,
Вам это всякий подтвердит.
Вот до чего верна народная примета,
И слыша, как теперь попы пустились врать,
Стремясь средь нас разброс посеять и тревогу,
Я думаю, пора, пора к рукам прибрать
Всю эту черную, озлобленную рать,
Что подлю норовит вам перейти дорогу.

⁵⁷⁵ СОГАСПИ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 237. Л. 19.

⁵⁷⁶ Самара. Разрушенный Кафедральный собор. 1934 г. // Бичуров Г.В. Самара на открытках и фотографиях. Режим доступа: http://oldsamara.samgtu.ru/part_2/page_10/html/sf-1934-08.html (дата обращения: 15.11.2022).

⁵⁷⁷ Фотографии Детского театра-кино, размещенного в здании Католического костела в Самаре // ЦГАСО. Ф. Р-828. Оп. 3. Д. 31.

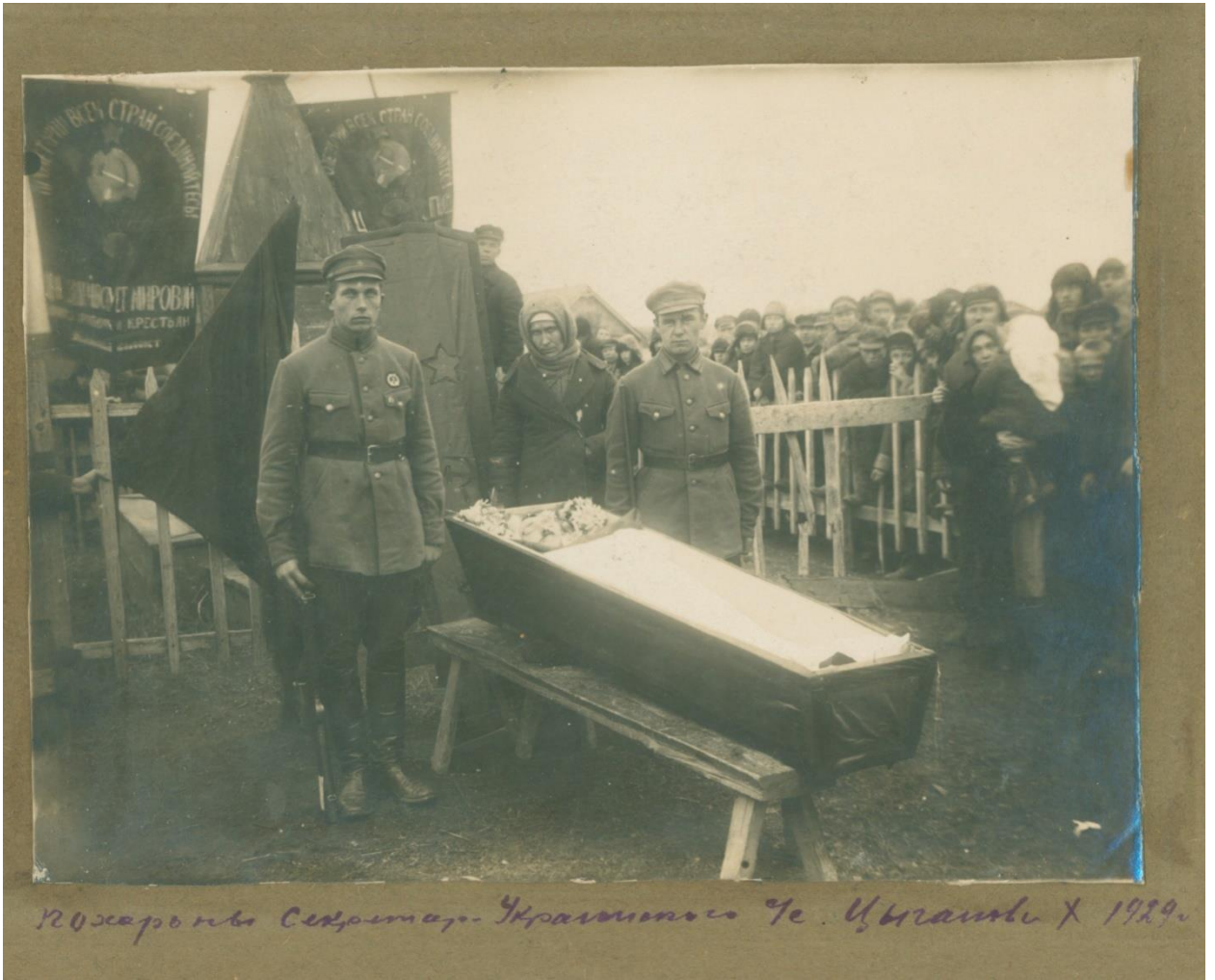

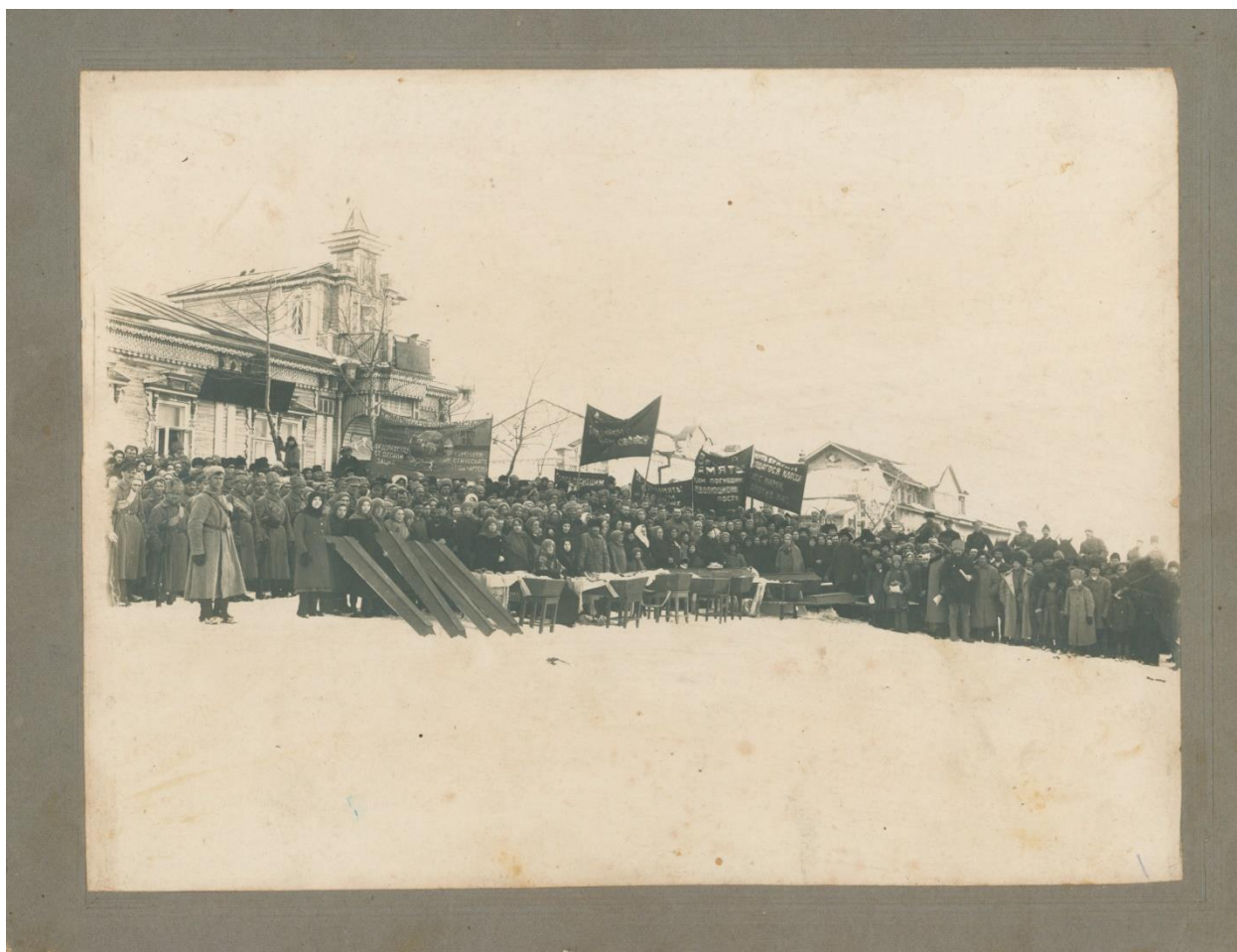

⁵⁷⁸ Фотография первых похорон по-советски в с. Пестровка. 1928 г. // СОГАСПИ. Ф. 651. Оп. 12. Д. 3424.

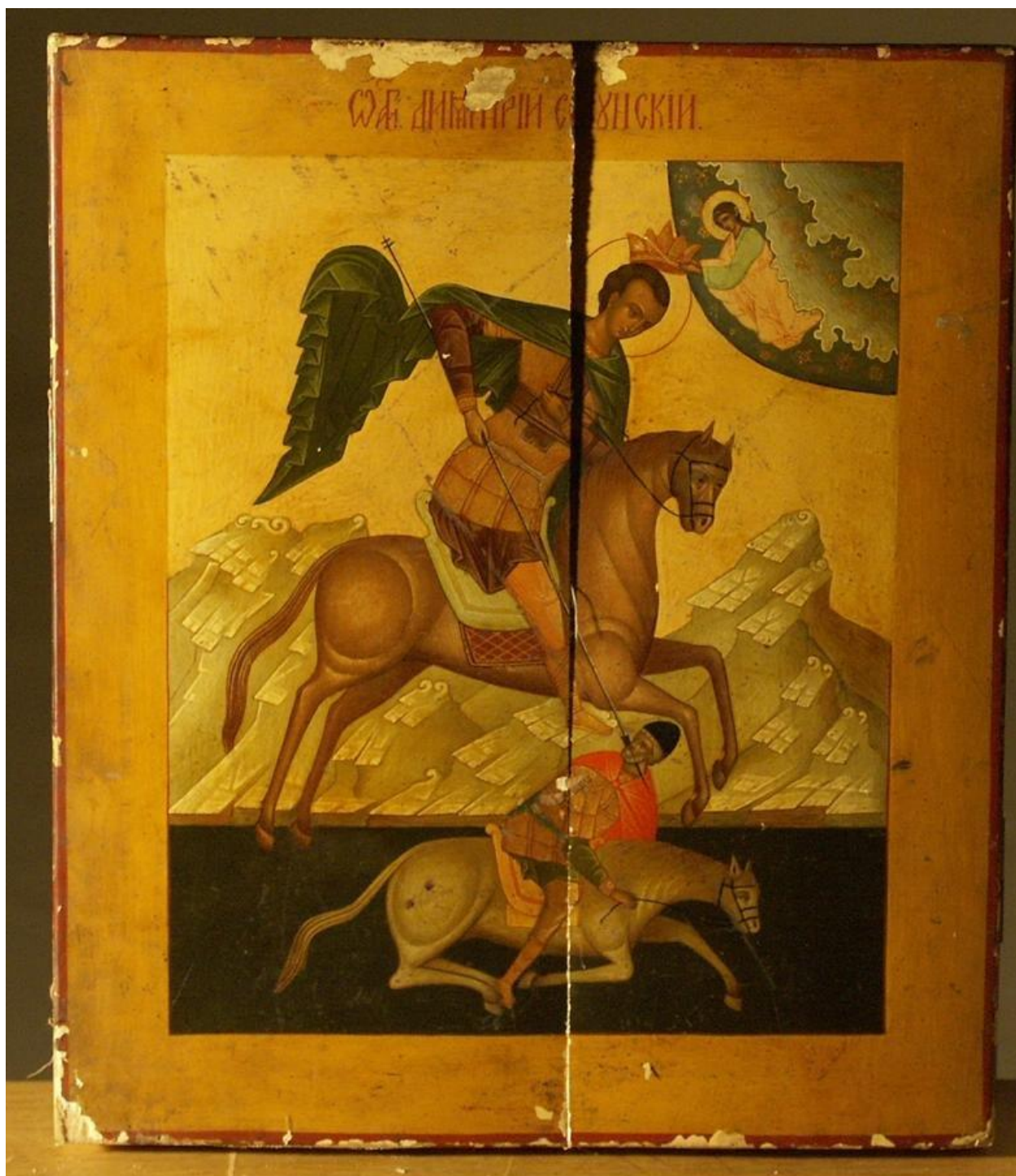
⁵⁷⁹ Фотографии похорон секретаря украинского сельского совета, Б. Черниговской волости В.И. Цыганова, убитого выстрелом через окно квартиры // СОГАСПИ. Ф. 651. Оп. 12. Д. 3100.

⁵⁸⁰ Фотографии похорон жертв «чапанного» восстания в с. Кинель-Черкассы // СОГАСПИ. Ф. 651. Оп. 12. Д. 2267.

⁵⁸¹ Икона двусторонняя «Дмитрий Солунский» // Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина. КМК КП-14562.

⁵⁸² Фигурка Иисус Христос // Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина. КМК КП-14600.

⁵⁸³ Фонарь церковный (XIX в.) // Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина. КМК КП-14607/2.

«Вопрос: Как следует православному христианину смотреть на современную гражданскую власть, которая борется с богом и гонит св. церковь?»

Ответ: Как на поущение божие для нашего наказания и вразумения во исполнение слов св. писания: «Бывает ли в городе бедствие, которое не господь попустил бы;

Вопрос: Как следует православному христианину относиться к гражданской власти?»

Ответ: Подчиняться во всем, что не противно заповедям Божиим и не вредит нашему спасению...т. е. платить все налоги и содействовать благосостоянию и безопасности своего народа, но если от вас потребуют чего-либо противного закону Божию и нашему христианскому званию, то отвечать словами апостолов: «Должно повиноваться больше богу, нежели человекам» ... Эти слова Христа мы должны знать не только в теории, но главным образом на практике и тогда мы будем всегда счастливы и радоваться...;

Вопрос: Как быть христианину если его обвиняют в контрреволюции?»

Ответ: Этим не следует смущаться. Это обвинение ложное и выдуманно врагами и сей удел всех исповедников веры;

Вопрос: Откуда это видно? Из св. евангелия и жития святых...

Вопрос: Какая цель таких обвинений со стороны врагов Христа и его св. церкви?»

Ответ: Цель так, чтобы, во-первых, ослабить силу духа у исповедников привести их в смущение правда – ли что они страдают за Христа вере в которого их даже не спрашивают, но обвиняют их в таких преступлениях, которых они не совершали и угоден ли богу их подвиг. Во – вторых выставить их в глазах народа не как исповедников веры, святому примеру которых христиане должны, следовательно, как преступников достойных наказания...;

⁵⁸⁴ Самарский Епархиальный церковно-исторический музей. Документы XX век. 1920-е – 1930-е гг. Церковно-историческая тематика. КП 1605.

Вопрос: Как же церковь и православный христианин в частности должен относиться к революции и контрреволюции?

Ответ: Необходимо прежде всего выяснить что означает слово революция, и на основании этого определить свое отношение к ней;

Вопрос: Что означает слово революция?

Ответ: Слово революция по словарю иностранных слов есть всякое насильственное действие будет ли это государственный переворот или общественных, или даже семейный. Другими словами, революция – есть насилие;

Вопрос: Может ли церковь сочувствовать этому насилию?

Ответ: Нет не может;

Вопрос: Почему?

Ответ: Да потому что всякое насилие церковь отвергает и сочувствовать ему не может, тем более, что это насилие почти всегда сопровождается пролитием человеческой крови...;

Вопрос: Как же церковь относилась к государственным переворотам?

Ответ: Она признавала их только как совершившийся факт, богом попущенный для наказания людей не более;

Вопрос: ...В чем же отличается современная идея государственности от идеи установленной самим богом?

Ответ: Тем, что в прежние идеи государственная власть передавалась сверху вниз от бога через верховную власть преемственна до последнего самого малого начальника, а у современной нам идеи государственности власть, взятая снизу передается вверх т. е. извратили божественный порядок, а посему эту власть нельзя назвать законной, т. е. нельзя признать власть от бога...;

Вопрос: Какая же причина гонений на церковь со стороны неверующей власти?

Ответ: Стремление подчинить церковь своему влиянию и через церковь приготовить народ к будущему принятию антихриста, как политического духовного главу падшего человечества;

Вопрос: Может ли Христова церковь идти на компромиссное соглашение с неверующей гражданской властью и если не может, то почему?

Ответ: Не может, потому что это пользы не принесет и недостойно истинных последователей Христа...;

Вопрос: Какие же требования неверующей гражданской властью предъявлены к церкви?

Ответ: 1. Оправдать ее противные христианству действия, т. е. признать справедливость революции, которая, повторяем, по словарю иностранных слов есть насилие.... 2. Сочувствовать революции и ее идеям отсюда обвинение в контрреволюции всех христиан, кои по своей христианской совести не могут сочувствовать ни революции, как таковой, ни ее идеям, не отрекаясь от Христа, хотя бы внешне 3. Признать компетентность гражданской власти в делах чисто церковных и признать ее покровительницей церкви, что неестественно;

Вопрос: Какая цель таких требований правительств, предъявляемых церкви?

Ответ: Власть коммунистическая, как выше сказано есть переходная ступень к антихристианству, а посему ее идеи и требования есть прообраз будущих идей, а требования к христианам со стороны антихриста...;

Вопрос: Какая же разница между идеями язычества и идеями коммунизма?

Ответ: Язычество, думая «службу совершить богу», заставляло христиан кланяться богам не желающих же делать называло безбожниками, а коммунизм отвлекает от истинного бога к безбожию с определенной целью разрушений веры в единого истинного бога, т. е. стремится уничтожить христианство, заменить его антихристианством;

Вопрос: Какие же к тому приняты меры?

Ответ: Введен гражданский брак, который фактически в самом корне уничтожает одно семью, установленную самим богом и получается скотская жизнь. Патриотизм заменен интернационализмом и классовой борьбой...;

Вопрос: Как нужно смотреть по посланию м. Сергия и его синода от 16. Июня 1927 г.?

Ответ: Признать, как личное мнение м. Сергия и единомышленников с ним епископов не обязательно для прочих православных русских церквей;

Вопрос: Почему так, ведь послание м. Сергия есть декларация к гражданскому правительству от лица всей русской церкви.

Ответ: Потому что оно издано с нарушением 34 апостольского правила, которое повелевает епископам всякого народа знать первого из них и почитать его яко главу... (типо м. Крутицкий в ссылке и благословление не давал Сергию) и признать решение Сергия канонической ошибкой

Вопрос: Следовательно, благодарность, выраженная в послании п. Сергия Советскому правительству за внимание к духовным нуждам православной церкви беспомощна?

Ответ: Да, ее только бесполезна, но и не должно быть, потому что она есть или обманутая доверчивость, или лесть недостойная христианина или нежелание знать, что христианство и коммунизм взаимно исключают друг друга т. е. вера во единого истинного бога и богоборчество в мире между собой жить не могут и идейная борьба между ними неизбежна и атеизм не может быть покровителем христианства».